

Сетон Ллойд

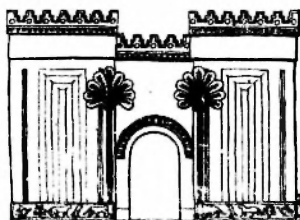
АРХЕОЛОГИЯ МЕСОПОТАМИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сетон Ллойд

АРХЕОЛОГИЯ МЕСОПОТАМИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

ББК. 63.4(3)
Л73

Seton Lloyd
THE ARCHAEOLOGY OF MESOPOTAMIA
From the Old Stone Age to the Persian Conquest
Thames and Hudson,
London, 1978

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
К. Э. Ашрафян, Г. М. Бауэр,
Г. М. Бонгард-Левин (председатель), Р. В. Вяткин,
Э. А. Грантовский, И. М. Дьяконов, С. С. Цельникер,
И. С. Ключков (ответственный секретарь)

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
Я. В. Василькова и И. С. Ключкова

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
В. И. Гуляев

АВТОР ПОСЛЕСЛОВИЯ
Н. Я. Мерперт

Л73 **Ллойд С.** Археология Месопотамии. (От древнекаменного века до персидского завоевания). Пер. с англ. Я. В. Василькова и И. С. Ключкова. Послесл. Н. Я. Мерперта. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984.
280 с. с ил. («По следам исчезнувших культур Востока»).

Книга представляет собой свод основных материалов по археологии Месопотамии начиная с древнейших времен и до VI в. до н. э. В ней кратко рассказывается о результатах археологических исследований, проводимых на территории Ирака и Сирии на протяжении более 100 лет. В работе освещаются проблемы градостроительства, архитектуры, искусства, вооружения, утвари народов, населявших в древности междуречье Тигра и Евфрата.

Л 0507000000-147
013(02)-84 113-84

ББК 63.4(3)

© Thames and Hudson Ltd, 1978.
© Перевод, примечания и послесловие:
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый, кто сколь-нибудь знаком с предметом, которому посвящена эта книга, вполне может быть озадачен непомерным, казалось бы, ее размахом и вправе ожидать, что мы сразу же дадим какое-либо уточнение. Археологические раскопки интенсивно ведутся по всей Месопотамии на протяжении более 100 лет, и научная литература уже столь велика, что могла бы составить целую библиотеку. Большое число исследований освещают различные аспекты сложной и многообразной тематики, среди них мы находим все, начиная от полевых отчетов и типологических классификаций до комментариев к эпиграфическим памятникам и работ об эволюции художественного стиля. Неудивительно, что недавно опубликованная библиография работ по археологии Месопотамии содержит более 5 тыс. книг и статей. И поскольку мы здесь не в состоянии даже сжато изложить основные из этих работ, то тема нашего обзора сужена до одного лишь аспекта исследований, а охват материала пришлось ограничить. Характер отбора, по существу, обусловлен тем фактом, что в Месопотамии, где письмо было изобретено в очень раннюю эпоху, все добываемые в процессе раскопок материалы можно поделить на две основные категории.

Недавно один ученый довольно произвольно определил функцию археологии, как «способ изучения прошлого посредством материальных остатков, но не текстов». Особенно примитивным это выглядит в отношении к Египту и Месопотамии, где значительная часть обнаруживаемых археологами «материальных остатков» представляет собой как раз письменные документы. Кроме того, эти документы не только предо-

ставили в распоряжение науки древние повествования исторического содержания, но и содействовали решению более значительной задачи — воссозданию древней цивилизации во всех ее деталях. В это выдающееся достижение науки письменные тексты внесли весьма весомый вклад именно тем, что сделали более отчетливыми наши представления о социальной и экономической организации, об интеллектуальном развитии общества в те эпохи, когда уже существовала письменность. Однако если говорить о самих раскопках, то материальные остатки культурной среды, в которой создавались эти письменные документы, позволяют нам более полно раскрыть картину развития человеческого общества и его приспособления к окружающей среде. Одним словом, нашими на редкость обширными знаниями о месопотамской цивилизации в «историческую» эпоху ее существования мы почти в равной мере обязаны двум источникам: древней литературе, с одной стороны, и остаткам материальной культуры — с другой. Кроме того, нельзя забывать, что этому «историческому» времени предшествовала длительная бесписьменная эпоха, на протяжении которой закладывались основы человеческой культуры, и если мы сейчас все больше узнаем об этом периоде, то источником наших знаний является исключительно «полевая археология».

Уже из изложенного выше можно понять, что в данной книге речь пойдет не столько о вкладе, внесенном филологией, сколько о памятниках материальной культуры и о раскопках, в результате которых они были открыты. По ряду причин тематика книги была подвергнута и другим ограничениям.

Во-первых, в книге «Основания во прахе» (Оксфорд, 1947) мною уже была описана деятельность первых археологов, работавших в Месопотамии; поэтому я решил не возвращаться к анекдотическим описаниям раскопок викторианского времени, примитивных по своей методике, а предпочел взять за отправную точку тот момент, когда в практику археологических работ впервые были внедрены научные методы. Это относится к концу XIX — началу XX в.

В Месопотамии заслуга введения в практику систематических раскопочных работ и приемов фиксации материала принадлежит двум немецким ученым: Роберту Кольдевею и Вальтеру Андрэ, которые начали

свою работу в Вавилоне в 1899 г. Они изобрели и быстро усовершенствовали метод прослеживания кирпичных оснований стен, что дало им возможность выявлять древние здания или оборонительные сооружения с такой точностью, о какой прежде не приходилось и мечтать. В 1903 г. Андрэ перенес свою деятельность в Ашшур, столицу древней Ассирии, при раскопках развалин которого он также использовал новый метод. Оба археолога до сих пор применяли его только к руинам, залегавшим непосредственно у самой поверхности. Но Андрэ пошел дальше. Обнаружив, что один раскапываемый им храм, судя по некоторым признакам, перестраивался несколько раз в различные эпохи, он нашел способ обследовать развалины каждого из уровней, дойдя до самого древнего, нижнего святилища (его он приписал шумерам — народу, о котором почти ничего еще не было известно). В ходе этих работ он освоил искусство «стратифицированных», послойных раскопок, и этот новый метод дал ученым ключ к эффективному изучению любых памятников Месопотамии. В 30-х годах нашего столетия, когда в Ирак начали прибывать профессиональные археологи из разных стран, они быстро переняли и весьма плодотворно использовали методику, разработанную немцами. Разумеется, с годами эти методы были доработаны и усовершенствованы; но мы и сейчас помним, что именно они, изобретенные Р. Кольдеем и В. Андрэ, легли в основу развития современной археологической методики, которая и сделала возможными открытия, описанные в этой книге.

Во-вторых, оказалось необходимо ограничить географические рамки изложения — территорией Ирака. Но поскольку, разумеется, границы Ирака далеко не всегда и не во всех отношениях совпадают с границами древней Месопотамии, нам пришлось допустить здесь ряд исключений. Когда в 1933 г. был пересмотрен «Закон о древностях», в результате чего иностранные археологи лишались своей доли, т. е. права вывоза части находок, некоторые французские и английские экспедиции занялись памятниками, расположенными на территории Сирии. Именно это привело к открытию А. Парро г. Мари и к удачным раскопкам Мэллоуна в районе Хабура, итоги которых нельзя обойти молчанием.

И, наконец, было решено, что за недостатком места целесообразно будет довести мое исследование исторически только до момента завоевания Месопотамии персами в VI в. до н. э. Чтобы рассказать о находках археологов во время раскопок на территории Ирака, относящихся к сасанидскому, парфянскому и исламскому периодам, потребовалась бы, вероятно, еще одна такая книга.

Глава I

СТРАНА И ЕЕ РЕКИ

Название Месопотамия представляет собой архаизм, применяемый, по традиции, чаще для обозначения арены событий древней истории, нежели для четко очерченного географического района. Греческие переводчики Ветхого Завета понимали¹ под Месопотамией родину патриарха Авраама, страну, окружавшую древний город Харран и заключенную между реками Тигром и Евфратом в их среднем течении. Страбон называл Месопотамией лишь северную часть Междуречья, а южную — Вавилонией. Только Плиний раздвинул пределы Месопотамии до Персидского залива; она приблизительно занимала территорию современного Ирака. Однако точность этого арабского названия (Ирак означает — «обрывистый берег, утес») довольно сомнительна. Оно было дано арабскими завоевателями и относилось только к Вавилонии, причем значение его нуждается в пояснении. Когда вы приближаетесь к речной долине, двигаясь, подобно арабам VII в. н. э., из Эль-Хамада, холмистой Аравийской пустыни на западе, вы внезапно оказываетесь на крутом, метров на 30 возвышающемся над равниной обрыве, с которого поверх деревьев возделанной зоны Евфрата открывается вид на лежащую за ней зону земледелия Тигра, а в еще большем отдалении — на узкую линию гор Загроса, служащих восточной границей Месопотамии. На краю этого «обрыва», в Эль-Куфе, есть «святое место», называемое ас-Сафина («корабль»), где, как считают мусульмане, остановился Ноев ковчег.

Две области

Сказанного выше достаточно, чтобы оценить существенное различие между Северной и Южной Месопотамией, которое станет еще более очевидным, ко-

Карта № 1. Важнейшие упоминаемые в тексте археологические памятники Ближнего Востока

гда мы рассмотрим геофизический характер страны, ее геологическое строение, климатические особенности и другие элементы окружающей среды, наложившие в своей совокупности специфический отпечаток на жизнь древнейших обитателей Месопотамии (см. [30, гл. 11, 21]). Как географическое целое — пока достаточно четко не определенное — она образуется широкой, незначительной по глубине впадиной, которая протянулась на северо-запад от луки Персидского залива и в геологическом отношении является его продолжением. Определить границы ее с обеих сторон не представляет особой трудности: на северо-востоке она ограничена понижающимися предгорьями хребтов Ирана, на юго-западе — гигантской пустыней, которую геологи называют Аравийским плато.

Далеко не так заметна на обычной карте горизонтальная разделительная линия, проходящая приблизительно через города Хит на Евфрате и Самарру на Тигре: ею обозначена верхняя граница аллювиальной равнины. К северу от этой черты Междуречье занято голым известняковым плато Эль-Джезира

Карта № 2. Упомянутые в тексте
археологические памятники Месопотамии

(«остров»), которое запирает Евфрат в узкой долине. Тигр, однако, поддерживаемый своими восточными притоками, течет по широкому нагорью, на холмах которого раскинулись пашни и пастбища; этот-то плодородный край и назывался некогда Ассирией. К югу от линии Хит—Самарра, где реки образуют общую дельту, ландшафт совершенно иной: весь этот район является порождением двух рек; благодаря наносам

Тигра и Евфрата здесь образовалась огромная и совершенно плоская равнина, которой по плодородию нет равных на всем Ближнем Востоке.

Береговая линия

В нашем описании Месопотамии мы подошли к одной из важнейших проблем, связанных с геологическим строением южной ее части — дельты. Ибо до недавнего времени существовало единодушное мнение как историков, так и геологов, что значительная часть нынешней аллювиальной равнины была постепенно отвоевана у моря. Все, разумеется, понимали, что отступление моря должно было начаться в очень давние времена, поскольку верхние две трети равнины сплошь усеяны древними холмами, скрывающими под собой великие города Шумера и Аккада, история которых восходит к древнейшим человеческим поселениям VI тысячелетия до н. э. Но в то же время примерно по широте Эн-Насирии по всей стране проходит линия, к югу от которой уже нет холмов-городищ [166, с. 20—31]; между этой линией и нынешним побережьем лежит обширная, малонаселенная область озер и болот. На этом строилось предположение, что залив, некогда, возможно, занимавший всю территорию дельты, к началу раннеисторического периода отступил уже до самой линии Эн-Насирии; затем реки Керхе и Карун, текущие из Хузестана на запад, своей дельтой отрезали крайнюю северную часть акватории залива и превратили ее в огромное озеро, которое Тигр и Евфрат сумели с тех пор в значительной части заполнить отложениями ила.

Однако в 1952 г. этой всеми принятой гипотезе был нанесен сокрушительный удар двумя геологами [103, с. 24—39], которые провели тщательное исследование с использованием усовершенствованного оборудования и в результате смогли доказать, что в действительности положение береговой линии с начала исторической эпохи не претерпело существенных изменений. Первые же их результаты подтвердили, что лишь малая часть доставляемых обеими реками наносов вообще достигала моря; благодаря этим наносам уровень южной равнины поднимался на 60 см каждые 100 лет. А это означает, что никакие озера и болота

не могли сохраниться на юге, если бы отложение наносов не уравнивалось проседанием коренной породы дельты. Впоследствии ученым удалось установить и сам факт, и приблизительную степень этого проседания.

Поначалу археологам трудно было согласовать все это с некоторыми уже установленными историческими фактами. Так, например, шумерский город Эреду (Абу-Шахрайн), слывающий в месопотамской традиции «древнейшим городом мира», шумерскими авторами совершенно определенно характеризуется как «стоящий на берегах морских», а в расположенном всего в нескольких милях отсюда Уре имелись причалы, у которых разгружались морские суда [84, с. 174—183]. Сейчас оба города отстоят от берега почти на 100 миль; следовательно, ученым приходилось искать какое-либо приемлемое компромиссное решение. Помог им в этом один совершенно незначительный на первый взгляд археологический факт. В храме Эреду в жертву богу Энки приносили рыбу, и среди остатков жертвоприношений здесь найдены были кости особой разновидности морского окуня, который водится только в соленых водах устьев рек, впадающих в море или океан и подверженных действию приливов. Быть может, неглубокая впадина, у которой расположен Эреду, являлась некогда частью нынешней системы озер, а та, в свою очередь, соединялась глубокими каналами с устьем Евфрата. Древнее русло самого Евфрата могло играть аналогичную роль и для Ура.

Реки

Теперь, пожалуй, следует вернуться к характеристике двух рек, от которых полностью зависит экономика страны.

Тигр берет начало в маленьком озере (Хазар-Гёлю), лежащем примерно в 100 милях западнее оз. Ван, и оттуда течет к востоку и юго-востоку, в сторону Ниневии и Ассирийского нагорья. У Евфрата, реки, значительно большей по длине, чем Тигр (соответственно 1780 и 1150 миль), — два истока, расположенных между оз. Ван и г. Эрзурум. Оба истока текут сначала на запад и сливаются около г. Элязыга, где сейчас с помощью Кебанской плотины образовано озе-

ро. Дальше поток движется к югу, пересекает — неподалеку от древнего города Каркемиша — границу Турции и Сирии, а затем попадает на территорию Ирака. В этом месте Евфрат и Тигр разделяет степь примерно в 250 миль, и две реки сближаются вновь, лишь достигнув окрестностей городов Багдад и Рамеди. В этом месте уровень Евфрата выше уровня Тигра на 9 м, и система древних оросительных каналов, соединяющих обе реки, обеспечивала полосу земли, заключенной между ними, небывалое плодородие. Затем реки снова расходятся, и равнина орошается уже более сложной системой каналов и отводов.

На пути через Ирак, прежде чем дойти до линии Хит — Самарра, реки текут по руслам, которые сами пробили в твердом известняке и сланце, так что их течение вряд ли изменилось с доисторических времен. Поэтому такие города, как Каркемиш, Ниневия, Нимруд и Ашшур, и сейчас стоят на речных берегах. К югу от той же линии мы наблюдаем совершенно иную картину. Здесь реки блуждают по аллювиальной равнине, часто меняя русло и разветвляясь на рукава. Кроме того, как все реки со значительным количеством ила в воде и с низким уклоном, они постепенно наращивают уровень собственных русел, и если в пору разлива они выходят из берегов, то могут образовываться огромные озера или болота, а иногда и сама река меняет русло. Вот почему некоторые великие города аллювиальной равнины, некогда стоявшие на берегах Тигра или Евфрата, сейчас представляют собой гигантские развалины на высохших полях, затерянных в глубине безводной пустыни.

От этих двух рек, бегущих в несколько возвышающихся над окружающей равниной берегах, нам удобно перейти к следующей теме: месопотамская ирригация и ее важнейший вклад в экономику страны. Известно, что при сооружении оросительной системы особое внимание уделялось контролю над водами реки при разливе. Естественно, это зависело от сезонных паводков, обуславливавшихся, в свою очередь, местными климатическими условиями.

Климат и ирригация

Что касается климата Месопотамии, следует прежде всего иметь в виду, что он, по свидетельству геологов, начиная уже с самых древних времен не претер-

пел сколь-нибудь заметных перемен. Летом температура колеблется от +30 до 50° в тени; дождя не бывает на протяжении восьми месяцев в году. К концу сухого сезона реки превращаются в узкие ленты. Потом приходит зима: днем неярко светит солнце, ночью холодно, время от времени налетают ураганные ливни. Реки, однако, не наполняются до самой весны, когда их притоки начинают питаться за счет таяния снегов в горах Загроса и Тавра. Наступает пора весеннего разлива. Менее ста лет назад его считали неконтролируемым, и на протяжении всей истории он терроризировал обитателей южной равнины. Притом, как это ни парадоксально, разлив происходит в период от апреля до июня — слишком поздно с точки зрения нужд сельского хозяйства, так как он уже не может быть использован для орошения основного посева зерновых, урожай которых снимают обычно в апреле.

Итак, вот с каким климатом, с какими сезонными колебаниями пришлось иметь дело древним земледельцам Южной Месопотамии: дождь выпадал в недостаточном количестве и не ко времени, речная вода также поступала не ко времени и при этом скапливалась вдоль русел в таких количествах, что контролировать ее было почти невозможно. В итоге страна встала перед необходимостью обеспечивать себя водой исключительно средствами, которые может изыскать человеческая изобретательность: сложной системой каналов, дамб, водохранилищ и регулировочных шлюзов. Это требовало огромных организационных усилий и не меньшего терпения. Каналы довольно быстро заиливались, и приходилось систематически проводить работы по углублению их дна. Со временем в ходе этих работ берега вырастали настолько, что невозможно было выбрасывать вычищаемый со дна ил; приходилось рыть новый канал, параллельно прежнему. Если обозреть Месопотамию с борта самолета, прежде всего бросается в глаза чрезвычайно сложная система каналов, причем некоторые из них имеют по три параллельных русла. Создается впечатление единой сложной схемы, при которой каналы использовались одновременно. Ранние исследователи и в самом деле представляли древний Ирак гигантской житницей, сказочному процветанию которой положило конец только нашествие монголов в XIII в. Это, разуме-

ется, не соответствует действительности. Археологические исследования недавних лет свидетельствуют как раз об обратном. Серия специальных изысканий штрих за штрихом восстановила для нас картину неуклонного снижения продуктивности, вызванного отнюдь не какой-либо отдельной катастрофой в сравнительно недавнее время, а коренными и неистребимыми порочками в господствующей системе обработки земли, первые проявления которых неожиданно удалось засвидетельствовать уже для одного из древнейших исторических периодов [1, с. 101—104].

Засоление почв

После разливов наибольшую угрозу для сельского хозяйства Месопотамии всегда представляло засоление почв, а также обусловленная им практика так называемого «экстенсивного земледелия». Путешествуя в наши дни по Ираку, воочию видишь последствия непрактичного землепользования. Обширные площади лежат невозделанными, поскольку сплошь покрыты белой коркой — результат неумеренной эксплуатации почвы в прошлом. Вода местных рек, отличающаяся повышенным содержанием соли, поступая на поля, испаряется под жаркими лучами солнца, и соль остается на поверхности земли, тем самым лишая ее плодородия. В условиях «экстенсивной экономики» земледелец просто переходит на другой участок, заново налаживая здесь систему орошения. Но, пожалуй, еще более действенным фактором, способствующим засолению, является неизбежный при столь длительном орошении одного и того же участка подъем подпочвенных вод, выносящих на поверхность соль. Противодействовать этому может только усиленный дренаж; но в условиях «экстенсивного земледелия» земледельцам нет надобности заниматься столь хлопотным делом.

Множество новых данных по этой проблеме нам дало специальное исследование, предпринятое в конце 50-х годов одним из крупнейших ассириологов нашего времени — Торкильдом Якобсеном [82, с. 1251]. Он обнаружил в целом ряде клинописных текстов недвусмысленные указания на процесс засоления почв и сумел проследить его последствия на протяжении длительного исторического периода. Ему удалось, на-

пример, установить, что особенно пострадал от истощения почвы город-государство Лагаш, где засоление, начавшись приблизительно за 2400 лет до н. э., стало постепенно распространяться на запад, в сторону Евфрата. Тысячу лет спустя оно уже достигло Вавилонии. Он также вычислил, что первоначально пшеница составляла 16% всего урожая зерновых. Через 300 лет ее доля упала до 2%, а в источниках за период с 2000 до 1700 г. до н. э. о ней вообще нет ни одного упоминания. Даже ячмень, более приспособленный к условиям засоления и давно уже ставший основной зерновой культурой, резко снизил в этот период свою продуктивность во многих южных районах. На основе такого рода данных вырисовывается картина падения урожайности, которое постепенно распространялось в северном направлении по причине истощения почв на юге. Этот процесс, по мнению ученого, предопределял даже последовательность ключевых перемен в истории Месопотамии, в ходе которой политическое господство перешло сначала от Шумера к Вавилонии, а затем — к Ассирийскому царству на севере, где не было проблемы засоления почв. Но, с другой стороны, целый ряд фактов указывает и на то, что сокращение продуктивности сельского хозяйства в данный период было лишь временным явлением. Обследуя район р. Дияла, расположенный к востоку от Багдада, Якобсен и его коллеги установили, что уже в конце III тысячелетия до н. э. вошли в обиход довольно совершенные методы борьбы с засолением, позволявшие по меньшей мере замедлить его развитие. Опираясь на многовековой опыт, земледельцы разработали технику, дававшую возможность получать максимальные для этой почвы урожаи. Шумерское руководство по сельскому хозяйству, датированное приблизительно 2100 г. до н. э., обнаруживает даже знакомство с примитивной системой парования и простейшими формами дренажа.

Таким образом, если и не принимать во внимание преувеличенной оценки Геродота богатства урожаев в современной ему Вавилонии, мы, пожалуй, вправе считать, что во II и начале I тысячелетия до н. э. продуктивность сельского хозяйства в Южной Месопотамии восстановилась, хотя нередко страну постигали бедствия, вызываемые разливами рек или сменой ими своих русел. Северные же области страдали от засух.

Но в целом Месопотамию можно характеризовать как страну с продуктивным сельским хозяйством и вполне способную на протяжении большей части своей древней истории прокормить собственное население. Более того, она имела, как правило, возможность обменивать у соседних стран излишки своего зерна на камень, металлы и другие материалы. К тому же ее сельскохозяйственная продукция не ограничивалась одними зерновыми. Древние тексты свидетельствуют, что уже в III тысячелетии до н. э. на юге Ирака существовали крупные плантации финиковых пальм и в их культивации уже тогда применялось искусственное опыление. Зерновые и финики являлись главными продуктами, потреблявшимися в древней Месопотамии, хотя на невозделываемых землях разводился крупный и мелкий рогатый скот, а реки, каналы и море изобиловали рыбой. Фрукты и овощи росли в садах и огородах, затененных пальмами и орошаемых при помощи простейших водоподъемных устройств, подобных тем, которые используются в Ираке и поныне.

Северный Ирак

Теперь нам остается только завершить геофизическую характеристику Месопотамии кратким описанием возвышенности, лежащей к северу от линии Хит—Самарра. С западной стороны бесплодного плато Эль-Джезира Евфрат орошает узкую полосу пригодной для обработки земли, отмеченную на карте такими городами—местными торговыми центрами,—как Хит, Рава и Ана. Севернее нынешней ирако-сирийской границы зона земледелия расширяется, образуя значительный по территории сельскохозяйственный район, в древности зависевший от месопотамского по своей культуре города Мари. С востока от Эль-Джезир Тигр и его притоки Большой Заб, Малый Заб и Эль-Узайм, подобно артериям, прорезают ландшафт Ассирии, который представляет собой усеянную холмами каменистую степь, где имеется и прекрасная пахотная земля, и камень для строительства. В среднем в год выпадает достаточное количество осадков для снятия одного урожая пшеницы. Водой из рек или колодцев поливают только сады и плантации. Большую часть года ландшафт уныл и гол, но весной покрывается цветами и травами [144, рис. 2, с. 14].

Наконец, с севера и востока прилегает к Ассирии горная страна, которую называют сейчас Иракским Курдистаном. Он напоминает по форме полумесяц, один рог которого упирается в современный город Ханакин, а другой — в переправу через Тигр близ современного Файш-Кабура, где сходятся границы Сирии, Ирака и Турции. Здешний пейзаж немногим отличается от пейзажа Восточной Турции. Те же деревни — скопления сложенных из камня домиков, прилепившихся к горе; те же пирамидальные тополя и на горных террасах — плантации винограда и табака. Склоны гор часто покрыты лесами из низкорослого дуба или, что реже, из хвойных деревьев. Мы еще вернемся в эти места (иногда называемые гористым обрамлением брэстедовского «Полумесяца Плодородия»), когда отправимся на поиски древнейших поселений.

Завершив описание фона, на котором разворачивались археологические исследования в Месопотамии, остановимся на том, как складывались отношения между населением этой страны и ее соседями, т. е. племенами Сирийской пустыни и гор Загроса. Шумеры и вавилоняне обитали в основном в городах и селениях. В отличие от кочевников пустыни и полукочевых скотоводов Иранского нагорья они боялись открытого пространства и тяготели к оседлой жизни с удобствами, предоставляемыми речной долиной. Но, ведя столь спокойный образ жизни, им, однако, нередко приходилось отбиваться от навязчивого внимания своих менее удачливых соседей, которые мешали им на торговых путях и совершали набеги на удаленные поселения. Как мы в дальнейшем увидим, история Месопотамии в основном наполнена борьбой ее жителей за сохранение своего оседлого образа жизни и защитой от посягательств алчных номадов. Иногда исторически более значимым фактором для судеб Месопотамии оказывалось, однако, не открыто враждебная деятельность этих племен, а мирное их проникновение в обиталище жителей долины, укоренение в нем и в итоге — создание иноэтнического большинства. Именно при таких обстоятельствах произошел переход власти от местных правителей к Аккадской династии или к преимущественно семитской по крови династии вавилонских царей. Но и их власть могла быть прервана восточными племенами или касситской знатью. Такого рода поворотами насыщена вся история Месопотамии.

Глава II

ЗАРЯ НЕОЛИТА

В этой главе нашей основной задачей будет подытожить имеющиеся сведения о происхождении и социальном развитии народов, потомки которых населяли Месопотамию в историческую эпоху. Связь между ними и человеческими сообществами палеолита (древнекаменного века) остается до сих пор трудноуловимой и проблематичной. Мы, однако, не вправе ее игнорировать; и коль скоро мы уже наметили границы интересующего нас географического района, то нерезонно было бы пренебречь полученными наукой данными о присутствии на этой территории человеческих популяций в эпохи, предшествовавшие смене палеолита неолитом. Развитие древнейшей человеческой культуры находится в тесной связи с геологической историей Юго-Западной Азии, которой оно, по сути дела, и обусловлено. Нас, правда, могут интересовать только последние, т. е. наиболее близкие к нам, этапы геологической истории. Прежде всего нам надлежит дать последовательность этих этапов, а также схему, предопределенную ими, как принято думать, для развития человеческой цивилизации.

Древнекаменный век

Эпоха палеолита, на протяжении которой наблюдается развитие человека от обезьяноподобного предка к *homo sapiens*, приблизительно совпадает с плейстоценом — «новейшей» фазой геологической истории. Начался плейстоцен 2 млн. лет назад, а закончился 20—12 тыс. лет назад. На протяжении этого периода гигантские ледники, представлявшие собой продолжение полярной ледяной шапки, по меньшей ме-

До настоящего времени	ВЕК	ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА	И Р А К		Характер культуры
			ШАНИДАР	Другие памятники	
12 000	↑ СЕРЖНИЙ ПАЛЕОЛИТ	↑ мадлен	слой В ₁ 10 600 до н.э.	Зави - Чеми	↑ Производящее хозяйство
15 000			слой В ₂ 12 000 до н.э.	Карим - Шахир Млефат Хазар - Мерд Палегавра	
20 000			перерыв		
30 000			Вершина слоя С 28 000 до н.э.	Зарзи	
40 000	↑ СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ	↑ пери гор ориньяк	Нижний предел слоя С 35 000 до н.э.		↑ ОХОТА И СБОИРАТЕЛЬСТВО
50 000			перерыв		
80 000			Вершина слоя D 46 000 до н.э. Верхняя часть слоя D 50 000 до н.э.		
		мустье	Дно пещеры	Другие пещеры и открытые стоянки	

ТАБЛИЦА I
Сводная таблица палеолитических культур в Европе
и на Ближнем Востоке (Солецки, 1971 г.)

ре четыре раза сползали к югу, покрывая значительные территории Евразии и Северной Америки [175, рис. 8, с. 182]. Нижний палеолит — ранний период древнекаменного века — начался более 2 млн. лет назад, а закончился примерно за 80 тыс. лет до нашего времени. К последней фазе этого длительного периода принадлежат древнейшие, обнаруженные на Европейском континенте следы первобытных культур (аббевильской, клактонской, ашельской) и останки существ, в которых уже можно усмотреть предков современного человека. Для нас сообразно нашей теме более интересен средний палеолит (80—30 тыс. лет назад), поскольку на севере Ирака он представлен пещерными стоянками мустьерского периода и человеческими останками, среди которых имеются и кости неандертальцев — этой загадочной, отмершей ветви на древе человеческой наследственности.

Немалый интерес представляет для нас и верхний палеолит (30—12 тыс. лет назад). В Иракском Курдистане, да и в других областях Ближнего Востока, остатки этой эпохи изучались всякий раз, когда только представлялась возможность, с особой тщательностью, поскольку именно эта эпоха явилась прелюдией к величайшей перемене, происшедшей в конце плейстоцена. Фазы, соответствующие европейским ориньякской и граветтской и представленные находками в Палестине — на горе Кармел, а в Иране — изряде стоянок, разбросанных между горами Загрос и оз. Урмия, весьма интересны сами по себе, так как дают нам сведения о географическом распространении этих культур; но еще большее значение имеет для нас следующий за ними заключительный, или переходный, этап, поскольку именно данными этого этапа заполняется разрыв между сведениями о недостаточно еще развитых предках человека — с одной стороны, и всем тем, что явил собой *homo sapiens*, каким мы знаем его теперь, располагая многочисленными свидетельствами его ранних достижений и стремлений, — с другой. Хронология этой заключительной фазы палеолита остается по сей день не вполне четкой. Конец ее, впрочем, определенно должен быть связан с появлением здесь первых земледельческих общин в начале неолита, т. е. вскоре после 10 000 г. до н. э.

Нам довольно трудно представить себе, какие именно геологические и климатические изменения про-

исходили в Западной Азии на протяжении эпохи плейстоцена, когда здесь впервые появился человек. Высоко в горах Анатолии, а в меньшей степени — и в Западном Иране обнаружены некоторые следы периодического оледенения; однако вскоре стало очевидным, что сплошной ледниковый щит не достигал Ближнего Востока. Напротив, в течение почти всего каменного века влажный воздух из Средиземноморья, обтекая южные склоны гор и распространяясь в восточном и юго-восточном направлениях, нес жизнь степям и нагорьям, благоденствовавшим в условиях сравнительно умеренного и единообразного климата. Следовательно, на протяжении большей части этого периода южные склоны Тавра и Загроса (т. е. так называемая «верхнепьемонтская зона предгорий и межгорных долин») предоставляли палеолитическим обитателям пещер благоприятные климатические условия и прекрасные возможности для охоты. Поэтому для исследователей доистории Старого Света не было, по-видимому, большой неожиданностью обнаружение следов первобытной кремневой индустрии в пещерах Иракского Курдистана, так же как и в Палестине, Юго-Восточной Анатолии, Северо-Западном Иране. Не могло вызвать особого удивления и то, что культуры этих охотников имели ряд общих черт с культурами, известными к тому времени в Европе. Ведь все эти области соотносимы с условной географической линией, намечающей пути древних миграций; причем в эпоху плейстоцена эта линия могла прослеживаться значительно четче, чем теперь. Касаясь перемен, которые в этот период претерпели внутренние моря Западной Азии, один авторитетный специалист высказывает, например, предположение, что во время последнего ледникового периода Каспийское море вследствие скопления в нем дождевых вод поднялось примерно на 76 м выше нынешнего его уровня. В отличие от него Черное море уменьшилось и превратилось в соленое озеро, поскольку пересохший Босфор отрезал его от Средиземного моря; таким образом, возник мост, значительно облегчивший передвижения древнего человека между Европой и Азией. На востоке же, напротив, Каспийское море и гигантская зона болот вокруг Аральского моря препятствовали миграциям ([35], карта 8 на с. 320; но ср. [173, с. 5—6]).

Гаррод иSOLECKИ

Первые памятники палеолита в Северном Ираке были открыты еще в 1928 г. Дороти Гаррод, чье имя впоследствии получило широкую известность благодаря ее раскопкам на горе Кармел. Впервые она заложила пробный раскоп в пещере Зарзи, неподалеку от истоков Малого Заба, в 20 милях севернее Сулеймании. Ей удалось обнаружить там не потревоженные слои, соотносимые с граветтской культурой в Европе; культура этого периода получила название Зарзи.

Затем Гаррод произвела раскопки в пещере Хазар-Мерд, расположенной еще ближе к Сулеймании; пробный шурф тотчас же выявил здесь древнюю кремневую индустрию, которую можно было определить как мустьерскую благодаря наличию характерных, обработанных с одной стороны остроконечников и скребел. Д. Гаррод издала сводку современных этой кремневой технике останков животных, изучила которые ее коллега Доротея Блейк [71, с. 8]. После того как Д. Гаррод перенесла свои исследования в Палестину, исследование иракского палеолита находилось в застое вплоть до 1949 г., когда ее изыскания продолжили американские ученые. Наибольшего успеха добился Ральф С. Солецки в пещере Шанидар, удачно выбранной им из большого числа пещер, разбросанных по южному склону хребта Барадост недалеко от г. Ровандуз. На глубине 13,7 м он обнаружил древнейший культурный слой, соотношенный им с мустьерской фазой. Слой содержал изделия, «характеризующие культуру преимущественно кремневых отщепов, четко противопоставляемую культуре пластин верхнепалеолитического (уровень Д) горизонта». В 1953—1957 гг. Солецки выпала еще одна археологическая удача: он нашел останки четырех человеческих костяков с характерными признаками неандертальца ([175], особо карта [2, на с. 17]).

Материал из Западного Ирана, сопоставленный с находками Солецки в Шанидаре, был опубликован в 1949 г. Карлтоном Куном, антропологом из Пенсильвании. Следуя гипотетическому маршруту древних миграций (о котором мы говорили выше), Кун обнаружил в Биситуне, близ Керманшаха, пещеру с образцами мустьерской кремневой техники, подобными хазар-мердским. По его словам, он нашел там и кост-

ный антропологический материал, определенный им как «характерно неандерталоидный». Близкие аналогии были обнаружены впоследствии турецкими археологами в Бельдиби и других местах, прилегающих к Средиземноморскому побережью Анатолии; схема миграций древних людей приобрела, таким образом, более конкретные очертания.

Весьма вероятно, что культура двух завершающих фаз позднего европейского палеолита (*солютре* и *мадлен*, к числу достижений которых относится, в частности, знаменитая пещерная живопись Западной Франции) не достигла Ближнего Востока. Опубликованную Д. Гаррод подборку позднеориньякских или граветтских материалов из Зарзи теперь можно рассценивать как заключительную фазу палеолита в Ираке. Поскольку же эта фаза уже содержит в себе некоторые черты, присущие следующему за ней переходному периоду, она заслуживает, пожалуй, более внимательного рассмотрения.

Американские археологи в Курдистане

Малочисленность материала, полученного Д. Гаррод в Зарзи, была с лихвой восполнена находками в пещере Палегавра, всего в нескольких милях к юго-востоку, раскопки которой произвели в 1950 г. Х. Райт и Брюс Хау. Совокупность этих материалов дает уже более полную картину. Важнейшим новшеством было использование кремневых микролитов. Введение усовершенствованной индустрии пластин сделало возможным появление помимо различных микролитических лезвий, скребков и резцов, первых каменных наконечников для стрел. Из числа других каменных изделий следует отметить полированное долото, обломки зернотерок и орудия из обсидиана (вулканического стекла), источником которого являлся район оз. Ван в Восточной Анатолии. Кроме того, уже попадаются бусы и подвески из раковин. По костным останкам можно заключить, что главным объектом охоты был онагр, или дикий осел; впрочем, наличие костей диких коз, овец, крупного рогатого скота и газелей также указывает на характер той среды, в которой жил «барадостский человек». По остаткам дерева можно определить дуб, тамариск, тополь и хвойные — породы,

произрастающие в Курдистане и поныне. Находки дерева позволили установить методом радиоуглеродного анализа и приблизительную датировку объекта: от 13 060 до 14 210 лет назад. Все эти данные раскрыли перед нами специфическую культуру, взятую теперь за отправную точку в развернувшихся с этого момента интенсивных исследованиях, которые имели своим объектом конкретный период перехода от палеолитического образа жизни к заметно отличающемуся от него раннему неолиту.

Здесь уместно вспомнить, в каком состоянии пребывала эта область исследований к началу 50-х годов нашего столетия, когда Р. Дж. Брейдвуд из Чикаго приступил к осуществлению проекта «Ирак — Джармо». В его экспедицию были привлечены ученые самых различных специальностей, что явилось в то время важным новшеством [28]. На протяжении уже многих лет археологи из разных стран занимались на территории Ирака изучением дошумерских культур и истоков месопотамской цивилизации. Вслед за Леонардом Вулли, открывшим на поселении Эль-Убейд первобытную культуру «обитателей болот» и далеко углубившимся в древнейшие слои Ура халдеев, его младший коллега М. Мэллоун проник под холмом Куянджик в Ниневии на еще большую глубину. Он выявил последовательность культурных слоев, в каждом из которых населению была, по-видимому, известна плавка меди. Тем не менее только в 1943 г. экспедиции, организованной правительством Ирака, удалось обнаружить в самом нижнем слое раскопок в Хассуне, на западной окраине Ассирийского плато, стоянку кочевников, которая согласно стратиграфии могла быть отнесена к позднему неолиту. Примерно пять тысячелетий отделяло эту культуру от последнего палеолитического горизонта в Зарзи и Палегавре; это была огромная лакуна в хронологической последовательности первобытных культур Ирака, заполнение которой и стало целью экспедиции, предпринятой Брейдвудом в 50-е годы.

Раскопки Брейдвуда в Курдистане дали целый ряд исключительно важных сведений. Но сегодня этот вопрос уже нельзя решать без учета богатейшей информации, которая поступила за последние годы благодаря исследованиям, проводившимся во всех других районах Ближнего Востока. Поэтому нам придется

на некоторое время расширить рамки нашего обзора и включить области, лежащие за пределами Ирака. Необходимо рассмотреть ту схему развития первобытных культур, которая выработана по итогам раскопок свыше двух десятков древних памятников на территориях Ирана, Леванта и Западной Анатолии. Но прежде следует сказать несколько слов о термине «неолитическая революция», впервые введенном в употребление Гордоном Чайлдом, старейшиной британских археологов.

Чайлда больше всего интересовал переход от охоты и собирательства к производящим формам хозяйства. Ко времени начала его деятельности (1927 г.) эту фазу в истории человечества уже было принято определять словом «неолитическая». Второе же слово — «революция» предложил Чайлд. Он пояснил, что здесь имеется в виду не какой-либо насильственный переворот, а «кульминационный момент резкого прогрессивного сдвига в экономической структуре и социальной организации человеческих обществ» [173, с. 4]. Чайлд принял два уже ранее установленных критерия перехода к неолиту в виде начала земледелия и одомашнивания животных. Кроме того, отличительной чертой этого периода он считал производство керамики; и хотя обнаруженные в последующие годы докерамические культуры с производящей экономикой свидетельствуют о неправомерности такого обобщения, в ряде мест — по крайней мере в Северной Сирии — начало керамического производства и сбор дикорастущих злаковых, похоже, действительно совпадают по времени. Впрочем, совсем недавно идея грандиозной «революции» подверглась переоценке: процесс перемен, по существу, являлся не революционным, а скорее эволюционным, к тому же не столь быстрым по времени и не единым в своей географической приуроченности. Доказано, например, что «древнейшие виды одомашненных животных и растений появились не в одном конкретном районе и не в одно определенное время, а скорее в разных местах и в разные периоды». Подобного рода заключения привели к тому, что различные теории, выдвигавшиеся преемниками Чайлда, были одна за другой опровергнуты. Брейдвуд долгое время пытался определить географически так называемую «зону естественного распространения», в пределах которой были осуществлены

одомашнивание животных и окультуривание растений; она образовывала как бы полумесяц, прилегающий к предгорьям Загроса и Тавра, а западным концом выходящий к Средиземному морю. Но поскольку многие вновь открытые древние поселения, неолитические обитатели которых занимались земледелием и скотоводством, лежат явно вне этой «зоны», теория Брейдвуда также должна быть пересмотрена.

Изучение неолита

Попытаемся вкратце подвести итог археологическим работам на Ближнем Востоке за пределами Ирака, которые внесли наибольший вклад в фонд наших знаний о неолитических и непосредственно им предшествовавших культурах. Лучше всего, пожалуй, начать с Леванта, где еще в 1928 г. найдены поселения, представившие древнейшие свидетельства производящих форм хозяйства. Здесь мы вновь встречаемся с Д. Гаррод. Теперь она работает в Вади-аль-Натуф на горе Кармел. Обнаруженная ею в местных пещерах и гротах натуфийская культура послужила впоследствии исходной моделью для идентификации различных фаз в развитии неолита. Но и сама по себе она явилась откровением, представив новый жизненный уклад, который во многих отношениях далеко ушел от предшествовавшей ему заключительной фазы древнекаменного века. Микролитическая кремневая индустрия относилась к типу, который в те времена условно определяли как «мезолитический». Основными источниками пищи служили охота и рыболовство, однако следы длительного употребления на кремневых лезвиях для серпов свидетельствуют, что ими жали дикорастущие ячмень и пшеницу. В число произведений искусства входят резные фигурки животных (такой резьбой украшались костяные рукоятки для лезвий), личные украшения: головные уборы из трубчатых раковин-зубаток и ожерелья.

Впоследствии новые памятники, найденные в Леванте, особенно Эйнан (Айн-Маллаха) и Иерихон, о котором мы расскажем позже, дополнили эту сравнительно высокоразвитую культуру новыми чертами, такими, в частности, как наличие примитивной архитектуры и признаков организованного религиозного культа,

До н. э.	ЛЕВАНТ	АНАТОЛИЯ		ИРАН
		Другие памятники	МЕРСИН	
2500				Сузы (D) а-с
3000			Эпоха бронзы Урук-Убейд	Сузы (C) ↓ с ↓ в ↓ а
3500				
4000	Иррихтн ↑ КН-Б		Убейд XI-XV	Сузы (B)
4500	КН-А ↑		Крепость XVI	Сузы (A) бывш. „Сузы I”
5000	↑ разрыв		Халаф XVII-XIX	Сузиана е
6000	Бейда ↑ ДКН-Б	Чатал-Хююк ↑ 0-XII Хаджилар ↑ I-IX	„Неолитическая” фаза ↓	Сузиана а-д
7000	ДКН-А ↑	Чайено ↑		Гуран ↓
8000		Мурейбет (Сирия) ↑		Асиаб ↑

ТАБЛИЦА II
Сравнительная хронология памятников Леванта,
Анатолии и Ирана

Натуфийцы, по словам одного из специалистов,— «основатели древнейших в мире постоянных поселений».

Иордания и Левант

В Иерихоне (Иордания) в результате произведенных Кэтлин М. Кенъон в 1952—1958 гг. раскопок самых нижних слоев гигантского «оазисного» холма-городища были выделены два древнейших этапа, определяемые соответственно как мезолитический и протонеолитический и относящиеся оба к натуфийскому периоду. Первых обитателей этого района (живших здесь в IX тысячелетии до н. э.) Кенъон характеризует как охотников и собирателей. Особенностью древнейшего поселка было наличие в нем храма, или святилища, сооруженного из камня. За протонеолитическим следуют две фазы, определяемые как «докерамическая неолитическая» (ДКН) А и Б. Первая из них демонстрирует быстрый прогресс в социальной организации общины. Появляются круглые или прямоугольные в плане дома, сложенные из кирпича-сырца специфической, плосковыпуклой формы. Поселение, занимавшее уже площадь около 10 акров, было окружено массивной каменной стеной с круглой башней более 12 м в диаметре и вырубленным в скале рвом. Кенъон вполне обоснованно заключила, что оборонительная система такого типа предполагает исключительно высокий уровень социальной сплоченности и руководства, что подтверждают и данные, полученные об организации земледельческих работ и о торговле с другими областями такими, например, товарами, как обсидиан. Радиоуглеродные даты для этого периода приходятся на 8350—6770 гг. до н. э.

Подобно предшествующему, период ДКН-Б в Иерихоне охватывал, видимо, весьма значительное время, так как в нем можно выделить не менее двадцати шести отдельных строительных этапов. Архитектура жилых помещений значительно улучшилась, в каждом доме было теперь несколько больших, смежных комнат. Стены по-прежнему возводили из странной формы кирпича-сырца, полы тщательно обмазывали гипсом и иногда покрывали тростниковыми циновками. Одно сооружение— строго симметричной планировки— служило, по мнению Кенъон, храмом. Но самая при-

мечательная особенность культуры этого периода — гипсовые лица с инкрустированными раковинами глазами, старательно реконструированные на человеческих черепах. Таких черепов было найдено не менее десятка, что наводит на мысль о существовании какого-то культового обряда, связанного с поминовением умерших. Из других находок можно отметить кости диких животных, а также одомашненной козы. Обнаружены и обугленные остатки употреблявшегося в пищу зерна, причем характерный для предыдущего периода *эммер* (пшеница-двузернянка) теперь в основном уже вытеснен пшеницей-однозернянкой. Керамический неолитический этап, вслед за которым наступает временное запустение иерихонского поселения, связан, как явствует из его названия, с появлением монокромной или грубо расписанной керамики, относящейся к типу, гораздо богаче представленному на других памятниках.

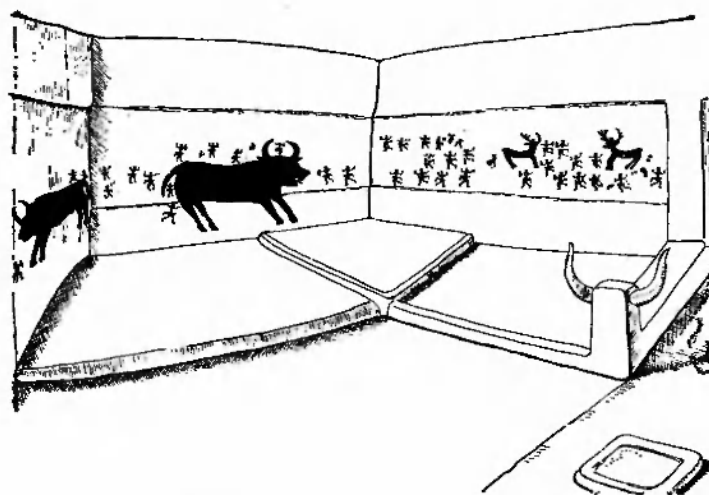
То обстоятельство, что Кенъон пришлось вести в Иерихоне раскопки глубоким шурфом на ограниченной площади, несколько приуменьшает результаты ее работы. Зато Диане Киркбрайд посчастливилось: она нашла на берегах одного вадя севернее Петры неолитическое поселение, остатки строений которого лежали сразу под верхним слоем почвы. В 1958—1967 гг. она раскопала в Бейде (Сейль-Ахлат) довольно обширный участок, раскрывший поразительно подробную картину жизни древних земледельцев. После недолгого пребывания здесь людей в ранненатуфийский период поселок был покинут, а затем, около 7000 г. до н. э., вновь занят населением, культура которого соответствовала поздней докерамической фазе Иерихона. Жилища, эволюционировавшие от круглой к прямоугольной форме, имели мощные каменные стены, возведенные способом сухой кладки; внутренние помещения были покрыты многими слоями штукатурки. Скопления небольших комнат позднее были заменены строениями с одним просторным внутренним помещением, стены которого штукатурились, а на полы, лежавшие чуть ниже уровня почвы, наносились в декоративных целях линии яркой краски. Обнаружены были также пекарня и лавка мясника, говорящие об уже развитой специализации ремесел. Каменные орудия использовались с большой изобретательностью; из глины делали игрушки и предметы культа.

Информация, полученная в результате раскопок памятников этого типа в Иордании и прибрежном Леванте, была недавно дополнена новыми открытиями во внутренних областях Сирии, материалы которых пока еще полностью не опубликованы. Одна из новых находок привела специалистов в замешательство. В 50 милях к юго-востоку от Алеппо, в Мурейбите, М. ван Лун и Ж. Ковен раскопали поселение IX тысячелетия до н. э., обитатели которого жили в основательных глиняных домах, возделывали пшеницу-однозернянку и изготавливали керамическую посуду [151, с. 74].

Анатолия

Из примерно дюжины относящихся к этой эпохе археологических объектов на территории современной Турции один, Чайеню, привлекает к себе особое внимание, поскольку может быть сочтен аналогичным докерамическому неолиту Иерихона. Он находится неподалеку от г. Диярбакыра; здесь — в уже более поздние годы — работал Брейдвуд вместе с турецким ученым Халетом Чамбелем. Материальная культура поселения характеризуется теперь так: она принадлежит развивающемуся обществу в «докерамической» стадии и обладает уже достаточными навыками в земледелии и использовании домашних животных. Но есть в этой культуре две необычные черты. Одна относится к архитектуре: во втором из четырех выделяемых здесь культурных периодов отмечены каменные основания стен, так называемые «шпалы», которые образуют правильную «решетку», но «квадраты» столь малы, что обозначаемые ими помещения вряд ли использовались иначе, чем склады [29]. В третьем же периоде обнаружен необычайно плотный пол, украшенный наподобие вымосток типа террасо мозаикой из каменных осколков. Вторым не менее впечатляющим нововведением является способ холоднойковки при изготовлении отдельных орудий из самородной меди. Пока это считается самым древним свидетельством использования человеком металла.

Поселение Чайеню существовало в течение тысячелетия (7500—6500 гг. до н. э.) и непосредственно предшествует ныне широко известному поселению Чатал-Хююк, раскопанному Джеймсом Меллаартом на равни-

Реконструкция интерьера святилища
в неолитическом городище Чатал-Хююк (ок. 5800 г. до н. э.)
(Меллаарт, 1967 г.)

не Конья; им засвидетельствовано еще 800 или 900 лет впечатляющего прогресса [134].

Здесь вряд ли будет уместно подробное описание различных аспектов культуры Чатал-Хююка, материалы которой так широко публиковались и популяризировались в последние годы. Поселок, занимавший площадь более 15 акров, состоял из кирпичных домиков, тесно лепившихся друг к другу, словно ячейки сот; проникнуть в такое жилище можно было, только спустившись по лестнице с общей для всех крыши. Исключительный интерес представляют здания, связанные, вероятно, с религиозным культом: их стены декорированы красочными фресками, напоминающими пещерную живопись предшествующей эпохи, а также черепами и рогами животных. Засвидетельствовано не только использование глиняной посуды, но и ее деревянные и плетеные прототипы, сохранившиеся столь же хорошо, как и найденные с ними фрагменты тканей. Фигурки людей и животных вырезались из камня или лепились из глины; оружие и орудия изготовлялись из тщательно выделанных кремневых или обсидиановых заготовок. Охота еще сохраняла свое значение, но

экономика основывалась уже главным образом на земледелии, причем диапазон возделываемых культур был на удивление широк; и есть даже основания полагать, что применялось искусственное орошение.

Трудно поверить, что такой взлет культуры мог быть изолированным феноменом, не имевшим в то время никаких аналогий в других районах Ближнего Востока. Тем не менее, если судить по известным на сегодняшний день фактам, похоже, так оно и было. Мы почти не располагаем свидетельствами о содействии местных достижений ускорению темпов развития других неолитических обществ. Создается впечатление, что в последующий, поздненеолитический период многие из этих достижений были забыты, в результате чего опять наблюдались признаки застоя. В Турции этот период хорошо представлен нижними слоями таких археологических памятников, как Хаджилар, Сакчагёзю, Мерсин и Тарс, где обнаружены каменные дома вместе с характерной черной и коричневой лощеной керамикой и изящными изделиями из обсидиана. Но эта культура — лишь прелюдия к значительно более развитой культуре следующего периода — халколита, о котором нам еще придется весьма подробно говорить, когда мы вернемся к Месопотамии.

Иран

Но прежде необходимо сказать еще несколько слов о том, как в этот период шло развитие культуры в другой соседней с Ираком стране — Иране. Для начала укажем районы, где были сделаны важнейшие находки, отметив при этом, что распределяются они по территории Ирана весьма широко. Поиски доисторических истоков иранской культуры начались практически только в 50-е годы, а многие значительные открытия имели место совсем недавно, вследствие чего еще полностью не опубликованы. Их прекрасный обзор, составленный П. Сингхом, основан главным образом на предварительных сообщениях, но вполне может быть рекомендован читателям. Сингх выделяет географически три группы памятников, на которых представлены культурные комплексы, относящиеся к неолиту ([174], а также [135 и 150]). Первая группа объектов расположена в долинах рек к югу и востоку от Керманшаха; вторая — на равнине Хузестана.

на, в пределах 50-мильного радиуса вокруг Суз, а третья — к югу и юго-востоку от оз. Резайе (Урмия) в Иранском Азербайджане. Производившиеся в каждом из этих районов большие и малые раскопки дали сведения, скорее подтверждающие, чем существенно дополняющие ту картину развития неолитических культур, которая уже получена на основании раскопок в Анатолии и Леванте.

Остановимся здесь на некоторых ярких чертах важнейших памятников в названных выше группах и на том вкладе, который они внесли в наши знания о развитии неолитических культур.

В Тепе-Асиаб (керманшахская группа) сохранились «остатки сезонного поселения собирателей ...стоявших уже на грани перехода к производящему хозяйству» (приблизительно 10—7 тыс. лет до н. э.). Следующая ступень развития культуры ранних собирателей засвидетельствована в Тепе-Сохраб; здесь нет еще глинобитных строений, однако уже изготовлялась монокроменная и расписная керамика. Обожженную глину жители этого поселения использовали и для другой цели: для изготовления разнообразных статуэток, одна из которых, так называемая «сохрабская Венера», поражает особым пластическим мастерством. Уже была одомашнена коза, но нет пока еще свидетельств использования зерновых (самая древняя датировка, полученная с помощью радиоуглеродного анализа, — 6000 г. до н. э.). Сколь-нибудь значительные архитектурные сооружения появляются впервые только на тепе Гандж-Дарех; это — прямолинейной планировки здания, располагавшиеся «гроздьями», тесно лепясь друг к другу. Стены их сложены из продолговатого «плосковыпуклого» кирпича-сырца, скрепленного раствором. Кремневая индустрия представлена традицией пластин и отщепов, орудия из обсидиана пока отсутствуют. Характерная стертость некоторых кремневых лезвий дает основание полагать, что их использовали для жатвы зерновых. Среди глиняных статуэток встречаются уже относящиеся к типу «черенкоголовых», который мы встретим впоследствии и в более позднее время. Хронологические рамки для этого памятника: 7300—6900 гг. до н. э. «Наиболее тщательно исследованным объектом» из этой группы является Тепе-Гуран, который вновь демонстрирует нам «переход от хижины к домам и от докерамической к керамической

стадии». В слое, представляющем четвертый период обитания, появляется монохромная, а позднее — расписная и лощеная керамика. Среди каменных орудий встречаются теперь обсидиановые; впервые появляются также сосуды, выдолбленные из мрамора. В области архитектуры примечательны вымостки из вбитых в глину кусков полевого шпата, покрывавшиеся красной охрой (дата этой неолитической культуры: 6500—5500 гг. до н. э.).

Вторая группа памятников, расположенная на равнине Дех-Луран к западу от Сузианы, также позволяет воссоздать последовательность этапов развития культуры, которые теперь принято обозначать по названиям конкретных археологических памятников. Первые два из них (Бус-Мордех и Али-Кош) являются докерамическими, но на третьем этапе (Джаффар) уже встречается глиняная посуда. Все вместе они свидетельствуют, что эпоха неполивного (богарного) земледелия и одомашнивания коз, начавшаяся приблизительно за 7 тыс. лет до н. э., постепенно сменилась эпохой ирригационного земледелия и одомашнивания крупного рогатого скота, начало которой следует отнести примерно к 5000 г. до н. э.

Третья группа раннеземледельческих культур представлена такими памятниками, как Хаджи-Фируз, Далма и Писдели на юго-западе Иранского Азербайджана. По своему типу они приближаются к халколитическим и потому для нас пока не столь интересны. То же можно сказать и о лежащем на полпути между Керманшахом и Бендер-Аббасом Тепе-Яхья, удаленное местоположение которого говорит о широте географического распространения памятников этого типа и может послужить указателем направления для дальнейших исследований [96].

Проект «Ирак—Джармо»

Завершив краткий обзор основных достижений в изучении проблемы неолита за прошедшую четверть века в трех важнейших районах Западной Азии, мы теперь по достоинству можем оценить итоги подобных же работ, проводившихся на территории Северной Месопотамии. Для этого нам придется вернуться к проекту «Ирак—Джармо», начатому Брейвудом

в 50-х годах. И хотя некоторые из выводов Брейдвуда с тех пор пересмотрены, по тем временам его работа носила подлинно новаторский характер.

Достаточно выборочно взять итоги раскопок Брейдвуда только на двух объектах, чтобы определить их скромное место в общей схеме культурного развития, которая теперь уже столь детально разработана по материалам, полученным в других районах. Один из этих объектов — поселение Карим-Шахир, расположенное к северу от г. Чамчамаля в Киркукском губернаторстве. Вероятно, оно входило в группу из нескольких поселений, которые использовались древними людьми лишь как «сезонные стоянки». Точно датировать его не удалось (может быть, оно современно «мезолитическому», по К. Кенъон, периоду Иерихона), ясно лишь, что им представлен период, когда переход от пещер и скальных навесов к стоянкам под открытым небом становился все более распространенным явлением. Главными источниками питания были охота и рыбная ловля, постоянных стоянок еще не существовало. Животные также не были еще одомашнены, а серпы с кремневыми вкладышами использовались, как полагают, только для срезания стеблей тростника, употребившихся при сооружении хижин. К немногочисленным свидетельствам разрыва с палеолитическим образом жизни можно отнести шлифованные каменные топоры и грубые глиняные статуэтки. Карим-Шахир отделен большой временной лакуной от поселения Джармо, где Брейдвуд производил крупномасштабные раскопки в 1948—1955 гг. Датировки по радиоактивному углероду для этого памятника ненадежны, но согласно нынешней хронологической таблице неолитических культур поселение Джармо существовало короткий период, отчасти предшествовавший, а отчасти и современный начальному этапу периода ДКН-Б в Иерихоне. Его средняя дата — около 6750 г. до н. э. В терминологии самого Брейдвуда Джармо подпадает под категорию «первичных подлинно оседлых земледельческих общин» [25].

Само поселение занимает площадь около 3 акров и находится на разрушенном выступе конгломерата, нависшем над глубоким, сухим вади. При толщине культурного слоя 7,6 м в нем можно выделить 12 строительных этапов. Стены возводились из глины (pisé), а в более позднее время ставились на камен-

ные фундаменты. Глиняная посуда обнаружена только в верхней трети культурного слоя, но глиняные «бассейны», или чаны, в полах, подвергавшиеся обжигу «на месте», встречаются начиная с самого раннего периода. Предположение о существовании в Джармо развитого земледелия, основывавшееся на находках кремневых и каменных орудий для жатвы и размалывания зерен, подтвердилось находками зерен культурных растений, в том числе пшеницы-эммера и двурядного ячменя. Кремневая индустрия представлена как пластинами, так и микролитами, причем широко использовался обсидиан, поступавший из района оз. Ван.

Эволюция форм посуды в Джармо поставила исследователей перед загадкой. Встречающиеся в более глубоких слоях довольно искусной работы каменные сосуды на средних этапах заселения сменяются разнообразными сосудами из глины, которые украшались лощеным ангобом* или нехитрой росписью. Но по мере приближения к поверхности качество посуды заметно ухудшается. Опираясь на эти факты, Брейдвуд пытался найти связь с наиболее ранней керамикой Телль-Хассуны, однако ему это не удалось, а произведенный недавно пересмотр расписной керамики Джармо [140, с. 32 и сл.] выявил аналогии с керамикой Тепе-Гуран (одного из наиболее изученных памятников керманшахской группы в Иране). Таким образом, здесь скорее имеется связь с горами Загрос, чем с низменной частью Месопотамии. Датировка Джармо, предложенная Брейдвудом, предполагает, что поселение покинуто обитателями в то время, когда период позднего неолита уже повсюду подходил к концу. Если это так, то начальную фазу развития хассунской культуры следует искать на самой Месопотамской низменности, где такие поселения, как Умм-Дабания и Телль ас-Савван, обнаруживают признаки значительного культурного подъема. Правда, неолит здесь так незаметно переходит в период, до недавнего времени носивший название «халколитический», что, пожалуй, лучше поговорить об этих памятниках в другой главе.

Прежде чем закончить рассказ о работах Брейд-

*Ангоб — декоративное покрытие в виде тонкого слоя белой или цветной глины, наносимой на поверхность керамического изделия до обжига. — *Здесь и далее примеч. перев.*

№ п.з.	Плечищ	УР	УРУК	ЭРСАУ	УБЕЙД	НИПЛУР	КНШ	УКАИР	ДИЯЛА		
									АЛМАР	ХАФДЖЕ	АГРАБ
	Римский					здания	Монументы	Порекьяны	Храм с обелиском	Здания	дома
2300	II	Царские уборы	Храм	Преддверия	Храм	Монументы	Монументы	Порекьяны	Храм с обелиском	Здания	дома
2250	III	Зимовник	Храм	Храм	Храм	Монументы	Монументы	Порекьяны	Храм с обелиском	Здания	дома
	I	Оптический	Храм	Храм	Храм	Монументы	Монументы	Порекьяны	Храм с обелиском	Здания	дома
3000	Джандар-на					Храм	Монументы	Порекьяны	Храм с обелиском	Здания	дома
3250	Поздне-рун-ский					Храм	Монументы	Порекьяны	Храм с обелиском	Здания	дома
3500	Ранне-рун-ский					Храм	Монументы	Порекьяны	Храм с обелиском	Здания	дома
4000	Убийд (3)					Храм	Монументы	Порекьяны	Храм с обелиском	Здания	дома
4500	Убийд (2)					Храм	Монументы	Порекьяны	Храм с обелиском	Здания	дома
5000	Убийд (1)					Храм	Монументы	Порекьяны	Храм с обелиском	Здания	дома

ТАБЛИЦА III
Хронология памятников Южной Месопотамии

вуда, необходимо оказать несколько слов еще об одном их аспекте.

Как мы уже говорили, отличительной особенностью исследовательской группы, прибывшей под началом Брейдвуда в Ирак в 50-х годах, было наличие в ее составе ученых различных специальностей. Впервые в истории ближневосточной археологии геологи, климатологи, зоологи и ботаники предприняли совместно с археологами комплексное исследование природной среды, окружавшей древнего человека. Экология, восстанавливаемая по их сообщениям, резко отличалась от нынешней. Выявленный ими разительный контраст между «прежде» и «теперь» в природных условиях Северного Ирака — выдающийся результат их работы.

«С тех пор как перестало существовать поселение Джармо,— пишет Брейдвуд,— господствующим фактором, преобразующим окружающую среду, был уже человек, и следы его деятельности на Ближнем Востоке можно увидеть повсюду. В целом деятельность людей, как земледельцев, так и скотоводов, была разрушительной по своим последствиям, хотя ни один человек при этом и не ставил разрушение своей сознательной целью».

Вот как описывает Брейдвуд древний ландшафт этого края: «Есть все основания полагать, что в позднем доисторическом и в начале исторического периода от Центральной Палестины через Сирию и до Восточного Ирака тянулась полоса почти сплошных горных и предгорных лесов, местами густых, местами разреженных, „парковых“. В горах зимой выпадало большое количество осадков; здесь росли большие, широколиственные деревья, а подлесок представлял собой непроходимую чащу. То был поистине первобытный лес, остатки которого теперь сохранились лишь на немногих пологих склонах гор, вдали от деревень. У подножия гор и на равнинах росли, по-видимому, разреженные леса, где преобладал дуб...»

Что касается фауны этого периода, то, судя по данным Джармо, жители поселения могли заниматься охотой и на поросших травой лугах, и в окрестных лесах, и в дебрях высокогорья. Из числа животных, чьи кости найдены при раскопках, некоторые, как, например, дикий кот, уже полностью исчезли. Другие, такие, как олень, леопард или медведь, приспособлен-

ние к жизни в лесах, теперь, когда лесов почти не осталось, близки к исчезновению. Продолжают существовать, несмотря на постоянную охоту на них, дикая свинья, волк, лисица, а также дикая коза и газель. «В наши дни,— пишет Брейдвуд,— в долине Чамчамаля, как равнина, так и предгорья которой были прежде покрыты лесом, трудно встретить даже кустарник. Карликовый дуб не успевает достичь и высоты шести футов, как его срубают собиратели топлива. Поскольку леса и кустарника не стало, а трава каждую весну выщипывается скотом, почва по большей части оползает в реки, превращаясь в ил. Зимой она, едва успев образоваться, смывается со склонов дождями, которые гонят по земле потоки шоколадного цвета...» [28, с. 173].

Все это не что иное, как источник аллювия*, сформировавшего Месопотамскую равнину.

* Аллювий — отложения водных потоков, слагающие речные террасы.

Глава III

НА ПОРОГЕ ПИСЬМЕННОЙ ИСТОРИИ

Для того чтобы проследить смену этапов развития шумерской цивилизации, вернемся на аллювиальную равнину Южной Месопотамии и в полосу болот, отделяющую ее от Персидского залива. На этой территории мы по крайней мере будем иметь дело с периодом, начало которого определить легко: оно отмечено самым древним из найденных до сих пор дошумерским поселением, возникшим около 5000 г. до н. э. Конец же его приходится примерно на 2900 г. до н. э.; в это время были основаны шумерские династии и появились первые письменные источники, в которых упоминаются имена царей, бывших, как теперь доказано, реальными историческими личностями. Следовательно, этот период можно было бы назвать «доисторическим»* в строгом смысле слова, но поскольку последние его фазы уже характеризуются использованием древнейшей формы письма и другими крупными достижениями шумеров, определение «доисторический» было сочтено неподходящим и для хронологических стадий развития культуры в этот период пришлось подбирать другие названия.

Последовательность открытий

Еще в 1929 г. археологи, работавшие в Месопотамии, взяли за правило именовать отдельные этапы в рамках данного периода по названиям тех объектов, на которых эти этапы впервые были засвидетельствованы. Позже была предпринята попытка детализировать или перегруппировать их, применяя к ним на-

* «Доисторическим» называют период до появления письменности.

званий, более значимые в культурно-историческом отношении. Но к этому времени периодизация стала предметом ожесточенных дебатов у археологов разных стран и дело зашло уже так далеко, что ни одна из предлагавшихся систем терминологии не была общепризнанна. Учитывая это обстоятельство, мы, пожалуй, вкратце охарактеризуем основные открытия, перечисляя их в хронологическом порядке.

Убейд (Эль-Убейд)

Когда по окончании первой мировой войны на территории Ирака возобновились раскопки, о шумерах знали еще очень мало, а об их предшественниках и того меньше. Первое доказательство существования на юге «доисторической» культуры представил Леонард Вулли, предпринявший раскопки скромного поселения Эль-Убейд в 4 милях к западу от Ура. Ранее Х. Р. Холл обнаружил здесь кирпичную платформу, на которой некогда стоял шумерский храм. Вулли, как и Холл, обратил внимание на то, что весь холм вокруг был усеян обломками расписной керамики. Ему достаточно было произвести небольшие раскопки, чтобы доказать связь этой керамики с остатками тростниковых хижин, вызвавших в его воображении картину жизни первобытных поселенцев «на острове среди болот». Впоследствии, пробив глубокий шурф на холме-городище знаменитого Ура, он нашел ту же расписную керамику. Она лежала ниже шумерского культурного пласта и распределялась по нескольким слоям, что уже говорило о продолжительности представляемого ею периода. Сообразно особенностям художественного стиля Вулли разделил эти находки на три этапа, но термины, которыми он их обозначил, были пересмотрены в ходе дальнейших исследований.

Урук (Варка)

Когда Вулли в 20-х годах совершал эти открытия, археологи из других стран занимались подобными же исследованиями, зондируя слои, расположенные под городами шумеров. Наибольших успехов достигла экспедиция Германского восточного общества под руководством Н. Нельдеке и Ю. Йордана. Она обследовала величественный храмовый комплекс бога Ана

в Уруке (современная Варка) [159; 47]. Здесь были выделены восемнадцать «архаических» слоев, из которых древнейшие пять (XVIII—XIII) содержали керамику, аналогичную «убейдским» материалам, найденным Вулли в Уре. После непродолжительного переходного периода (слои XIV—XII) эта расписная керамика выходит из употребления; на смену ей является посуда совершенно нового типа, изготовленная на гончарном круге и практически без украшений, если не считать таковым встречающегося время от времени красного или серого ангоба. Свидетельством крутого культурного перелома служит не только наличие новых форм керамики, но также и отсутствие характерных мелких изделий из глины (таких, как терракотовые статуэтки, обожженные глиняные серпы и гвоздеобразные облицовочные плитки), неизменно сопровождавших расписную керамику как в Уруке, так и в Уре. Эти факты указывают на изменения в этническом составе населения города.

Вскоре немецкие археологи обнаружили, что находки в их шурфе, начиная со слоя V, не дают достаточно надежной картины для стратиграфических выводов. Тогда неподалеку был начат новый раскоп, который в последующие годы распространился на большую часть территории храмового комплекса [131, гл. 8, с. 360 и сл.]. Это и привело к поразительному открытию: в слоях с V по III были обнаружены остатки архитектурных сооружений, скульптуры, цилиндрические печати и надписи, благодаря чему мы впервые узнали об удивительных достижениях жителей Месопотамии додинастического периода. Тем временем англо-американская экспедиция под руководством С. Лэнгдона, ведшая сходные по задачам раскопки на поселении Джемдет-Наср в нескольких милях от Киша, сделала еще одно открытие [118]. Об особенностях здешней архитектуры трудно составить четкое представление, да и материалы о них опубликованы не вполне удовлетворительно, но тем не менее интерес к ним огромен, главным образом в связи с сопровождавшей их расписной керамикой совершенно нового типа. Это была полихромная керамика с геометрическим орнаментом и характерной, выложенной до глянца поверхностью. Стало ясно, что Джемдет-Наср представляет собой последнюю фазу додинастического периода.

XIV – IX	VIII	VII	VI	V	IVc	IVb	IVa	IIIc	IIb	IIa	АРХАИЧЕСКИЕ СЛОИ УРУКА
РАНЕУРУКСКИЙ	ПРОТОПИСЬМЕННЫЙ										
ВАРКСКИЙ	ПРОТОПИСЬМЕННЫЙ										Перкинс
РАНЕУРУКСКИЙ	СРЕДНЕУРУКСКИЙ ПРОТОПИСЬМЕННЫЙ А				ПОЗДНЕУРУКСКИЙ ПРОТОПИСЬМЕННЫЙ Б			ПРОТОПИСЬ- МЕННЫЙ С, Д ДЖЕМДЕТ-НАСР			Эрх
XII ←	УРУКСКИЙ							УРУКСКИЙ (ДЖЕМДЕТ- НАСР)			Мэллоун
ПРОТОИСТОРИЧЕСКИЙ											Маортгат
РАНЕУРУКСКИЙ	ПОЗДНЕУРУКСКИЙ							ДЖЕМДЕТ-НАСР			Ллойд

ТАБЛИЦА IV
Предложенные разными авторами варианты членения
раннединастической эпохи на периоды
и соответствующие терминологические обозначения

Конференция по археологии Месопотамии, состоявшаяся в Лейдене в 1929 г., подвела итоги этому этапу исследований. Ее участникам удалось прийти к соглашению по поводу терминов, обозначающих три основные фазы, выделенные к тому времени в рамках додинастического периода. «Убейдская» фаза охватывала весь период, характеризующийся расписной керамикой в древнейших слоях Ура и Варки; названием «урукские» решено было определять условно «постубейдские», «архаические» слои в стратиграфии Варки; термином «Джемдет-Наср» стали обозначать завершающую фазу, представленную не только на памятнике с этим названием, но и в Варке. Первостепенной задачей признавалось тогда более тщательное изучение весьма продолжительного убейдского периода. Но на решение этой задачи потребовалось около двадцати лет.

Эреду

В 1948 г. Ф. Сафар и С. Ллойд по заданию Иракского департамента древностей начали свой первый раскопочный сезон в Эреду (ныне — тель Абу-Шах-райн), который считался у шумеров самым древним городом [114, с. 84 и сл., с. 115 и сл.; 110; 111]. Здесь

сохранились развалины позднешумерского зиккурата, а под одним из его углов — стены маленького храма, который можно датировать, судя по керамике, самым концом убейдского периода. И этот храм оказался лишь звеном в длинной цепи построек, планы которых удалось проследить на восемнадцати горизонтах обитания, вплоть до примитивной «часовенки», стоявшей на песчаной дюне. Информация, представленная находками в этой серии зданий, оказалась поистине неоценимой для датировки. Удалось, в частности, выявить последовательность этапов развития убейдской керамики, наиболее раннюю из которых характеризуют расписные сосуды, по форме и технике изготовления настолько отличающиеся от стандартной продукции последующих периодов, что за ними закрепилось даже условное название «керамики Эреду». В дальнейшем мы расскажем о том, как отдельные этапы развития культуры Эреду, в том числе и этот, были соотнесены друг с другом, охарактеризованы и пронумерованы.

Разумеется, последовательность перестроек храма в Эреду не прервалась с концом убейдского периода. Пять последующих сооружений относятся к периоду Урука; от них, правда, ничего не сохранилось, кроме кирпичной кладки их неоднократно увеличивавшихся платформ и фрагментов украшений фасада. Но и здесь выявилось одно обстоятельство, позволившее определить датировку отдельных этапов. В начале периода Урука вокруг храма в Эреду вырос целый комплекс вспомогательных построек. В какой-то момент он вдруг как-то сразу пришел в запустение и его помещения оказались почти полностью засыпаны песком. Затем (вероятно, в период расцвета архитектурной традиции Урука, засвидетельствованный его слоями V и IV) все эти руины в Эреду были обнесены стеной и сверху замощены камнем, так что на созданной таким образом площадке — теменосе — можно было построить великолепный храм. Сопоставление материалов, обнаруженных в старых строениях, лежащих под базовой платформой, с находками из зданий, сооруженных впоследствии над ними, позволило произвести членение периода Урука на его «раннюю» и «позднюю» фазы.

Хафадже

Задолго до этого, еще в 30-х годах, ученым удалось добыть другого рода данные, также проливающие свет на хронологию додинастического периода. Это случилось в ходе проводившихся Восточным институтом Чикагского университета раскопок городов на территории древнего государства Эшнунна (в районе р. Диялы, к востоку от Багдада). Основное внимание уделялось шумерскому династическому и последующим периодам, однако в Хафадже под одним из шумерских храмов последовательность предшествовавших зданий была прослежена вплоть до первоначального сооружения, датируемого концом периода Урука [43]. Готовя к публикации материалы этого памятника, руководитель раскопок первым понял, что данная поздняя фаза урукского периода (в самом Уруке — слои V и IV), отмеченная выдающимися культурными достижениями, должна быть отделена (как сделали позднее и в Эреду) от предшествующей ей, в культурном отношении не столь примечательной фазы (слои XIV—VI в Уруке). Поэтому он предложил слить ее со столь же примечательной фазой Джемдет-Насрз, получив, таким образом, отдельный период, названный «Протописьменным». Это определение, по сути дела, никогда так и не получило общего признания. За истекшее время в качестве альтернативы были предложены другие названия, однако в данный момент этот термин представляется для нас наиболее приемлемым (см. [47, с. 176]).

Таким образом, мы подвели предварительный итог первым попыткам создать на основе стратиграфических данных ряда памятников хронологическую схему додинастического периода. Предпочтение при этом отдавалось открытиям в Южной Месопотамии, главным образом потому, что выявленная там периодизация культур долгое время давала ученым возможность оценивать параллельные находки в Северном Ираке и прилегающих странах. Прежде чем перейти к обзору этих областей, не связанных непосредственно с проблемой происхождения шумерской цивилизации, следует дать более подробную характеристику перечисленных выше южномесопотамских культур.

Убейдский период

Архитектура

Как явствует из одной шумерской надписи, царь III династии Ура — Шульги «не оставлял попечением город Эреду, стоящий на морском берегу». Последнее не следует понимать слишком буквально. Как мы уже говорили, город, возможно, был связан с морем системой лагун, вписывавшихся в ландшафт болотного края, сходного с тем, что и сейчас отделяет аллювиальную равнину от луки Персидского залива. Во всяком случае, вполне вероятно, что первые обитатели Эреду и некоторых других поселений Шумера были типичными «болотными жителями» и по условиям жизни мало чем отличались от современных «болотных арабов» Ирака. Неудивительно, что в древнейших (символических) изображениях зданий на шумерских цилиндрических печатях и рельефах опознаются постройки из тростника, сходные с весьма замысловатыми по своей архитектуре домами для гостей — мудхифами, которые и поныне можно увидеть в деревнях болотного края [78]. Несколько озадачивает тот факт, что древнейшие из сооружений явно культового характера, найденные в слое XVI раскопок храма Эреду и в других местах, возведены уже из кирпича-сырца. Правда, в Эреду же, в другом шурфе, обнаружены следы простого сооружения из тростника; но в дальнейшем выяснилось, что оно было лишь пристройкой к дому, сложенному из сырцовых кирпичей [168, с. 27 и сл.].

Прототипом «храма» в слое XVI Эреду было строение с единственным помещением площадью не более 3 кв. м, однако в его планировке уже наметились такие черты, как наличие культовой ниши и центрального жертвенного столика, которые начиная с этого времени неизменно присутствуют в архитектуре храмов. В слоях, находящихся непосредственно над этим (XV—XII), местоположение здания, по-видимому, оказалось вне пределов раскопа; но в слое XI храм появляется вновь и дважды перестраивается (XI—IX) уже с более широким размахом; теперь строится центральное святилище и боковые крылья. На сей раз его необычайно тонкие кирпичные стены через определенные промежутки укрепили контрфорсами, возможно

напоминающими детали древних тростниковых построек. Затем следует серия более основательно и искусно построенных храмов (VIII—VI), которыми представлена оставшаяся часть убейдского периода. В вытянутое помещение центрального святилища по-прежнему входили через боковую камеру, но уже строятся и дополнительные церемониальные входы на одном конце и алтарь на возвышении — на другом. Здесь опять встречается свободно стоящее посреди святилища возвышение для votивных приношений, которые включали, очевидно, и рыбу, так как рыбы кости были обнаружены в соседней камере [189; 190]. Фасады теперь, как правило, украшаются перемежающимися контрфорсами и нишами, с этого времени присущими культовым зданиям.

Религия

Теперь, после того как мы уже познакомились с прототипом месопотамских культовых зданий (на этом в дальнейшем мы остановимся более подробно), необходимо сразу дать некоторое представление и об их функции, т. е. о формах культа и ритуальных действиях, для которых они служили сценой, и о значении, которое они несут, являясь выражением простейшего абстрактного мышления и духовного самосознания. На ранней стадии их развития мы, естественно, мало что можем узнать об этом, судя только по их материальным и архитектурным остаткам. Некоторые характерные черты, такие, как «алтарь», «культовая ниша» и «стол для жертвоприношений», можно выделить по аналогии с последующими этапами развития. Но более точную картину самих культов и действий, в которых они реализовались, можно реконструировать только по данным письменных источников более позднего времени. Поэтому расскажем кратко о некоторых элементах шумерского религиозного культа.

Обряды и службы, отправляемые в храме, можно разделить на две основные категории: подношения и жертвы. Прежде всего боги требовали от своих почитателей, чтобы те обеспечивали их едой, питьем и благовониями для умаснений. Как пишет Х. У. Ф. Сэггс (1962 г.), «боги регулярно вкушали трапезу... за столами, накрытыми перед их изображениями». Пища их состояла из большого количества хлеба, баранины или

говядины, а также пива, очень любимого шумерами. Позднее среди подношений фигурировали мед, топленое масло, очищенное оливковое масло, молоко, финики, фиги, соль, хлебные лепешки, птица, рыба и овощи.

«Трапеза богов являлась своего рода пиршеством, куда приглашались другие божества и где могли присутствовать их смертные почитатели и даже умершие. Богам предназначались определенные части животных, остальное же шло царю, жрецам и храмовым служителям».

Жертвы относились к другой категории. Они совершались на специальных алтарях или на крыше храма специальным жрецом, который перерезал животному горло, сопровождая это заклинаниями, причем бьющая кровь представляла собой возлияние. Шумерским искусством зафиксированы и другие формы возлияний: вином или другой жидкостью окроплялся алтарь, земля, животное или растение. Сэггс пишет: «Весьма обычным атрибутом храмового ритуала являлась курильница, сжигание в которой ароматической древесины считалось либо обрядом очищения, либо услугой божеству, так как боги любили приятные запахи».

Дополнительные сведения можно извлечь из терминов, которыми называли жрецов, совершавших отдельные части церемоний. Специальностью одних было только возглашение магических формул; других — заклинать злых духов, третьих — играть на музыкальных инструментах, четвертых — ведать ритуалами омовления и умащения. Наконец, самую главную по своему значению категорию составляли *бару* — жрецы, занимавшиеся истолкованием знамений и потому оказывавшие существенное влияние на принятие политических решений. Вполне естественно, что требования разнообразной религиозной практики нашли отражение в планировке и местоположении предназначенных для ее осуществления культовых зданий.

Керамика и мелкие изделия

Во всех слоях Эреду, о которых шла до сих пор речь (XVI—VI), керамика встречалась в изобилии. Постепенную трансформацию от типов, характерных для «раннего Эреду», к тем, которые по находкам

в других местах ассоциировались с «Убейдом», удалось подразделить на четыре фазы, которые также, в свою очередь, оказалось возможным сопоставить с важнейшими изменениями в планировке зданий, прослеженными по серии последовательных перестроек. Во всех слоях от материка и до слоя XV преобладает в основном ранняя «керамика Эреду» — «изящная монокромная, как правило, коричневого цвета посуда, украшенная простым прямолинейным орнаментом». По времени она совпадает со строительной деятельностью, самым значительным примером которой является «часовенка» в слое XVI. Эта керамика определяется как фаза I. Фаза II приходится на вышележащие слои XIV—XII, в которых архитектурных сооружений не обнаружено; ее отличает вкрапление инородной керамики с характерным плетеным орнаментом; подобные образцы ранее были найдены в расположенном на берегу реки поселении Хаджи-Мухаммад, неподалеку от Варки [201]. Фазы III и IV соответствовали раннему и позднему этапам развития «классической» убейдской культуры, достигшей своего расцвета в период строительства храмов VII и VI; к этому же времени относится и обнаруженный в Эреду новый источник информации.

Могильник

К юго-западу от стоящего на высокой платформе храмового комплекса, метрах в 50 от каменной стены, окружавшей его, был обнаружен могильник с тысячами могил позднеубейдского периода; сейчас раскопано около 200 из них. Захоронения производились в прямоугольных ямах, стены которых облицовывались кирпичом-сырцом; местоположение могил было, по-видимому, как-то обозначено на поверхности, так как последующие погребения часто совершались в тех же ямах. Иногда поперек могилы хозяина клали тело его собаки.

Могильник Эреду датируется первой половиной IV тысячелетия до н. э. и представляет собой довольно высокую стадию развития погребальной практики. Науке известны и более ранние памятники, где погребения были сосредоточены в определенных районах, часто в непосредственной близости от священных мест. Но только здесь, в Эреду, впервые количество и едино-

образе погребений создают впечатление подлинного некрополя. Могильник Эреду был, очевидно, расположен непосредственно за чертой убейдского поселения и его храмового комплекса. Подобного кладбища, относящегося к последующим периодам, найдено здесь не было, хотя на раннем этапе раскопок археологи, обнаружив в пределах платформы храмового комплекса урукского периода немного вотивной керамики, ошибочно приняли ее за остатки захоронений (в которых отсутствовали костяки). В Уре Вулли нашел около дюжины убейдских погребений в месте, названном впоследствии «Царским кладбищем»; здесь, похоже, могильник также находился непосредственно за чертой современного ему храмового комплекса. Вулли отметил, что здесь, как и в Эреду, «покойник лежит на спине, в вытянутом положении, с руками по бокам или же слегка согнутыми так, чтобы ладони могли быть сложены поверх таза»; «такое положение костяков,— добавляет он,— характерно для убейдцев, но ни для кого из последующих обитателей Шумера». Вулли также констатировал, что в «двух погребениях верхняя часть костяка оказалась посыпанной мелким красным порошком, а в одном случае рядом с черепом лежал комок красной гематитовой краски. Нельзя сказать с уверенностью, были ли тела раскрашены; но несомненно, состав порошка был тот же, что и краски». Любопытно, что нечто подобное отмечено и в могильнике в Эреду. Почти все останки имели темно-оранжевый оттенок. Но так как это в равной степени относилось и к скелетам собак — а в одном случае даже к косточке, лежавшей рядом с пастью собаки,— здесь, должно быть, имеет место не сознательное или ритуальное окрашивание охрой, а химическое воздействие почвы.

Среди находок этого могильника выделяется уникальная серия целых расписных горшков, с которыми сходны черепки, обнаруженные при шурфовке на территории храма (слои VI и VII). Форма, рисунок и техника выполнения убейдской керамики этого периода имеют важное археологическое значение, поскольку именно в это время или чуть позже убейдская культура распространилась далеко за пределы Месопотамии в восточном и северо-западном направлениях. Это лепная посуда, на поверхность которой черной или темно-коричневой краской наносился рисунок:

растительный орнамент, реже — стилизованные изображения зверей или птиц. В Эреду рисунок обычно наносился поверх лощения или ангоба кремового цвета. В других местах ангоб чаще отсутствовал и сосуды подвергались обжигу при столь высокой температуре, что глина приобретала темно-зеленый цвет, а черная краска при росписи глубоко въедалась в нее. Тот факт, что подобные сосуды часто страдают от чрезмерно сильного обжига, едва не превращаются в стекло и в результате нередко деформируются, наводит на мысль, что убейдские гончары еще плохо регулировали температуру своих печей.

Сосуды, фрагменты которых были найдены Вулли в «тростниковых хижинах» самого Убейда, были несовершенны также и в ряде других отношений и отражают, вероятно, фазу упадка, непосредственно предшествовавшую концу убейдского периода. По характерным признакам можно заключить, что они, подобно некоторым образцам из слоя VI в Эреду, изготовлялись уже на гончарном круге, приводимом в движение рукой, и, таким образом, являлись предшественниками гончарной керамики периода Урука [146, с. 32—50]. Характер подъемного материала позволяет предположить, что при более глубокой шурфовке здесь могут быть обнаружены и ранние убейдские слои.

Помимо характерной для убейдского периода керамики другие найденные предметы также представляют определенный интерес. Прежде всего, следует отметить раскрашенные терракотовые статуэтки, которые трактовались как изображения «богини-матери», пока в одном из женских погребений в Эреду не был найден их мужской аналог. Их «рептильнообразные» головы и битумные «прически», вызвавшие столь большой интерес, когда Вулли нашел первые образцы, были характерны, как мы теперь знаем, для религиозного искусства древнего Ближнего Востока. Некоторых ранних стадий в эволюции их облика мы коснемся позже в связи с находками в Северном Ираке. Не меньший интерес вызывают орудия из обожженной глины, такие, как серпы и проушные топоры. Их изготовление обуславливалось возможностью получения в печах весьма высоких температур (серпы, очевидно, обжигались связками, так как их нередко находят спекшимися в стекловидную массу). Сюда же относятся большие глиняные гвозди с загнутыми концами, ис-

пользовавшиеся, вероятно, для крепления тростниковых циновок к кирпичным стенам. Остальные находки — простые изделия (например, кремневые ножи и мотыги, орудия из кости с битумными рукоятками) могли бы относиться и к любой другой фазе додинастической эпохи.

Период Урука

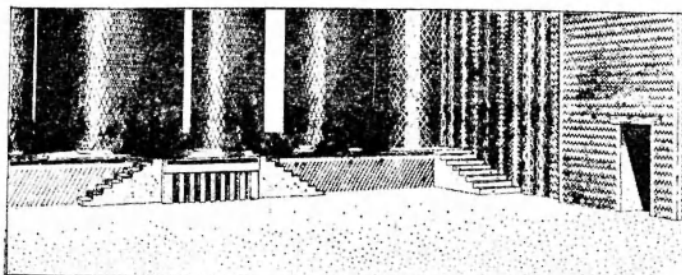
Варка

Наиболее полную информацию об этом периоде дала работа немецких археологов в самом Уруке, продолжавшаяся с перерывами почти полвека, в последнее время — под руководством Х. И. Ленцена. Урук, называющийся ныне Варкой, — это также Эрех Ветхого Завета. В шумерской литературе он связывается с именем Гильгамеша, одного из древнейших правителей династического периода, которого теперь считают реальным историческим лицом. Однако уже и в додинастическое время город, как полагают, занимал площадь около 200 акров, примерно треть которой была застроена храмами и другими общественными зданиями, а две трети — жилищами горожан. Шурфы, заложенные в разных, далеко отстоящих друг от друга частях городища, показали, что даже в убейдский период поселение имело внушительные размеры. Знаменитая эпическая поэма, героем которой является Гильгамеш, говорит о нем так:

Стеною оонес Урук огражденный
Светлый амбар Эанны священной.
Осмотри стену, чьи зубцы как из меди,
Погляди на вал, что не знает подобья,
Прикоснись к порогам, что там издревле,
И вступи в Эанну, жилище Иштар...

(Пер. И. М. Дьяконова)

Когда немецкие ученые начали раскопки на территории храмовой застройки в центре города, работа сосредоточилась на двух основных комплексах зданий, которые они назвали соответственно храмом Ану и комплексом Эанны. На их счастье, в обоих случаях развалины додинастического периода оказались залегающими не слишком глубоко.

Реконструкция «Колонного зала» в Варке
(«Урук IV», ок. 3200 г. до н. э.).
На торце центральной двойной лестницы
изображен миниатюрный храм
(И. Маккензи-Керр, по данным Гейнриха, 1932 г.)

Храм Ану

Понять значение первых открытий в храме Ану сегодня легче, чем когда они были сделаны. Здание, названное археологами Белым храмом за стены, выкрашенные снаружи в белый цвет, покоилось на неправильной в плане кирпичной платформе. Оно оказалось позднейшей перестройкой святилища, чье происхождение, подобно аналогичному сооружению в Эреду, удалось проследить до убейдского периода («Ирак», [34, pt 2, с. 149]). Тем не менее планировка и характер этой последней перестройки, датируемой периодом Джемдет-Наср (3200—2900 гг. до н. э.), представляют особый интерес, поскольку в ней сохранены все основные черты убейдских храмов, лишь площадь платформы, на которой стоит храм, значительно увеличилась. К храму, облицованные фасады которого наклонены внутрь под небольшим углом, ведет величественная тройная лестница. Поскольку ни одного подобного «храма на платформе» от более поздних времен до нас не дошло, этот приобретает особое значение, являясь, как мы вскоре увидим, непосредственным прототипом шумерского зиккурата.

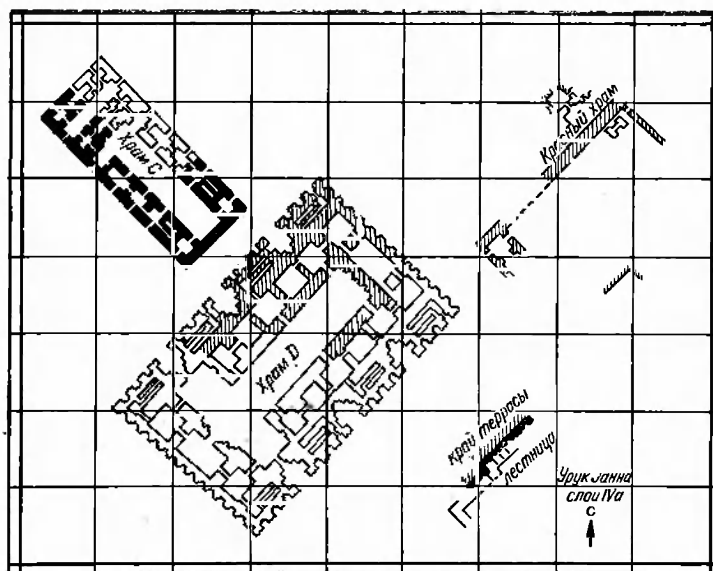
Метрах в пятидесяти к востоку от Белого храма возвышаются стены комплекса Эанны — скопления дворов и террас, окружающих уже настоящий, многократно перестраивавшийся зиккурат, посвященный

богине Инанне. Уже на раннем этапе исследований стало ясно, что этот монументальный ансамбль заменил более древний комплекс культовых зданий, относящихся к завершающим фазам додинастического периода. Мы уже рассказывали о том, как немецкие ученые посредством пробного шурфа в центре этого района смогли предположительно реконструировать хронологическую последовательность этих «архаических» строений и стратиграфически увязать их с лежащими ниже уровнями обитания предшествовавшего периода. В последующие годы площадь раскопок комплекса Эанны была значительно расширена, и археологи занялись «распутыванием» планировки этих зданий.

Легко можно представить себе всю сложность вставшей перед ними задачи, если принять во внимание, что подобные здания строились почти исключительно из недолговечного кирпича-сырца. В конце концов перед учеными предстало полдюжины храмов с различными пристройками, которые закладывались, расширялись, разрушались, перестраивались и, как правило, перекрывали друг друга, причем остатки их стен часто возвышались лишь на несколько дюймов. Если учесть, что определить форму и направление этих стен можно было, лишь тщательно зафиксировав положение каждого отдельного кирпича, то расчистку комплекса Эанны нельзя не признать одним из триумфов археологии.

Комплекс Эанны

У нас нет возможности описать здесь каждое здание в этом секторе раскопок Урука (Варки) или оценить по достоинству реконструкцию их планов, которая в отдельных случаях была искусно произведена по незначительным уцелевшим фрагментам. Поэтому остановимся лишь на зданиях, представляющих особый интерес. Одно из них, кстати сохранившееся лучше других,— это так называемый Колонный зал (слой IVc). Перед нами случай, когда столь характерная для этого периода украшающая фасады «мозаика из конусов» уцелела *in situ*. «Зал» имел форму гигантского портика тридцатиметровой ширины с двойным рядом круглых, свободно стоящих колонн (2 м в диаметре) и симметрично расположенными полуколонна-

Восстановленные планы храмов *C* и *D*
в комплексе Занны в Варке (ок. 3100 г. до н. э.)
(Ленцен, 1949 г.)

ми на каждом конце. К нему примыкал длинный прямоугольный двор, лежавший на более низком уровне. Вдоль боковых стен двора также стоял ряд полуколонн; со двора к колоннаде вели три отдельные лестницы. Сами колонны, а также боковые стены были декорированы мозаикой из вдавленных в глиняную штукатурку терракотовых конусов, раскрашенные основания (или «шляпки») которых образовывали разнообразные геометрические орнаменты. Вся эта великолепная архитектурная композиция, по-видимому, служила лишь монументальным преддверием какого-то здания, находившегося по другую ее сторону и либо оставшегося недостроенным, либо полностью разрушенного. Передняя плоскость двойной лестницы оформлена так, что как бы воспроизводит в миниатюре фасад некоего здания, и тоже украшена мозаикой.

На стенах построек этого периода, которые определенно можно считать храмами, мы также встречаем «мозаику из конусов», но здесь она беднее. По плани-

ровке эти храмы можно разделить на две категории. Первая представлена обычной «трехчастной» конструкцией, с которой мы уже познакомились в Эреду и снова встретились в Белом храме. Второй же тип планировки являет собой абсолютное новшество: на одном из концов здания от святилища отходят трансепты*, а посередине находится дверь, ведущая в расположенную по основной оси здания отдельную камеру. Прекрасным образцом этого типа планировки может служить реконструированный план храма *D* в слое IVa. Примечательны уже размеры этого здания (80×55 м), а что касается планировки, то это, если только мы можем быть уверены в правильности реконструкции,—подлинный переворот в архитектуре. Входы, проделанные в обоих трансептах, вели в огромное Т-образное святилище, со всех сторон окруженное боковыми камерами. Внешние фасады были украшены сложной резьбой, а по обоим длинным сторонам глубоко врезы в фасад орнаментальные ниши чередовались с лестничными клетками, иногда имевшими вход с внешней стороны здания. Другой образец (храм *C*) из того же слоя демонстрирует упрощенную планировку этого же типа, но за камерой имеет продолжение: по существу, тут целиком добавлен второй, «трехчастный» архитектурный элемент, по форме и размерам близко соответствующий Белому храму; создается впечатление, что здание выполняло две функции.

Такая черта храмовой планировки, как Т-образная форма святилища, известна, в чем мы скоро убедимся, не только в Южной Месопотамии. Два образца подобной конструкции были найдены на севере Ассирии, причем по времени они соответствуют только что описанным.

Другое любопытное здание — не вполне, впрочем, ясного назначения — было названо несколько тяжело: Храм с мозаикой из каменных конусов. Стоит оно изолированно, западнее основного массива Эанны, и по времени постройки также соотносится со слоем IV. Это загадочной планировки здание обнесено необычной защитной стеной со сдвоенными контрфорсами, причем внутренняя поверхность стены, равно как и фасады самого здания, украшена мозаикой из

* Трансепт — поперечный неф.

конусов, сделанных из цветного камня. По поводу этих каменных конусов высказывалось много догадок, поскольку они постоянно встречались в больших количествах и вне всякой связи со своим первоначальным архитектурным контекстом в Эреду, Убейде и других местах. Высказывалось порой предположение, что они являются более архаичной формой декора, а впоследствии их заменили терракотовыми конусами из соображений экономии. Это кажется вполне вероятным, тем более если учесть многообразие и сложность мозаичных орнаментов в конце периода Урука. Иногда, например, терракотовые конусы длиной до 30,5 см с углублением в середине «шляпки» образовывали орнаментальный пояс вокруг храмовой платформы, а в одном позднем здании из Эреду использовались конусы из гипса, причем «шляпки» их были оправлены в медь. Случалось, в мозаичный рисунок включали фигурный орнамент, вырезанный на небольших каменных плитках; для оживления узора использовались и другие средства.

Телль-Укайр

На многих памятниках Нижней Месопотамии встречаются элементы этого мозаичного декора, что служит надежным свидетельством обитаемости этих мест в урукский период. Одним из объектов, обнаруженных по этому признаку, является холм-городище Телль-Укайр, расположенный в 50 милях южнее современного Багдада. Он был раскопан археологами Иракского музея под руководством Ф. Сафара и С. Ллойда в 1940—1941 гг. [115, с. 131 и сл.]. Находящийся у окраины типичного убейдского поселения невысокий холм скрывал под собой остатки храма урукского периода с хорошо сохранившейся платформой и стенами, в отдельных местах до сих пор достигающими высоты в несколько метров. Планировка в данном случае точно соответствовала планировке Белого храма в Уруке, с той только разницей, что на одном из концов святилища церемониальные входы были заменены расположенным на главной оси здания высоким алтарем, к которому вела небольшая лестница. Впрочем, археологи впервые проникли в здание через одну из боковых дверей, и тут выяснилось, что вся внутренняя поверхность стен покрыта

многоцветными фресками. Поверх стеной панели красного цвета проходил бордюр геометрического орнамента, а над ним помещался фриз с изображениями людей и животных, от которого уцелела лишь нижняя часть. Лучше сохранилась роспись на стенах главного алтаря, который, подобно торцу центральной лестницы в Колонном зале Урука, был раскрашен так, что воспроизводил фасад миниатюрного храма с вертикальными мозаичными панелями. На сторонах, обращенных к лестнице, красной и черной красками были изображены фигуры двух «стражей» — пятнистых леопардов. Если не считать побеленного фасада, по которому получил свое имя урукский Белый храм, и Красного храма в комплексе Эанны, от которого уцелело лишь несколько горизонтальных рядов кладки, настенная роспись в Телль-Укайре является единственным образцом фресковой живописи додинастического периода, и поэтому она и поныне не утратила своего значения.

Храм с росписями в Телль-Укайре был предварительно датирован последней фазой урукского периода (прибл. 2800 г. до н. э.). Как и в Белом храме, его помещения в какой-то момент были заложены довольно крупным кирпичом-сырцом, с тем чтобы поднять платформу и построить на ней очередное, более пышное святилище. Точно установить время, когда это произошло, разумеется, невозможно, но благодаря найденной у подножия платформы скромной вспомогательной «часовенке» кое-что удалось узнать. «Часовенка» была заполнена остатками votивных сосудов, которые составили в своей совокупности подборку керамики периода Джемдет-Наср, по качеству даже превосходящую образцы, полученные на самом поселении Джемдет-Наср. Наконец, самые надежные хронологические данные были получены в результате находки четырех глиняных табличек, покрытых пиктографическими знаками, характерными для периода Джемдет-Наср, и представлявших собой, видимо, образцы храмовых хозяйственных записей.

До сих пор речь шла в основном о наземной планировке и стеной украшениях храмов. Об общем виде последних более полное представление можно получить по изображениям, иногда встречающимся на шумерских цилиндрических печатях и резных рельефах [78]. Высоко в промежутках между контрфорса-

ми боковых стен часто располагались треугольные окна — либо настоящие, либо декоративные. Если же говорить об освещении храмов, то, судя по изображениям, стены центрального святилища были выше стен дополнительных боковых камер, в результате чего оставалось достаточно места для размещения окон-«фонарей». Что касается больших храмов комплекса Эанны, то иногда высказывались сомнения, имели ли вообще их святилища крышу. Сейчас, однако, большинство специалистов сходится на том, что необходимая для этого древесина вполне могла доставляться сюда водным путем.

Архитектура периода Джемдет-Наср

Варка

Теперь мы должны напомнить, что в 1942 г. было внесено предложение хронологически объединить позднеурукский период (к которому относятся наиболее значительные сооружения комплекса Эанны) и период Джемдет-Наср в более крупную фазу, названную протописьменной. Ясно, что если принять это предложение, то никакое рассмотрение архитектуры протописьменного периода не будет полным без дополнительного обзора сооружений времен Джемдет-Насра. Пока мы упомянули лишь одно здание этого времени в самом Уруке, а именно самую последнюю перестройку Белого храма; теперь целесообразно будет ознакомиться и с изменениями в архитектуре комплекса Эанны, наблюдаемыми в тот же период. Огромные храмы периода Урук IV к этому времени лежали уже в развалинах и на их месте находились остатки дворов и террас, стены которых некогда украшались мозаичными панелями. Любопытной особенностью этого общего плана являются часто встречающиеся сооружения, которые немецкие ученые определяли как «места жертвоприношений». Они представляли собой длинные оштукатуренные «лотки», использовавшиеся, по-видимому, для сжигания остатков жертвенных животных, птиц или рыбы. В некоторых местах они расположены правильными рядами и имеют все признаки многократного использования. Помимо Урука они иногда встречаются и на других памятниках приблизительно того же периода [189, с. 76 и сл.].

Какой-то ритуальной цели того же рода было посвящено и целое здание, так называемый Дом из призматических кирпичей («Riemchen gebäude»*), основание которого располагалось на руинах более раннего Храма с мозаикой из каменных конусов на западной окраине комплекса. Его внутренняя камера, вход в которую археологам зафиксировать не удалось, была со всех сторон окружена коридором, сохранившим следы сильного пожара. В этом здании обнаружена богатая коллекция различных предметов, словно специально набросанных как попало; здесь находились «сотни керамических и каменных ваз, алебастровых чаш, медных сосудов, глиняных конусов, лист золота и гвозди со „шляпками“, покрытыми листовым золотом, оружие, кости животных, а также сломанная мебель». По мнению археологов, все это предполагает ритуальную поломку утвари и священных предметов, которые принадлежали более древнему, обреченному на снос храму.

Хафадже

Гораздо больше материала о периоде Джемдет-Наср получено из древнейших слоев так называемого храма Сина, посвященного богу Луны, в Хафадже (район Диялы), восточнее современного Багдада. Раскопки его производились в 30-х годах американскими археологами [43]. Это небольшое здание, возведенное прямо на поверхности земли, по своей планировке очень напоминало Белый храм. Отсутствовали здесь только парадные входы по концам святилища. Все пять наиболее ранних уровней застройки данного объекта относятся к интересующему нас периоду; о находках в этих слоях мы еще поговорим, когда обратимся к другим аспектам культуры протописьменного периода.

Протописьменный период

Древнейшие письма

Проследив взлет архитектурной деятельности и техники, которыми отмечен протописьменный период, мы уже можем составить представление о силе ре-

* «Riemchen gebäude» — «призматический» (нем.); этим термином археологи называют маленькие прямоугольные кирпичики, характерные для периода Урука.

лигиозных верований, служивших источником вдохновения строителям. Однако по одним архитектурным памятникам невозможно судить ни об «анатомии» шумерской религии во всех ее подробностях, ни о социальном фоне, на котором она возникла. Можно было ожидать, разумеется, что дополнительные данные по этому вопросу будут получены со временем из письменных документов более позднего периода; но пока примитивный характер имеющихся письменных текстов существенно ограничивал ценность этого многообещающего источника (это в основном счета и описи имущества).

Самые древние таблички найдены пока в слое Урук IV; используемое в них пиктографическое письмо является, очевидно, предшественником клинописи (подробнее см. [49]). Степень сложности этого письма наводит на мысль, что в других местах, скорее всего в слоях, соответствующих Урку V и VI (которые именно по этой причине условно включаются в протописьменный период), когда-нибудь, возможно, удастся засвидетельствовать более ранние стадии его развития.

Что касается языка, которому это письмо служило в качестве средства выражения, то древнейшие из текстов, написанных явно по-шумерски, найдены в слоях периода Джемдет-Наср. Но некоторые специалисты склонны думать, будто собственно шумерам до их (гипотетической) иммиграции мог предшествовать в Шумере некоторый, отчасти семитский, «этнический субстрат», и потому они утверждают, что текстами Урука IV вполне может быть представлен какой-либо другой язык. Размышления этого рода являются частью давней дискуссии о происхождении шумеров (см. далее).

Для некоторых знаков пиктографического письма можно найти эквиваленты в развитой клинописи более позднего времени, отсюда нам известно их значение. Естественно, среди знаков имеются изображения животных: овец и коз, крупного рогатого скота и ослов. Встречаются слова, связанные с рыболовством и охотой; о развитии торговли свидетельствуют имена купцов. Техника изготовления посуды говорит сама за себя: людям стало уже известно колесо (в частности, в виде гончарного круга), и «сани», будучи поставлены на колеса, превращаются теперь

в «колесницу». Другие знаки указывают на использование различных изделий из металла, в том числе проушного топора, изготавливавшегося в закрытой форме для литья. Это наряду с упомянутой выше медной оправкой конусов для мозаики свидетельствует об определенном прогрессе в металлургии.

Представляется важным и еще один момент. Наличие в текстах таких слов, как «старейшина» и «совет», говорит о том, что понятие «царь» пока еще как будто неизвестно. Эту весьма отрывочную информацию, к счастью, хорошо дополняют скульптурные изображения и резные рельефы.

Скульптура

Дошедшие до нас образцы скульптуры протописьменного периода изображают преимущественно сцены религиозного содержания. Поэтому здесь, как нам кажется, уместно небольшое отступление, посвященное характеру и составу шумерского пантеона.

Уже в самых древних текстах, касающихся религиозных верований шумеров, обращает на себя внимание главенствующее положение трех мужских божеств: Ану, Энлиля и Энки. Ану, бог неба, с храмом которого мы познакомились в Уруке, первоначально считался высшей силой в мире и повелителем всех богов. В ходе дальнейшей шумерской истории он, по видимому, был «смещен» сначала Энлилем, божественным патроном Ниппура, а затем Мардуком, богом-покровителем Вавилона. Энки, почитавшийся в Эреду, был покровителем мудрости и знания. Вообще, хотя для всей страны и существовал общий пантеон, каждый город имел своего божественного покровителя и располагал собственным набором преданий. Помимо этого, как пишет Жорж Руа, «небеса были населены сотнями чрезвычайно могущественных человекоподобных существ, причем каждому из этих богов отводилась определенная функция или определенная сфера деятельности. Один бог, например, ведал небом, другой — воздухом, третий — пресными водами и так далее, вплоть до более скромных божеств, ответственных за плуги, кирпичи, кремьнь или мотыги». Боги имели не только внешний облик, но и все достоинства и недостатки людей. «Короче говоря,— заключает

Руа,—они представляли лучшее и худшее в человеческой природе, но в сверхчеловеческих масштабах».

В числе богов, связанных с определенными городами, но ставших также предметом общего культа, можно назвать бога Луны Нанну (Сина) из Ура и сына его Уту (Шамаша) из Сиппара и Ларсы; бога-воителя Нинурту; Нинхурсанг (Нинту) — мать и супругу Энлиля; Инану (Иштар), богиню любви, и супруга ее Думузи (Таммуз). Инана — это почитаемая по всей стране Великая Мать, которой был посвящен комплекс Эанны в Уруке; в ней олицетворялось женское созидательное начало, выражающее божественность через плодородие. Что касается Думузи, то, как указывает Руа, хотя в сознании шумеров он бесспорно ассоциировался с продуктивностью животного и растительного мира, а его союз с Инаной выступал символом плодородия, тем не менее теория, долгое время связывавшая его образ с «умирающим и воскресающим богом» фрэзеровской «Золотой ветви», недавно наукой отвергнута. Более мелких богов и богинь в шумерском пантеоне так много, что перечислить их всех нет никакой возможности.

На известной каменной вазе из Варки (высотой 90 см) имеется три ряда тонко вырезанных фигур. На верхнем изображена богиня Инана перед двумя связками тростника, увенчанными петлями и лентами наподобие вымпелов; это — постоянные символы Инаны. Обнаженный согласно ритуалу жрец подносит богине корзину с фруктами. Далее рельеф поврежден, уцелел лишь небольшой фрагмент фигуры, в которой угадывается «царь» или предводитель; рядом слуга держит украшенный бахромой пояс, который, возможно, собирается вручить кому-то. Инану сопровождают незначительные божества, помещенные на миниатюрных моделях храмов или каждый на своем определенном животном; в числе других символов изображены и две вазы, подобные той, на которой вырезан весь рельеф. Во втором ряду изображена процессия несущих приношения обнаженных жрецов, а в третьем — звери и растения, представляющие два подвластных Инане «царства». Здесь же мы находим и еще один священный символ — стилизованную розетку с восемью лепестками. А на рельефах, украшающих стенки каменного «лотка», хранящегося в Британском музее, изображены овцы и бараны «священного стада» Ина-

ны, которые возвращаются в ее храм, представленный здесь в виде типичной тростниковой постройки «болотных жителей», а навстречу им из храма выходят ягнята. Эта сцена постоянно повторяется, например, на каменной вазе из Хафадже, где овцы заменены коровами, и много позднее — на одном архитектурном рельефе раннединастического храма в Эль-Убейде.

Светские сюжеты встречаются реже. В Варке была найдена сохранившаяся лишь фрагментарно стела из черного гранита, на которой, видимо с немалой затратой труда, вырезаны две сцены, изображающие одного и того же «царя» охотящимся на львов. Нельзя не упомянуть и необычную голову из известняка в натуральную величину, обнаруженную в слое периода Джемдет-Наср, но по стилистическим особенностям датируемую временем Урук IV. Она являлась частью какой-то сложной фигуры, в которой все остальное было сделано, вероятно, из таких материалов, как дерево и битум. Инкрустированные глаза и брови теперь отсутствуют, так же как и покрытие из металлической фольги, изображавшее прическу. Если восстановить эти детали, голова выглядит несколько диковато, но в том виде, в каком она была найдена, голая каменная маска поразительно прекрасна. Небольшие скульптурки животных — лежащий баран из Варки и дикий вепрь из Ура — являлись, видимо, украшениями, которые прикреплялись к более крупным предметам металлическими скрепками, иногда каменные вазы также украшались горельефами из фигурок животных (львов или быков). В Варке от периода Джемдет-Наср сохранились грубо вырезанные фигурки «царей», предшествующие вотивным «личным» статуям раннединастического периода. Еще ближе к последним стоит уникальная вотивная статуя женщины из Хафадже. К этому же периоду относятся зооморфные сосуды с отверстием наверху, обычно изготовленные из темного камня. Они часто украшены цветными инкрустациями в виде геометрического рисунка.

Цилиндрические печати

Наряду с пиктографическим письмом другим новшеством протописьменного периода явилась цилиндрическая печать, использовавшаяся для удостоверения собственности или заключения соглашения. На этих

небольших предметах из камня или раковин с дыркой по центру для удобства ношения тонко вырезались разнообразные рисунки; когда такой цилиндр прокатывали по сырой глине, на ней оставался узор (см. [57; 3]). Цилиндрических печатей найдено очень много, а оттисков их на табличках и глиняных пробках для кувшинов и того больше.

Первые цилиндрические печати появляются в слоях Урук V и IV [62, табл. 1 и сл.]. Не было бы ничего удивительного в том, если бы сохранившиеся образцы представляли собой, возможно, еще не слишком удачные опыты шумерских мастеров в этом исключительно трудном виде резьбы по камню. Но на самом деле оказалось, что хотя им и не вполне еще удавалась тонкость повторяющегося рисунка, тем не менее для них было характерно высокое мастерство, редко достигавшееся в последующие века, о чем свидетельствует разнообразие сюжетов и изобретательность их декоративной трактовки. Энергичное моделирование и тщательная проработка отдельных фигур придают им все качества резного рельефа.

Изобразительные мотивы и мифологические символы, входящие в композицию этих рисунков, весьма тщательно изучались, и смысл их в настоящее время частично выяснен. В тематике религиозных композиций преобладает обращение к двум божествам, которые никогда сами не изображаются, но символизируются идеограммами, обозначающими их атрибуты. Один бог олицетворяет, подобно библейскому Таммузу, созидательную силу природы, графически передаваемую определенными растениями и животными. В числе символов этого бога фигурируют орел, иногда с львиной головой, и змея. Вторым божеством, играющим столь же значительную роль, является Инанна, чей символ причудливой формы (который отдельные специалисты ассоциируют с «воротным столбом» тростникового храма) впоследствии, в пиктографическом письме, становится знаком для ее имени. Композиция изображения на печати может состоять из одной лишь декоративной комбинации этих символов. Времена от времени, когда на печати изображают религиозный обряд (закланье или бескровное жертвоприношение), появляются фигуры людей. По-видимому, «царя» представляет бородатый персонаж в длинной юбке в складку, с тигром и «щипцом» на голове, ко-

гору прислуживает жрец, обнаженный или в юбке. «Царь» несет к тростниковому храму какие-то ритуальные предметы или руководит церемониальным кормлением священного скота. Часто изображаются отары и стада; их охраняют от львов такие персонажи, как «человекобык» и «львиноголовый орел» — образы, известные шумерскому искусству и в последующие эпохи. Встречаются и дикие животные: кабаны, олени, каменный козел и муфлон; из их фигур составляются геральдические эмблемы, которыми существенно пополнился набор стандартных композиций, используемых резчиками печатей. Изредка разрабатывались светские сюжеты, в том числе сцены военных или охотничьих подвигов «царя».

Многие предпочитаемые резчиками виды камней в самой Месопотамии не встречаются, что свидетельствует о торговых связях с соседними странами.

В период Джемдет-Наср искусство резьбы на печатях несколько деградировало, уже не было ни той тщательности, ни точности изображения. Раньше резчики, например, редко пользовались сверлом и следы его применения старались скрывать; теперь же всюду следы сверла бросаются в глаза, отчего моделировка фигур животных утрачивает былую завершенность. Кроме того, появилась новая форма печати: более удлиненная по отношению к диаметру и сплошь покрытая четко прочерченным геометрическим орнаментом.

Керамика

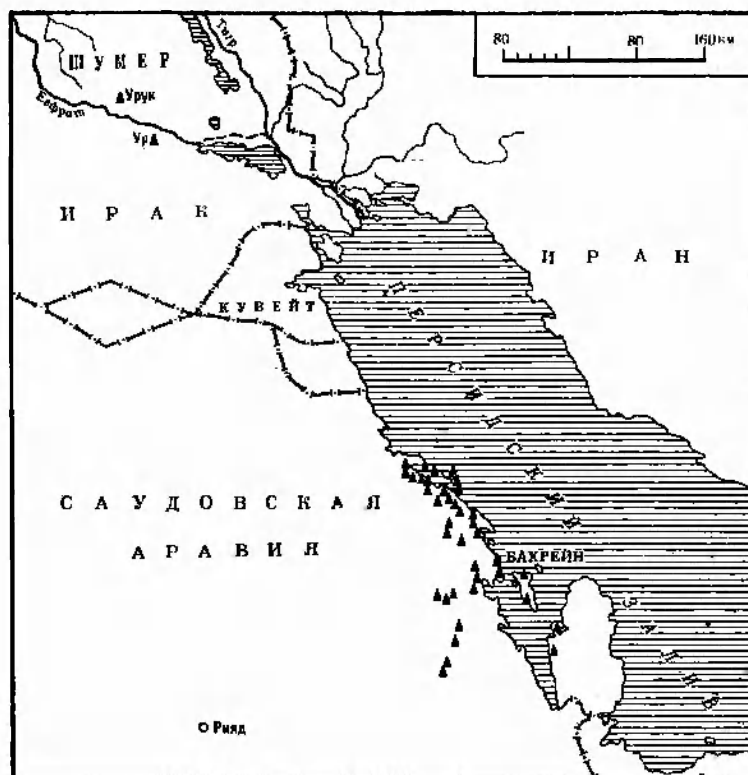
Выясняя последовательность отдельных этапов в эволюции культуры додинастической эпохи, мы уже не раз упоминали о керамике и подчеркивали ее значение для построения стратиграфии. Керамика протописьменного периода по большей части лишена всяких украшений. Ее технические характеристики подверглись весьма специализированному исследованию, рассказать о котором здесь представляется невозможным. Однако необходимо сделать исключение для изящной расписной керамики, которая появляется к концу периода Джемдет-Наср [41]. Самой распространенной формой сосуда с такой росписью является горшок с широкими плечиками и утолщенным венчиком. Красно-желтый геометрический орнамент обыч-

Но наносился только на плечики, образуя иногда целые живописные панели с изображениями животных, листьев и даже людей. Вся остальная поверхность покрывалась темно-фиолетовой краской и имела характерный глянец. Эта своеобразная керамика, попадаясь в других местах, дает ученым ценнейший критерий для датировки.

Параллелей между керамическими традициями додинастического периода Месопотамии и современных ему культур Ирана и других областей мы коснемся позже в особом разделе; пока же упомянем только о проблеме ранних связей между Месопотамией и Египтом. Правда, речь здесь пойдет не столько о керамике, сколько об определенных культурных достижениях, являвшихся в то время, по-видимому, общим достоянием этих двух центров нарождающейся цивилизации. В последние годы специалистами были основательно изучены несколько различных аспектов этой проблемы (например, [59]). Рассматривалась, в частности, возможность влияния архитектуры древнейших месопотамских кирпичных храмов на так называемую «мастабную» архитектуру додинастического Египта. Другой аспект проблемы — создание египетского иероглифического письма. До недавнего времени существовало мнение, что толчком к его созданию явилось знакомство с шумерскими или дошумерскими экспериментами в этой области. Сегодня, после открытия пиктографического письма, сходного с месопотамским, в таких удаленных областях, как, с одной стороны, Румыния [50, с. 269 и сл.], а с другой — окраины Белуджистана [96], это предположение выглядит уже менее вероятным. Наиболее же реальное свидетельство сношений между двумя странами в столь ранний период представлено находкой цилиндрических печатей периода Джемдет-Наср в погребениях Накады в Египте, что указывает на торговые связи, характер которых предстоит еще выяснить.

Предшественники шумеров

Наконец, пришло время вернуться к проблеме происхождения шумеров, являвшейся в прошлом предметом столь многочисленных дискуссий. Здесь бросается в глаза явный конфликт между рассуждениями

Карта № 3. Распространение известных к настоящему времени
убейдских поселений в районе Персидского залива
(С. Эбраим, по данным Дж. Оатс, 1976 г.)

филологов и выводами археологов. Откровенно говоря, проблема возникает из-за неопределенности того исходного момента в последовательности додинастических «периодов», начиная с которого обитателей Нижней Месопотамии по праву можно именовать шумерами. Высказывалось мнение, будто «именно новшества протописьменного периода сформировали ту самобытность, которую месопотамская цивилизация хранила на всем протяжении своей долгой истории», что одно время расценивалось как веский аргумент в пользу иммиграции шумеров в начале данного перио-

да. Эпиграфисты поддерживают это мнение, основываясь главным образом на предположении, что названия некоторых древнейших месопотамских городов, упоминаемых в исторических источниках и основанных еще до начала протописьменного периода, можно считать шумерскими. На этой основе выросло целое сплетение домыслов о гипотетической миграции более древних, возможно семитских, народов по странам Ближнего Востока (ср. [92, с. 111 и сл.]). Археологи, в свою очередь, указывают на ненадежность этой исходной предпосылки и на отсутствие свидетельств того, что эти названия действительно употреблялись до изобретения письма. Кроме того, у них имеются неопровержимые доказательства культурной преемственности между убейдским и урукским периодами (ср. [151, с. 136]).

Для археолога достаточно убедительными являются уже одни только свидетельства преемственности в религиозных верованиях и обрядах. Существенно подкрепляют этот довод данные с трех уже упоминавшихся ранее объектов. В самом Эль-Убейде, Укайре и Эреду последовательность культур хронологически начинается с типично убейдских поселений, и по аналогии с Эреду можно предположить, что на каждом из двух первых названных памятников некогда также существовал храм убейдского периода, впоследствии неоднократно перестраивавшийся. В обоих этих пунктах сами поселения были заброшены где-то в конце так называемого убейдского периода. Но этого никак нельзя сказать о храмах, которые, подобно храму в Эреду, неоднократно перестраивались и расширялись на протяжении всего протописьменного периода. В самом Убейде храм был заново перестроен в раннединастическую эпоху, а в Эреду цари III династии Ура избрали его развалины местом для постройки зиккурата. Известно также, что, как в Убейде, так и в Укайре, холм, скрывавший древнее убейдское поселение, использовался шумерами уже династической эпохи в качестве кладбища [112].

Принимая во внимание все эти факты, гипотеза о смене автохтонного населения иноплеменными пришельцами представляется маловероятной.

Остается еще один, последний вопрос, касающийся происхождения самых древних жителей Южной Месопотамии. Большой интерес вызвало недавнее откры-

тие процветающего анклава убейдских поселений, протянувшегося вдоль южного побережья Персидского залива и в глубину суши западнее Бахрейна [150, с. 20—31; 31, с. 264—269]. В настоящее время их первое появление в этом районе датируют средней фазой убейдского периода. Однако полученные данные нейтронной активации свидетельствуют о том, что керамика, использовавшаяся этими поселенцами, вывозилась непосредственно из Шумера, который они, должно быть, представляли здесь в качестве колонистов или торговцев. Таким образом, рассуждения о «прародине» убейдской культуры окончательно утрачивают всякий смысл.

Глава IV

БЕСПИСЬМЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ

В предыдущей главе наше внимание было сосредоточено на результатах раскопок на равнине Южной Месопотамии: на полученных данных о развитии культуры в додинастический период. Теперь мы должны обратиться к параллельным исследованиям, проводимым на возвышенностях Северного Ирака, и рассмотреть выявленную ими несколько иную последовательность событий. На этом пути мы обнаружим, что нить, связывающая здешние культуры с развивающейся цивилизацией шумеров, иногда становится чрезвычайно тонкой, в то время как культурные влияния, идущие из-за пределов Месопотамии, соответственно усиливаются. Поэтому термин «додинастический» здесь будет явно неприемлем и для периода между неолитом и ранним бронзовым веком, когда появляется металлургия, придется воспользоваться термином «халколитический», как это принято в археологии стран Западной Азии (см. :[131, с. 376 и сл.]).

В этом случае будет лучше сначала изложить последовательность открытий, а затем уже детально рассмотреть и последовательность культурных этапов, которую они помогли установить.

Раскопки на севере

Арпачия

Первые исследования древнейших поселений на территории Ассирии были предприняты одновременно английскими и американскими археологами в начале 30-х годов. В качестве отправной точки можно взять

До н. э.	Южная последователь- ность	ГАВРА	НИНЕВИЯ	ГРАЙ.-РЕШ	БРАК
2500	Аккадский				Дворец
	III	VII	,Ниневийская V"	I	
	III				
	II				
	Раннединастический I				
3000	Джемдет-Наср	Период Гавры VIII-X	IV	II - III	Храм Ока Серый
	Позднеурукский				
	Раннеурукский	XI-XII	III	IV	Красный
3500	Позднеубейдский	XIII Акрополь		V	
	(4)	XIV-XVI		VI-IX	Убейдские дома и погребения I-IV
4000	Позднеубейдский	XVII-XIX	II	ХАССУНА	
	(3)	Переходный период		Убейд	VI-X Халаф Круглые дома
4500	Хаджи-Мухаммед	Халаф XX	I	Халаф	
	(2)			Самарра	
5000	Эреду	Цига-Мами		Хассуна	
	(1)	Савван		Временные стоянки	Джармо
6000					

ТАБЛИЦА V
Хронология памятников Северной Месопотамии

небольшое поселение Арпачия, лежащее в 4 милях к северо-востоку от Ниневии и раскопанное М. Мэллоуном в 1933 г. [132]. Прямо на поверхности Мэллоун обнаружил скромную деревушку из довольно жалких глинобитных хижин. Он заметил, однако, что найденная здесь керамика может быть отнесена к северному варианту ранее открытой в Вавилонии расписной керамики периода Убейда. Здесь, правда, использовалась более богатая цветовая гамма — коричневая, красная и даже пурпурная краски встречались чаще, чем черная; но композиции и формы рисунка оставались, по существу, теми же. Догадка археолога подтвердилась, когда за деревней был найден могильник из более чем сорока погребений, в которых оказалось много неповрежденных сосудов. Кроме того, в самих домах были обнаружены резные терракотовые бусы и изогнутые глиняные «гвозди», характерные для убейдских поселений на юге. Наконец, Мэллоун нашел отлитый в открытой форме медный топор, который послужил поводом считать, что пусть редко, но медь уже использовалась здесь наряду с обычными кремневыми орудиями, что и характерно для халколита.

В четырех последовательных строительных горизонтах (сверху вниз) были найдены однотипные дома. По мнению Мэллоуна, они охватывали период жизни не более пяти—шести поколений, поскольку на могильнике погребения не накладывались одно на другое, следовательно, расположение самых старых могил еще было на памяти тех, кто копал более поздние. На горизонте V характер керамики стал меняться, а в более глубоких слоях (VI—X) Мэллоун уже имел дело с иной культурой, которая характеризовалась совершенной по исполнению и цвету посудой, расписанной большей частью несколькими красками. Эта керамика к тому времени была уже известна как халафская. Впервые ее обнаружил незадолго до первой мировой войны немецкий археолог барон Макс фон Оппенгейм на поселении Телль-Халаф близ турецко-сирийской границы. Фон Оппенгейм нашел ее при раскопках большого дворца одного арамейского властителя, правившего в железном веке в г. Гузана; груды расписных черепков были вырыты строителями при закладке основания дворца, и, разумеется, археолог не имел возможности определить их

возраст. Только впоследствии, в Арпачии эта керамика была найдена в четком стратиграфическом контексте и в привязке к современной ей архитектуре.

В дальнейшем нам еще придется говорить об этой прекрасной халафской керамике, на которую перед лощением наносились глянцевой краской сложные рисунки. Она настолько своеобразна, что служит, когда ее находят на границах области ее распространения, в Северной Сирии или Южной Анатолии, бесспорным критерием для датировки. В этом отношении представляется также немаловажным, что и в Южной Месопотамии ей не находится точных соответствий. В Арпачии были также обнаружены первые образцы других мелких предметов: стилизованные культовые терракотовые статуэтки, печати с изображениями людей и животных, разнообразные бусы и амулеты; все эти изделия вскоре были признаны характерными для халафского периода. Но главной отличительной чертой Арпачии явились круглые сооружения, найденные в самых нижних слоях и получившие в то время греческое по происхождению название «толосы». Они возводились из глиняных блоков на каменном фундаменте и были, очевидно, увенчаны куполом. Эти строения имели вход через прямоугольное преддверие, так называемый дромос, что увеличивало их сходство с «ульеподобными» гробницами более позднего времени в Микенах.

Тепе-Гавра

В то время как Мэллоун вел раскопки в Арпачии, на более крупном холме (телле), Тепе-Гавра, в нескольких милях к северо-востоку, начала работать американская экспедиция [178; 184]. В те времена американцы финансировались куда более щедро, чем англичане, поэтому руководитель экспедиции Э. А. Шпейзер мог спланировать раскопки, охватывающие всю вершину телля Гавра. В результате этого в последующие годы очертания холма изменились до неузнаваемости: его высота уменьшилась с более чем 18 м до менее 9 м. Таким образом, все недостатки, присущие господствовавшему до того времени методу стратиграфического шурфования на ограниченной площади, были устранены и появилась возможность производить раскопки сразу всего поселения. В пер-

вые годы Шпейзер и его преемники занимались расчисткой культурных слоев, современных шумерским южным городам и соответствующих протописьменному этапу додинастического периода. Культура, представленная последними слоями, оказалась настолько своеобразной, что некоторое время ее определяли как «период Гавры» Северного Ирака. Были найдены богатые захоронения с золотыми украшениями, храмы странной, ранее не встречавшейся планировки, резные амулеты удивительных форм. Всюду бросались в глаза свидетельства широкого использования меди. Таковы некоторые из отличительных черт Гавры (слои VIII—XI сверху вниз), о них мы поговорим более подробно, поскольку Гавра служит ключом к стратиграфии всей Северной Месопотамии.

Уже после того как раскопки в Арпачии были закончены, археологи в Гавре тоже нашли «североубейдскую» расписную керамику Мэллоуна. Здесь им удалось проследить ее развитие на протяжении периода, представленного не менее чем восемью строительными горизонтами (с XII по XIX), и соответственно узнать о ней намного больше. В XIII слое эта культура, казалось, достигала своего наивысшего расцвета. В это время большая часть вершины телля была занята чем-то наподобие культового акрополя: открытая площадь, заключенная между тремя большими, искусно выстроенными храмами из кирпича-сырца, вполне соотносимыми во многих отношениях с храмами убейдских уровней в Эреду, их, как впоследствии выяснилось, современниками.

Во всех убейдских слоях в Гавре можно проследить присутствие форм керамики и типов орнамента, сохранившихся от предыдущего, халафского периода. Но, достигнув слоя XX, археологи убедились, что период перехода от одной культуры к другой остался позади. Здесь уже преобладала полихромная керамика и другие предметы, характерные для халафского периода. Было даже обнаружено интересное круглое здание, которое можно, хотя и не с полной уверенностью, идентифицировать как храм. Но на этом вертикальный шурф в Гавре достиг предела, не представив никаких свидетельств о существовании здесь более древних следов пребывания человека.

Остается добавить, что в то время была уже известна еще одна разновидность расписной керамики, ве-

роятно современная или предшествовавшая периоду производства халафской посуды. Она была впервые найдена в 1914 г. Эрнстом Херцфельдом при раскопках Самарры (большого города IX в. н. э., стоявшего на Тигре между Мосулом и Багдадом) [79] и потому стала известна как «самаррская» керамика. Среди построек исламского времени Херцфельд наткнулся на следы древнего поселения или могильника, содержавшего большое количество этой прекрасной и необычной посуды. Поскольку Херцфельду не удалось тогда обнаружить остатков синхронных с ней архитектурных сооружений или чего-либо иного, дававшего возможность стратиграфической привязки, возраст поселения долго оставался неясным, и лишь гораздо позже была установлена дата его возникновения (ненамного опередившая появление наиболее древней халафской керамики). Об этом мы еще расскажем.

Куянджик

К началу второй мировой войны все наши знания о стратиграфии Северной Месопотамии ограничивались результатами работ на названных выше памятниках. К этому еще следует добавить раскопки Мэллоуна, который заложил необычно глубокий шурф под ассирийским храмом Иштар на холме Куянджик в Ниневии [182, с. 71 и сл.]. Эта работа дала ряд чрезвычайно важных результатов. Во-первых, в верхнем слое Мэллоуну посчастливилось найти бронзовую голову аккадского царя в натуральную величину; теперь она числится среди величайших шедевров месопотамского искусства (см. гл. VII). Во-вторых, он добыл письменное свидетельство того, что в шумерские времена в городе Ниневии уже были свои храмы. В-третьих, ему удалось подтвердить правильность установленной к тому времени последовательности этапов древней культуры и, что еще более важно, доказать существование древнейшего, дохалафского этапа. На глубине 27 м, непосредственно над материком он обнаружил новый, неизвестный ранее тип керамики, украшенной тонкой резьбой, которую он условно назвал «ниневийская I». В течение десяти лет после того, как Мэллоун уехал из Ирака на раскопки в Сирию, эти удивительные черепки, хранившиеся в небольшом количестве в Иракском музее, оставались

единственными образцами самой древней формы керамики, найденной к тому времени в Месопотамии.

Хассуна

Положение изменилось с 1943 г., когда инспектора Иракского департамента древностей обнаружили на краю занятой посевами возвышенности в 20 милях к югу от Мосула небольшой холм под названием Хассуна, поверхность которого была усеяна керамикой типа ниневийская I. При раскопках этого холма возобновилось сложившееся в Укайре сотрудничество автора настоящей книги с Фуадом Сафаром. Результаты работ превзошли все наши ожидания [116, с. 255 и сл.]. К истории халколитических поселений Северного Ирака, была добавлена новая, самая первая, глава о приходе сюда какого-то народа, стоянки которого почти сразу после этого перекрываются примитивными строениями небольшой земледельческой общины. Раскопки, охватившие площадь примерно 20 кв. м, позволили нам проследить развитие этого поселения в течение шести последовательных строительных горизонтов и связать последний этап обитания здесь людей с приходом жителей, использовавших раннюю форму расписной керамики Халафа.

Слои с III по V (при счете снизу вверх) содержали материал, который мы рассматривали как «стандартную» культуру Хассуны. Вся керамика была лишена лощения и либо украшена рисунками, нанесенными иглой, либо расписана; иногда сочетались обе формы орнаментации. В трех самых нижних слоях (II, I c и I a) появилась так называемая архаическая керамика, лощеная и расписанная глянцевой краской. На протяжении всех этих шести подпериодов общий облик поселения оставался в принципе неизменным: маленькие глинобитные домики группировались вокруг больших дворов, как на современных хуторах. Не исключено, что они имели высокие деревянные или тростниковые крыши, наподобие тех, какие и сегодня можно видеть в окрестных селениях. Многие указывало на имевшее здесь место примитивное земледелие; в частности, деревянные серпы с крепившимися битумом кремневыми вкладышами свидетельствуют о том, что эти люди по меньшей мере жали дикие

злаки, до сих пор произрастающие в районе Хассуны. Но найдены также зернохранилища сложной постройки, для большей надежности обмазанные известью или битумом, из чего следует, что зерно сохранялось для посева. Любопытны овальные «лучильные лотки» из обожженной глины, которые использовались для провеивания зерна. В изобилии встречаются кости домашних животных, хотя обсидиановые наконечники стрел и дротиков указывают, что жители поселка еще занимались и охотой. Находка поврежденной статуэтки «богини», относящейся к хорошо известному в настоящее время типу, дала уже тогда повод предполагать наличие определенных верований.

Простая лощеная керамика уровней Iв и Iс по большей части относилась к типу, который везде связывается с поздними стадиями неолита; но глубже, в лежащем непосредственно над материком слое Ia, наступила резкая перемена. Навесы (шалаша), если таковые имелись, должно быть, возводились из недолговечного материала, так как обнаружено лишь несколько далеко отстоящих друг от друга домашних очагов, при каждом из которых оказался набор одних и тех же примитивных изделий. Среди них — грубо выделанная керамика, в том числе оригинальный высокий сосуд для хранения припасов, вероятнее всего — молока, и орудия, например массивные сланцевые мотыги и топоры. Рядом с одним кострищем лежал скорченный скелет. Все это были, как нам кажется, символы перехода от кочевой жизни пастухов и охотников к оседлой земледельческой общине.

Другие памятники хассунской культуры

За истекшие годы можно отметить две наиболее значительные попытки приумножить наши знания о хассунской культуре и ее непосредственных предшественниках. Одна из них была предпринята советской экспедицией, работавшей на поселении Ярым-тепе (в районе Синджара, юго-западнее Телль-Афара и северо-западнее Мосула) [141]. Раскопки одного из имеющихся здесь теллей велись начиная с 1969 г., причем особое внимание уделялось археологической методике, а результаты фиксировались с необыкновенной точностью. Эти работы не только уточнили, но и дополнили информацию, полученную нами при раскоп-

ках Хассуны. Было обследовано много небольших домов (свыше 100 помещений) из тринадцати строительных горизонтов, которыми охватывалась вся последовательность развития, первоначально выявленная нами в Хассуне; были также отмечены новые, ранее неизвестные черты, существенно пополнившие наши знания. Сюда относятся свинцовые браслеты, новый и весьма интересный тип антропоморфных статуэток, а также прообразы печатей, использовавшихся в более поздние периоды.

Тем временем в начале 70-х годов другое исследование с подобной же целью было предпринято британскими археологами под руководством Дианы Киркбрайд в степной части Эль-Джезиры к западу от Хатры. В этом в настоящее время совершенно безводном районе было обнаружено 87 памятников, по меньшей мере 40 из которых можно по ряду признаков считать обитаемыми в хассунско-самаррский период. На одном из этих памятников, в Умм-Дабагийя, решено было произвести раскопки до самого материка; причем в нижних слоях, как выяснилось, археологов ожидал сюрприз [88]. Были выявлены многочисленные аналогии древнейшему уровню обитания (слой 1а) Хассуны, но в отличие от стоянок ее кочевых первопоселенцев здесь уже появляются основательные постройки, относящиеся к типу, ранее засвидетельствованному на Ярым-тепе (слой I), и определенно предназначавшиеся не для жилья, а для каких-то других целей. Ряды прямоугольных каморок, слишком тесных для жилья, образовывали своеобразную сетку, и функцией их, вероятно, было хранение товаров, предметов (продуктов), предназначавшихся для обмена. Многочисленные кости животных, найденные поблизости, из которых 68 и 16% составляли кости онагров и газелей, дали ученым повод полагать, что жители поселка занимались торговлей шкурами, возможно — именно шкурами онагров, которые водились в этом районе вплоть до конца XIX в. н. э. Во время раскопок эта теория получила весьма наглядное подтверждение, когда на стенах жилищ в наиболее глубоких слоях были обнаружены примитивные фрески, изображающие онагров, бегущих прямо в сети, растянутые на вбитых в землю кольях.

Диана Киркбрайд предложила датировать поселение Умм-Дабагийя, подобно самому нижнему слою

Хассуны, началом VI тысячелетия до н. э., отнеся его, таким образом, к этапу, который в другом месте мы обозначили как «керамический неолит». Какой-либо связи между этими торговавшими шкурами охотниками и горцами Джармо, обитавшими к северо-востоку от них, ей установить не удалось, хотя между двумя этими культурами не может быть большого хронологического разрыва.

Самарра и Телль ас-Савван

В годы, последовавшие за находками в Хассуне, второй по значению проблемой, волновавшей исследователей месопотамской доистории, было место, занимаемое в общей схеме развития своеобразной и превосходной по росписи самаррской керамикой. Ее находили бок о бок с принявшей завершённые формы «классической» керамикой Хассуны, и она производила впечатление чужеродной, возможно откуда-либо привезенной. На поселении Матарра, к югу от Киркука, где вскоре после издания материалов Хассуны вел раскопки Брейдвуд, этот тип керамики, казалось, встречался чаще других; исследователь соответственно заключил, что имеет дело с собственно «самаррской» культурой [27, с. 1 и сл.]. Но отличительных признаков такой культуры здесь почти не наблюдалось, и, чтобы окончательно зафиксировать эту керамику в аутентичном ей культурном контексте, пришлось ждать до 1964 г., когда иракский ученый Б. Абу-аль-Суф открыл новый, исключительно богатый памятник вблизи Самарры (см. публикации этого ученого в журнале «Шумер» с 1965 по 1968 г.). На этом поселении, известном теперь как Телль ас-Савван, были прослежены пять уровней обитания, где на всех, кроме нижнего, была представлена та самая загадочная расписная керамика, первоначально найденная в этих местах Херцфельдом вне стратиграфического контекста. Подобно памятнику, раскопанному Дианой Киркбрайд в Джезире, Телль ас-Савван преподнес немало сюрпризов. Кроме жилых домов из кирпича-сырца здесь были также странные Т-образные многокомнатные строения, идентифицированные археологами как зернохранилища. В одном из них отмечены признаки, свидетельствующие о его культовом назначении.

В третий период обитания весь поселок был об-

несен стеной с контрфорсами и большим рвом, что представляет собой древнейшую из найденных к настоящему времени в Месопотамии оборонительных систем. Среди других открытий в Телль ас-Савване следует упомянуть о более 100 погребениях, располагавшихся, как правило, под полами домов. Поистине замечательным оказался находившийся в них погребальный инвентарь: множество изящных алебастровых сосудов и серия удивительных человеческих статуэток из того же материала, почти ничем не напоминающих терракотовые статуэтки, повсеместно распространенные в халколитических культурах [147]. Обнаруженные здесь зерна злаков и другие растительные остатки в сочетании со множеством костей рыб и животных позволили составить представление о жизни поселения, о его смешанной экономике, базировавшейся на земледелии с зачатками искусственного орошения, охоте и скотоводстве.

Таким образом, наконец удалось зафиксировать развитие неуловимой самаррской культуры на исконной территории ее происхождения, центр которой лежал, очевидно, на Тигре, у северного края аллювиальной равнины. Раскопки на связанных с нею поселениях помогли определить географическое распространение самаррской культуры — на восток до границы с Ираном (Чога-Мами, близ Мандалы) и на запад до Евфрата (Багуз, близ Абу-Кемаля) [149; 26, с. 47—72]. Тот факт, что в Телль ас-Савване не был найден ни один хассунский черепок, подчеркивает различие между этими двумя культурами.

Архитектура

Дохалафский период

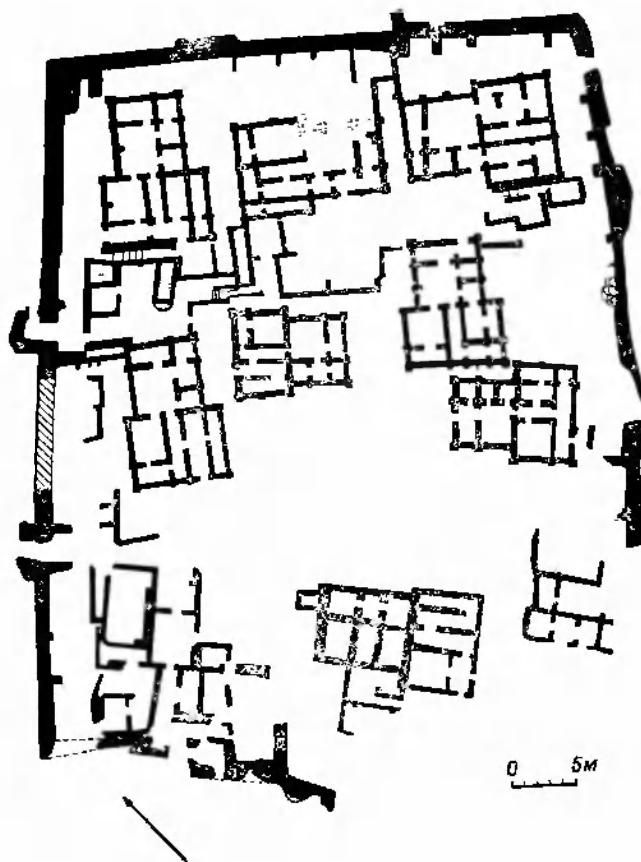
В древнейших поселениях Северного Ирака стены домов обычно складывались из глиняных блоков и затем обмазывались глиной. В более редких случаях (например, в Умм-Дабагийе) фасады и полы предпочитали обмазывать гипсом. Кирпич-сырец, формовавшийся в деревянных опалубках, появляется только к концу периода Хассуны. Каменные фундаменты встречаются только в Джармо, где источником материала могли служить русла горных рек. В Джар-

мо были также «глиняные полы на тростниковой основе». Многокомнатные жилые дома с самого начала имели, по-видимому, прямолинейную планировку. В Умм-Дабагийя каждый дом имел главную комнату, часто площадью не более $2 \times 1,5$ м и другие, меньшие, вход в которые был через арки высотой не более 1 м. Новой чертой архитектуры этого поселения являются очаги с дымоходом в форме колпака; они соединялись через основание стен с внешними печами для выпечки хлеба. В Джармо был найден единственный образец подобного устройства. Выдолбленные в стенах ступени или специальные углубления, по-видимому, давали возможность проникать в помещения через отверстие в крыше. Дома Ярым-тепе имели больше комнат, и площадь их была значительнее; площадь одного такого дома достигала 84 кв. м. Дома располагались либо группами (Умм-Дабагийя), либо вдоль узких улочек (Ярым-тепе), либо в некотором удалении друг от друга — к фасаду каждого прилегал тогда открытый двор (Хассуна). Кроме обычных куполообразных хлебных печей во многих домах были также большие круглые закрома, частично врытые в землю и обмазанные известью или покрытые битумом.

В поселении Умм-Дабагийя жилые помещения занимали подчиненное положение по отношению к двум большим клеточным блокам складских камер, о гипотетической связи которых с торговлей кожами мы уже говорили. Их стены из «густо замешенной глины» достигали полуметровой толщины. Отдельные ячейки (которых было раскопано более 70) имели в среднем площадь $1,50 \times 1,75$ м и не сообщались друг с другом.

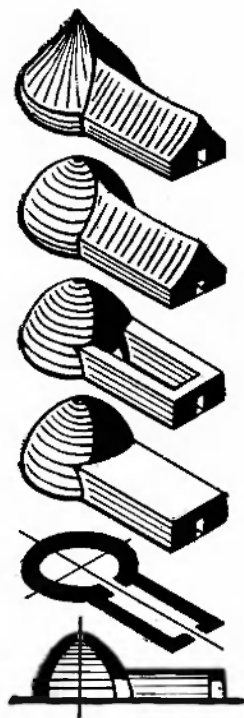
Самаррский период

Архитектура этого периода представлена двумя памятниками на периферии южномесопотамской аллювиальной равнины: Чога-Мами [149; 26, с. 47—72] близ границы с Ираном и Телль ас-Савваном на Тигре (см. публикации Абу-аль-Суфа в журнале «Шумер» с 1965 по 1968 г.). Первый из них представлял собой большое (350×150 м) земледельческое поселение, жители которого, очевидно, уже использовали примитивную систему искусственного орошения. В до-

Телль ас-Савван, план поселения самаррского периода
в слое III (ок. 5350 г. до н. э.)

мах было до двенадцати комнат, стены возводились из «сигарообразных» сырцовых кирпичей и обмазывались глиной. Поселение Телль ас-Савван продемонстрировало более высокий уровень культуры: методы строительства значительно усовершенствовались — призматической формы кирпичи (по-арабски — «либн») со средними габаритами $80 \times 30 \times 8$ см теперь изготавливались в деревянных формах. Назначение больших Т-образных строений, возводимых по стандартному плану и насчитывавших до четырнадцати ком-

Варианты реконструкций толосов Арпачии: круглых зданий со входом через прямоугольный дромос (халафский период, ок. 4800 г. до н. э.) (Мэллоун и Роуз, 1935 г.)

нат, пока окончательно не выяснено. Поскольку комнаты соединялись дверными проемами, они скорее всего использовались под жилье: на это также указывают находки, сделанные в некоторых из них, но ранее эти дома были определены как зернохранилища, а в пользу культовой функции одного из них говорит наличие в нем комнаты со своего рода ритуальным сооружением: нишей, в которой находилась алебастровая статуэтка.

Халафский период

В халафских слоях Арпачии архитектурным новшеством являются круглые сооружения, которые археологи называли толосами. В различных слоях самого холма и на прилегающих участках исследованной площади обнаружено десять толосов, но только два, возможно, возведены в одно время. Древнейшие из них представляют собой отдельно стоящие круглые сооружения, имеющие диаметр около 4 м; впоследствии диаметр возрастает до 6 м, а толщина стен — до 1,65 м. Вход в них теперь осуществлялся через прямоугольный «дромос», как и в «ульеподобных» гробницах Микен, а в одном случае даже имелось поперечное преддверие. Как правило, от этих сооружений сохранились только каменные фундаменты, но на одном уцелели остатки глинобитной надстройки, имевшей, возможно, форму низкого купола. Поскольку в непосредственной близости от них было найдено много погребений и культовых статуэток, Мэллоун был готов приписать им религиозное значение. Но в свете недавних открытий, когда в Сирии и Иране обнаружили поселения с жилыми домами в основном круглой формы, эта интерпретация выглядит уже не столь убедительной (см., например, [32]). В пределах собственно Ирака аналогия толосам Арпачии, относя-

—

шаяся к тому же времени, отмечена в Тепе-Гавре (слой XX), а на Ярым-тепе найдены и более ранние образцы.

Убейдский период

Древнейшее в Северном Ираке здание, которое с уверенностью можно считать храмом, появляется в XIX (при счете сверху вниз) слое Тепе-Гавры и совпадает по времени с началом убейдского периода на этом памятнике. Это прямоугольное в плане сооружение с непрочными стенами из кирпича-сырца было перестроено в более внушительных масштабах в слое XVIII, где оно содержит уже не менее двадцати комнат, расположенных вокруг центрального святилища (?). В этом помещении посередине располагался подиум*, но ничего похожего на алтарь не было. Круглые в плане строения появляются вновь в слое XVII, но они абсолютно лишены каких-либо признаков, связывающих их с культовой практикой: храмов мы вообще не находим вплоть до слоя XIII, когда, как уже говорилось, вершина холма была расчищена, чтобы освободить место для трех зданий уже явно религиозного назначения, весьма своеобразных по своей планировке и оформлению стен. Они располагались вокруг открытого двора шириной около 20 м, с трех сторон замыкая его своими фасадами, которые были украшены сложной системой декоративных ниш и расписаны разными красками. Для так называемого Северного храма удалось восстановить общий план: прямоугольное святилище шло по длине всего здания, упираясь обоими концами в боковые камеры, отделенные глубоко врезынными нишами, назначение которых пока не ясно. У нас нет данных, позволяющих связать это здание с определенным религиозным культом. Стены из кирпича-сырца поразительно тонки, но через определенные промежутки укреплены столбообразными контрфорсами, которые, очевидно, поддерживали балки потолочного перекрытия. С этой системой строительства мы уже сталкивались на юге, в храмах XI—IX Эреду, хотя представляемый ими «подпериод» культурного развития, видимо, несколько предшествовал времени постройки «акрополя» Гавры. Похоже, что Гаврой XIII представлен на севере самый

* Подиум — возвышение.

расцвет убейдского периода. В слое XII обнаружены следы большого пожара, уничтожившего все поселение.

Период Гавры

Четыре последующих уровня обитания в Гавре (слои XI—VIII) являются главным источником нашей информации о культурном развитии Северного Ирака за тот период, который на юге был назван урукским. Перемены в культуре, последовавшие за окончанием убейдского периода, здесь могут быть четко прослежены не только по остаткам архитектурных сооружений, но также по особенностям керамики и по увеличению числа металлических изделий. Как ни странно, но самым примечательным зданием в слое XI оказалась круглая постройка, известная археологам как Круглый дом. Его внешняя стена метровой толщины имела диаметр более 18 м, во внутренней же планировке можно выделить не менее семнадцати комнат. Расположение их не несет никакой ритуальной функции, и нет оснований приписывать этому зданию культовые функции. В этой связи Д. и Дж. Оатс (1976 г.) напоминают нам о том, что «круглые дома, встречающиеся в некоторых древнейших поселениях Леванта, начиная с натуфийского периода, представляют собой наряду с прямоугольными зданиями одну из двух простейших форм долговременных сооружений, которые, возможно, происходят от двух различных традиций устройства временных жилищ, сложившихся еще у мобильных человеческих сообществ». Поэтому нам кажется, если Круглый дом в слое XI и нес какие-либо функции, то скорее всего светские. Кроме того, на этом же уровне, но в другом месте мы встречаем первый образец настоящего храма с той характерной планировкой, которая и в дальнейшем будет присуща здешним храмам до самого конца урукского периода. Эти своеобразные здания, относящиеся к типу, до сих пор не засвидетельствованному нигде, кроме Гавры, вызвали у специалистов большой интерес [131, гл. 8/2, с. 383, сноска 2]. Такой храм имел прямоугольное святилище со входом через открытый портик, по обеим сторонам которого выдвигались вперед торцы боковых камер. В одном из храмов уровня VIII на одном конце внутреннего помещения отдельно стоял алтарь, или стол для жертвоприношений; у другого храма все наружные стены были

украшены вертикальными панелями со двойными нишами. Примечательно, что в одном и том же слое иногда оказывалось несколько таких зданий, а вокруг них, насколько мы можем судить, сосредоточивались погребения.

Телль-Брак

Еще одно храмовое здание урукского периода в северной части Месопотамии было найдено в 1938 г. М. Мэллоуном в Телль-Браке на р. Хабур (ныне территория Сирии) [123, с. 1 и сл.]. Это значительное по размерам строение (30×25 м), совершенно не сходное с описанными выше зданиями Гавры, в то же время имело ряд общих черт с урукскими храмами юга. Центральное святилище тянулось по всей длине здания, и на одном из концов от него отходили небольшие трансепты, подобные тем, которые мы отмечали ранее в слое IV самого Урука. Ряд боковых камер на одной стороне уравновешивался более сложным расположением камер на другой, и все в целом было заключено между массивными, стоящими на каменном основании кирпичными стенами. Внешняя отделка из раскрашенных глиняных конусов и инкрустированных каменных розеток позволяет провести еще одну параллель с храмами юга. Но самым удивительным был сложный декор в самом святилище. Его побеленные стены украшены были «цветными каменными розетками, полосами инкрустации из красного известняка и медными панелями». На одном конце стоял алтарь, сверху и снизу окаймленный бордюрами из листового золота, между которыми шли ленты из цветного камня; все это крепилось серебряными гвоздями с золотыми шляпками. Храм был возведен на развалинах двух подобных зданий. Археологи назвали его Храмом Ока в связи с мотивом «ока», или «глаза», постоянно проявляющегося здесь и в орнаменте, и в форме бесчисленных вотивных алебастровых фигурок, которые оказались погребенными под полом вперемешку со множеством бус, амулетов и печатей. Поскольку все это сохранилось, очевидно, еще от времен более ранних храмов, Мэллоун отнес сам Храм Ока к одной из поздних фаз периода Урук — Джемдет-Наср. Археологи так и не смогли установить значение символа «ока».

Керамика

Дохалафский период

В Северном Ираке работа по согласованию результатов примерно дюжины значительных раскопочных кампаний и по анализу последовательности выявленных ими культурных изменений продолжается уже почти полвека. Параллельно с долгим процессом тщательной обработки фактов шел и пересмотр логических выводов. Изучение керамики и мелких изделий приобретало здесь еще большее значение, чем на юге, где помимо них ученым были доступны и другие источники информации, а возможность инокультурных влияний из-за пределов Месопотамии представлялась не столь очевидной. В результате (и это особенно касается керамики) исследования в данной области оказались необыкновенно сложными и могут отпугнуть начинающего ученого или неспециалиста, которому предстоит пробираться к истине через лабиринт технических описаний и диаграмм. Поэтому здесь, пожалуй, достаточно будет лишь вкратце прокомментировать различные способы изготовления керамики и характерные черты других изделий, чтобы дать представление об источниках информации, способствовавших созданию упорядоченной картины развития древних культур.

На наиболее ранних памятниках, упоминавшихся в этой главе, нас прежде всего интересовал момент перехода от «докерамического неолита» к халколитическим культурам. Дело значительно упрощается тем, что, как выяснилось, этот момент совпадает с появлением на керамике расписного орнамента. Приоритет в этом принадлежит первопоселенцам районов Джезир и Синджара. В Умм-Дабагийне рисунок еще примитивен (пятна, полосы и шевроны), но встречаются также грубые фигуры людей и животных, выполненные в рельефе. В Хассуне лощеная или же довольно грубая, с примесью рубленой соломы в глине, керамика в слое Ia уступает место «архаической» расписной посуде (слои Ib—III), орнаментированной параллельными линиями, нанесенными глянцевитой краской, или подвергавшейся общему лощению. На остальных горизонтах дохалафского времени найдена так называемая «стандартная хассунская» керамика, с резным

или расписным, а иногда и комбинированным орнаментом, наносившимся поверх нелощеного ангоба; этот орнамент использовался на своеобразных по форме кувшинах и чашах. Наряду с ними начиная со слоя III и выше встречаются резко отличающиеся образцы самаррской керамики, очевидно импортировавшиеся как предметы роскоши.

Самаррские формы были досконально изучены в Багузе и других местах [26, с. 47—72]. Пожалуй, наиболее распространенная из них — открытое блюдо, внутренняя поверхность которого окаймлена ленточным орнаментом и покрыта «центростремительным» рисунком, включающим нередко изображения людей и животных. Для самаррской росписи характерна черная или коричнево-красная краска, нанесенная поверх толстого кремового или розоватого ангоба; она составлялась из многочисленных шевронов, а также из других геометрических фигур, причем линии краски были шире, нежели пробелы между ними. В Хассуне и на основных самаррских памятниках засвидетельствованы подобные найденным в Трое «лицевые урны»; человеческие лица, изображенные на них, были выполнены налепным рельефом. Мастерство и тонкий вкус самаррских керамистов производят еще большее впечатление при сравнении их продукции с ее грубыми имитациями, изготовлявшимися местными горшечниками в таких поселениях, как Хассуна.

Телль-Халаф

Сложность рисунка росписей на керамике достигает своей вершины в полихромных изделиях халафского периода (см. [181, табл. II]). По сути дела, гамма используемых цветов ограничивается преимущественно красным, красноватым или пурпурно-коричневым и черным; но при нанесении, например, на ангоб абрикосового цвета тона сильно меняются, а контраст между ними подчеркивается использованием небольшого количества белой краски. Если самаррской росписи удавалось передать впечатление движения, то рисунки на керамике Халафа иногда характеризуются как «статические» или «конструктивные». Они занимают большую часть поверхности сосуда, чем рисунки других стилей; в композиции преобладают прямые линии и клетка в сочетании с такими способами орна-

Полихромная и другая расписная керамика халафского периода.
Среди изобразительных мотивов встречается стилизованный
мотив букраний (внизу слева) (по Мэллоуну)

ментации, как «точечный», «черепичный» рисунок или «рыбья чешуя». В развитии этих типов орнамента выделяется несколько последовательных этапов, из которых только последний получил полную характеристику. Чтобы проследить этот процесс, возьмем один своеобразный мотив, а именно мотив бычьей головы, или так называемую букранию. В своих более ранних, натуралистических формах изображение бычьей головы встречается как изолированно, так и включенным в орнамент. Впоследствии оно упрощается, разворачивается «в профиль» и повторяется, образуя «бегущий» орнамент, который в конце концов стилизуется до такой степени, что утрачивает, очевидно, свою первоначальную семантику.

Из многообразия форм халафской посуды наиболее популярной была, пожалуй, форма неглубокого блюда, с полосой орнамента по краю и тем или иным заполнением в центре. Кроме того, изготавливались плоскдонные чаши, чаши с округлым дном и выпуклым венчиком, а также своеобразные низкие кувшины.

Примечательно и географическое распространение халафской керамики. Ее находят далеко на севере, вплоть до Диярбакыра в Анатолии, и повсеместно на западе, от берегов Евфрата до Амука и Средиземноморского побережья у Рас-Шамры. Южная ее граница соответствует, по-видимому, широте Багдада. Она никак не связана в своем развитии с современной ей керамикой Ирана (если не считать района Керманшаха) и по своему происхождению должна быть признана исконно северомесопотамской.

Северный Убейд

Период формирования убейдской культуры до сих пор окутан своего рода тайной; но момент достижения ею зрелости, по-видимому, совпадает с первым по времени культурным объединением Верхней и Нижней Месопотамии. Трудно сказать, развилась ли она в двух районах одновременно, или, что кажется более вероятным, постепенно распространялась от побережья Персидского залива на север: основные особенности, по которым она распознается археологами, одинаково четко выражены как в Гавре или Арпачии, так, скажем, в Уре и Эреду. Древнейшие убейдские слои в Гавре свидетельствуют, что переход от одной культуры

к другой был постепенным. Керамика поначалу сохраняет некоторые особенности, присущие халафскому периоду, или же сочетает их с новыми приемами изготовления. Но когда новая культура достигает полной зрелости (Гавра XIII), расхождения между северной и южной убейдской керамикой обуславливаются лишь сырьем или степенью совершенства технологии (например, изменением температуры обжига или приемов нанесения росписи). Один тип сосуда, обнаруженный и на севере и на юге, настолько эксцентричен по своей форме, что не может быть расценен иначе, чем порождение недолговечной, но повсеместно распространенной моды. Описываемый по-разному, то как «двояково-выпуклый», то как «черепашковидный» сосуд, он представляет собой изделие плоской формы с дырообразным горлышком и расширяющимся на конце носиком, который отходит от плечика почти под прямым углом. Стратиграфические контексты, в которых сосуды этого типа встречаются на юге и на севере, имеют существенное значение, поскольку позволяют связать два древнейших убейдских слоя Гавры (XIX и XVIII) с постхаджимухаммедскими (III и IV) фазами Эреду. Отталкиваясь от этого, мы, возможно, вправе соотнести Самарру на севере с фазами «керамики Эреду» на юге.

Послеубейдский период

Пожалуй, нет нужды говорить столь же подробно о керамике послеубейдского периода, которую с полным основанием принято соотносить с урукским периодом на юге. Характерными ее особенностями являются, во-первых, полное отсутствие росписи, а во-вторых, тот факт, что в отличие от «лепной» керамики предшествующих периодов большинство сосудов несет теперь несомненные признаки обработки на быстро вращающемся гончарном круге. В слоях Гавры XI—VIII керамика из коричневой или темно-желтой глины с примесью рубленой соломы вытесняет изящно выделанные из зеленовато-серой массы изделия убейдского периода. Лощеная или полированная монохромная посуда, столь распространенная в это время на юге, здесь встречается реже, хотя серая керамика с легким лощением определенно доминирует на синхронном памятнике Грай-Реш, в районе Синджара к западу от

Тигра [108. с. 123 и сл.]. Впрочем, одной из наиболее распространенных форм керамики в этот период на большинстве северных памятников, как и на юге, является «чаша со скошенным венчиком» или «колоколо-видный горшок» — небольшой, грубой выделки сосуд, производившийся в огромных количествах и, по-видимому, очень недолговечный. Автором настоящей книги было высказано предположение, что он функционировал лишь как бесплатная тара или использовался для вотивных приношений.

Помимо новшеств в технике керамического производства, пожалуй, не менее наглядным симптомом значительных культурных перемен, прослеживаемых в этих слоях Гавры, является пробуждение интереса к металлургии. Для археологов основным источником металлических изделий послужили часто встречающиеся богатые по инвентарю погребения, к рассказу о которых мы сейчас и перейдем.

Погребения

Период Гавры

До сих пор мы лишь вскользь упоминали о погребениях — например, в Телль ас-Савване, где была найдена богатейшая серия вотивных алебастровых сосудов и статуэток, или на убейдском могильнике в Арпачии, давшем ученым огромную коллекцию расписной керамики. Немногочисленные шахтовые могилы и захоронения в урнах, засвидетельствованные на ряде других памятников Северного Ирака, не имеют существенного значения. Однако резко увеличивающиеся по количеству погребения в последнем (XII) убейдском слое Гавры уже отмечены некоторыми чертами, как будто предвосхищающими более сложную погребальную практику урукского периода. В слоях XI—VIII мы встречаем два различных типа погребений.

Здесь было найдено не менее 200 захоронений, из них 80% — детских, расположенных без какой-либо закономерности либо под полами жилых домов, либо вблизи культовых зданий. Некоторых взрослых, возможно, хоронили на кладбище за пределами поселка, но наиболее выдающиеся члены общины удостоивались чести быть погребенными в великолепных гробницах

прямо между жилыми строениями на самом холме. Таких погребальных сооружений найдено около 80; они представляли собой прямоугольные камеры, сложенные из камня или кирпича-сырца, с перекрытием из дерева или каменных плит. В каждую камеру помещали, как правило, одного покойника в скорченном положении и, по-видимому, одетого; иногда его накрывали тростниковой циновкой или завертывали в нее.

Эти могилы примечательны не только своей конструкцией, но и разнообразием содержащихся в них личных украшений. В частности, бусы применялись так широко, что только в одном из захоронений их оказалось более 25 тыс. Для их изготовления использовались такие материалы, как бирюза, жадеит, сердолик, гематит, мрамор, известняк, кварц, обсидиан, лазурит и диорит, так же как раковины и слоновая кость, что указывает на торговлю с отдаленными странами, такими, например, как Афганистан. Но, пожалуй, больше всего удивляет обилие золотых украшений. Это по большей части кольца, розетки, маленькие «гвоздики» и украшения в форме полумесяца, вырезанные из листового золота и прикреплявшиеся к одежде или диадемам; примечательно одно маленькое изделие из электра*, очевидно наверху какого-то спицеобразного предмета, в форме волчьей головы, собранной из умело сваренных отдельных элементов.

Но основная ценность погребений в XI—VIII слоях Гавры — явные признаки того, что холм в это время был заселен людьми, обладавшими уже новыми техническими навыками и быстро усложнявшейся культурой. Прежде всего бросается в глаза прогресс в металлургии. В убейдских слоях, лежащих ниже, было найдено всего полдюжины металлических изделий, выкованных или отлитых из чистой меди без добавления олова. В послеубейдских же горизонтах мы обнаруживаем, что металлы, в том числе и бронза, получили самое широкое распространение. В одном случае археологи даже констатировали, что вся «площадь раскопа позеленела от окислившейся меди, а местами отливала золотом». При этом надо учитывать, что слоями Гавры этого периода представлена, по-видимому, небольшая земледельческая община, нам же необходим памятник, на котором можно было бы изучить ту же

* Электр — сплав золота и серебра.

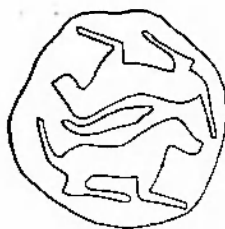
культуру в ее «городском» аспекте и сопоставить ее с современными ей этапами развития протописьменного периода на юге, что дало бы нам возможность провести хронологические и иные параллели.

Мелкие изделия

Статуэтки

Среди немногих доступных нам материалов с поселений эпохи халколита Северного Ирака предметы культового назначения сравнительно редки. К числу любопытных исключений следует отнести серию женских статуэток, которые без достаточных к тому оснований часто определяют как изображения «богини-матери» [188]. В отличие от «рептильноголовых» стоящих фигур, характерных для убейдского периода на юге, северные статуэтки изображают, как правило, стеатопигических* женщин в сидячем положении или на корточках, с гипертрофированными грудями и бедрами. Наиболее ранние образцы, например из Ярм-тепе, имеют головы с острым профилем, посаженные на тонкие шеи и вытянутые кверху, что должно, очевидно, изображать конусообразную прическу или головной убор [141, т. 27, табл. V, рис. 2 и табл. VII, рис. 10]. Но мы встречаем здесь уже и следы росписи, более характерной для поздних периодов, когда на фигурках появляются такие детали, как «штаны» с перекрещивающимися помочами или ремнями и узоры на теле, воспроизводившие, должно быть, татуировку. На нескольких прекрасных статуэтках самаррского времени из Чога-Мами очень тщательно расписаны лица: помимо конусообразной «прически» обозначены также глаза в виде «кофейных зерен» с подрисованными ресницами и некоторые своеобразные украшения лица, как, например, пластинки, продевавшиеся в ноздри и губы [148; 173, рис. 59a—d, 60, 61]. Статуэтки этого типа относятся к халафскому периоду и принадлежат к разряду самых обычных находок на древних памятниках Сирии, таких, как Чагер-Базар или Телль-Халаф (см. [181, табл. 6]), но встречаются

* Стеатопигия — сильное развитие подкожного жирового слоя на ягодицах.

Печати и оттиски
из протописьмен-
ных слоев Гавры
(Шпайзер, 1935 г.)

они и на таких отдаленных объектах, как Чатал-Хююк в Анатолии или Тепе-Сохраб в Западном Иране (см. [173, рис. 43 и 63]), что свидетельствует о тесных культурных связях Северного Ирака с соседними странами начиная с неолита и в последующие времена. Конкретная функция их как культовых предметов интерпретировалась по-разному. В Уре и в Эреду они найдены в погребениях, в то время как в Арпачии и Телль ас-Савване их обнаружили в некоторых зданиях, что и послужило поводом приписать последним культовое назначение.

Другой вид статуэток, весьма важный для целей датировки, представлен так называемым очастым идолом, или символом ока, который ассоциируется прежде всего с Телль-Браком. Но не менее двух дюжин терракотовых или каменных статуэток этого типа было найдено в Гавре, главным образом в слоях XI—IX, что и делает их одновременными с наиболее ранними строительными горизонтами мэллоуновского Храма Ока.

Печати

Среди других предметов, впервые встречающихся в слоях с расписной керамикой, например, в Гавре, большой интерес представляют личные печати. Примитивные «печати-подвески» с геометрическим рисунком в халафских слоях сменяются теперь полусферическими печатями-штампами, изображения на которых достигают в последней фазе убейдской культуры значительной сложности. Огромный интерес представляют изображения различных фигур на группе стеатитовых или серпентиновых печатей, относимых к началу послеубейдского периода (слой XI). Тонкий резной орнамент, составленный из фигурок рогатых животных и охотничьих собак, чередуется на них с ритуальными сценами, в которых действуют персонажи в масках [178, табл. CXL II, с. 36; 17].

Внешние связи

Сузиана

Было бы излишне и даже неуместно пытаться проследить или хотя бы вкратце охарактеризовать здесь параллельное развитие и взаимодействие культур эпохи халколита в соседних странах, теснейшим образом связанных с Месопотамией. В результате недавних раскопок в Северной Сирии, Анатолии и особенно в Иране (не говоря уж о более отдаленных районах распространения этих культур в сторону Кавказа или Афганистана) наши знания об этом периоде настолько возросли, что именно на эти области оказался перенесен интерес ученых, ранее неизменно прикованный к долинам великих рек. Но есть одна область, которая хотя и лежит за пределами современного Ирака, но вплотную примыкает к древней родине шумеров и требует к себе особого нашего внимания. Речь идет об иранской провинции Хузестан, которую археологи называют Сузианой — по Сузам — великому городу, бывшему ее столицей в эламскую эпоху. Задолго до начала письменной истории эта страна уже была тесно связана с Месопотамией, продолжением которой в физико-географическом отношении она и является. Прямо на север от современного города Басра горы Загрос отклоняются к востоку, открывая широкую, достаточно плодородную в определенные сезоны возвышенность, которую орошает сеть трех рек (Керхе, Шаур и Диз), а четвертая (Карун) связана с р. Шатт-эль-Араб.

Первые свидетельства обитания здесь людей в древнейшую эпоху были получены в 1897 г. французскими археологами при раскопках большого холма-городища на месте самих Суз. Огромный могильник, прилегающий к более поздней городской стене, послужил источником большей части находок превосходной расписной керамики, ныне хранящейся в Лувре и почти на двадцать лет предвосхитившей открытие Леонардом Вулли убейдской культуры в Месопотамии. Наиболее поразительна серия кубков и высоких бокалов, расписанных орнаментом из стилизованных фигурок птиц и зверей. Эта керамика, которую ее первооткрыватель Жак де Морган обозначил термином «Сузы I», до сих пор расценивается некоторыми авторами как высшее дости-

жение керамического мастерства на Ближнем Востоке (см. [181, табл. III и IV]). Поскольку никаким сравнительным материалом наука тогда еще не располагала, то древность этих находок была первоначально значительно преувеличена. Пятьдесят лет потребовалось ученым, чтобы установить точное место этой керамики в ряду древнейших культур. За это время благодаря многочисленным новым открытиям в Ираке и примерно дюжине раскопочных кампаний на меньших по значению памятниках в самом Хузестане (число которых резко возросло уже в самые последние годы) был собран материал, необходимый для сравнительного исследования, которое предпринял покойный Ле Бретон, опубликовавший свои результаты в 1957 г. [102, с. 79 и сл.]. Теперь выяснилось, что деморгановская керамика «Сузы I» (в дальнейшем мы будем называть ее «Сузы A») принадлежит последней из пяти фаз, на которые делится развитие иранских культур расписной керамики («Сузиана *a, b, c, d* и *e*»), и что по времени она соотносится с моментом перехода от убейдского к урукскому периоду в Месопотамии. Для предыдущих четырех периодов («Сузиана *a—d*») выявились параллели с общей последовательностью развития культур в Ираке начиная от периодов Хасуны и Эреду и далее. Удалось Ле Бретону выделить и три последующие фазы («Сузы B, C и D»), соотносимые с протописьменным периодом Месопотамии. К фазе «Сузы C» он смог привязать так называемое протоэламское письмо, обнаруженное на самом эпическом памятнике, где его употребление представлялось как будто прямым логическим следствием тесных связей Сузианы и Ирака в периоды Урук и Джемдет-Наср. Поскольку теперь оно найдено в таких отдаленных местах, как Тепе-Яхья в долине Согума, в 140 милях к югу от Кермана, а также в Сиалке, Године, Мальяне и Чога-Мише, можно считать, что в ту эпоху оно, очевидно, весьма широко употреблялось на территории Ирана [95].

Глава V

РАННИЕ ШУМЕРСКИЕ ДИНАСТИИ

Протописьменный период надлежит рассматривать не как прелюдию шумерской цивилизации, а как один из первых этапов ее формирования, в течение которого сложились ее основные характерные черты. Все наши знания о протописьменном периоде основываются исключительно на результатах раскопок; но по его окончании мы сразу оказываемся на пороге письменной истории; отныне мы можем проверять наши археологические выводы свидетельствами современных им письменных документов. Период, о котором теперь пойдет речь, называют раннединастическим благодаря содержанию одного уникального и необычайно важного текста. Это так называемый «Царский список», документ, в котором зафиксированы для назидания потомству политическая анатомия шумерского общества и последовательность смены правителей [81; 198, т. 6, с. 21—26]. До нас дошло несколько незначительно отличающихся друг от друга версий этого текста; одна из них может быть датирована (отчасти по тому моменту, на котором прерывается ее повествование) началом XVIII столетия до н. э. Древнейшую часть этого списка мы неожиданно встречаем изложенной по-гречески у Бероса, загадочного историка эллинистического периода.

Прежде чем рассказать об этом документе, в котором уже по меньшей мере подразумевается понятие «царская власть», нелишне будет, пожалуй, остановиться на титулах, которые носили правители шумерских городов-государств на различных этапах их политической эволюции. В древнейших надписях используется для обозначения форм государственного управления целый ряд различных терминов, не поддающихся точному определению. Упоминаются, например, такие

титулы, как «энси» («господин»), «эн» (вероятно, «повелитель») или «лугаль» («великий человек», «царь»); предметом многих раздумий и споров явилось установление различия между ними. Все колебания специалистов по этому вопросу собраны Сэггсом и Гэддом (в их работах, вышедших одновременно в 1962 г.). Сэггс обратил внимание на любопытное предположение, высказанное Якобсеном еще в 1943 г., согласно которому «царская власть в Шумере была не примитивной, но развивающейся, и действия царя, по крайней мере в отдельных случаях, контролировались собранием старейшин или глав отдельных общин, а возможно, даже и всей массы свободных мужчин». Эта теория основывалась на изучении ранних литературных источников: «мифов и преданий о жизни и подвигах богов, в которых, как принято думать, отражена социальная структура эпохи, когда шумерское общество преобразовывалось в город-государство», возможно, самого начала III тысячелетия до н. э. Согласно мнению Якобсена, одна из функций «общего собрания» состояла в избрании должностного лица, называемого «эн», который «первоначально исполнял культовые функции: он являлся „царственным супругом“ богини-покровительницы города и играл центральную роль в обряде „священного брака“, от которого зависело процветание города-государства». Его вторичные функции — административные — были связаны с управлением храмовыми землями и обеспечивали ему огромное политическое влияние; на определенной стадии он становится фактическим правителем. Довольно рано произошло разделение между жреческими и светскими функциями эна, жившего теперь не в храме, а в собственном пышном дворце. Позднее, в исторический период, реальным правителем «являлся уже не „эн“, но должностное лицо, которое первоначально ведало земледельческими работами и имело титул „энси“. Культовые обязанности перешли теперь к особому жрецу или жрице... В случае нападения извне собранию предписывалось избирать военного предводителя, или царя („лугаля“)... Первоначально должности как „эна“, так и „лугаля“ не были ни наследственными, ни пожизненными; титул „лугаля“, во всяком случае, предоставлялся лишь на то время, пока грозила опасность извне». «Эн» или «лугаль» мог пытаться сохранить свою власть и после ликвидации опасности,

тогда обе функции оказывались совмещенными в одном лице. Но все же он не имел статуса абсолютного властителя и действовал лишь как лицо, наделенное полномочиями собрания.

Взгляды Якобсена на шумерское общество и его политическую структуру, вызвавшие в пору их обнаружения значительный интерес, в настоящее время разделяются далеко не всеми, так как в новооткрытых текстах им не находится дополнительных подтверждений. Если брать только голые факты, т. е. те наши заключения о статусе шумерских правителей, которые выглядят наиболее достоверными, то следует признать, что титул «лугаль» являлся общим обозначением «царь», в то время как «энси», хотя и выступал правителем в своих конкретных пределах, мог быть подчинен «лугалю», правившему в другом городе.

«Царский список»

Вот некоторые характеристики «Царского списка», каким он известен нам сегодня. Сначала в нем перечислены имена восьми полубогородовых властителей, правивших «до Потопа», и названия городов, с которыми они, как считалось, были связаны. «После Потопа,— говорится далее,— была ниспослана с небес царская власть». Затем следует более конкретная и основанная на фактах хроника, знакомящая нас с федерацией городов-государств, один из которых в каждый отдельный отрезок времени господствовал над всеми другими. Соответственно излагается последовательность правящих династий для каждого отдельного города, причем его наследственные правители в таких случаях выступают как цари всей «Страны» и несут ответственность за ее благополучие. Местами вкраплены информация генеалогического характера или упоминаются обстоятельства, при которых происходил переход гегемонии от одного государства к другому. Этот список не является «первоисточником» и был составлен на основании других документов, причем, как неоднократно отмечалось, «без расчета на то, чтобы облегчить работу современным ученым», с точки зрения которых он имеет ряд явных изъянов. Например, указываемая в нем продолжительность правления отдельных царей совершенно фантастична; кроме того, давно

уже установлено, что ряд названных в нем династий правили одновременно, каждая в своем городе. Но этим фактом в то же время лишний раз подчеркивается характерное для шумеров представление о единой «Стране». Здесь также впервые дан перечень главных шумерских городов, таких, как Сиппар, Шуруппак, Кнш, Ур, Адаб, Мари, Акшак, Лагаш, Исин, Ларса и другие, менее известные нам.

«Царский список», разумеется, никак нельзя отнести к числу «современных письменных документов». Он скорее представляет собой ретроспективный свод исторических событий, составленный значительно позже на основе традиции. То же самое можно сказать и о великих эпических поэмах Шумера, таких, например, как «Эпос о Гильгамеше», дошедший до нас благодаря его многократному воспроизведению на аккадском и других языках в более поздние эпохи [170]. Поэтому сейчас мы рассмотрим, что же представляет собой подлинно историческая информация, полученная из писаний первых шумерских писцов, и в какой мере изучение ее за последние годы помогло установить историческую достоверность «классических» письменных памятников Месопотамии [69, гл. 13, с. 93].

Древнейшие письменные тексты

О древнейших пиктографических текстах, найденных в архаических слоях Урука, мы говорили в предыдущей главе, где также отмечалось, что если язык табличек Урука IV можно еще считать не вполне идентифицированным, то язык текстов Урука III (период Джемдет-Наср) уже определенно является шумерским. За ними в архаической серии хронологически следует, во-первых, группа табличек, найденных в 20-е годы Леонардом Вулли в слое, предшествовавшем его «царским гробницам» в Уре, и, во-вторых, надписи, обнаруженные в начале нашего столетия немецкими археологами В. Андрэ и Р. Кольдеем в Фаре (древний Шуруппак) [177, с. 69 и сл.]. Здесь, однако, необходимо помнить, что практически все без исключения упомянутые выше письменные тексты представляют собой лишь списки с указанием количества товаров или людей. Первые случаи, когда отдельные лица (как правило, цари) использовали письмен-

ность для посвячительных надписей или для констатации своих личных свершений, по времени совпадают или появляются чуть позже упомянутой выше группы табличек из Фары, но такие образцы были найдены Л. Вулли в Уре значительно позднее. Поэтому до самого конца 20-х годов нынешнего столетия все имена правителей из «Царского списка», включая имя самого Гильгамеша, рассматривались как порождение фантазии шумеров. Отсюда легко понять, какую сенсацию произвело открытие в 1919 г. Леонардом Вулли в развалинах раннединастического храма в Эль-Убейде замурованной в фундамент таблички, содержащей имена Месанепады, первого царя первой династии Ура, и сына его Аанепады [74].

К этому времени уже полным ходом шли систематически осуществлявшиеся немецкими, французскими и американскими археологами раскопки на развалинах других упомянутых в «Царском списке» шумерских городов, в том числе и тех, откуда исследователями ранее уже было получено большое количество глиняных табличек. В последующие десятилетия было обнаружено много новых шумерских текстов, и не только археологами, но и учеными-филологами, которые приступили теперь к широкому изучению музейных коллекций [94]. Таким образом, к перечню царей, оказавшихся реальными историческими личностями, удалось добавить много новых имен. Прежде чем рассказать об этом подробнее и описать последовательность археологических открытий, изложим те выводы, к которым в конечном счете пришли ученые относительно хронологии раннединастического периода.

Археологическая периодизация

Так называемую досаргоновскую эру (т. е. эпоху, предшествовавшую объединению Месопотамии под властью Саргона Аккадского) теперь условно подразделяют на три этапа. Этап Раннединастический I (РД-I), следующий сразу за окончанием протописьменного периода, датируется приблизительно 2900—2750 гг. до н. э.; Раннединастический II (РД-II) длился до 2650 г. до н. э., в то время как Раннединастический III (РД-III), подразделяемый на два подэтапа, *a* и *b*, растянулся, как принято считать, почти на три

последующих столетия. Эта система хронологии была построена главным образом на основании данных, полученных в 30-е годы в ходе раскопок, проводившихся Восточным институтом Чикагского университета на памятниках в районе р. Дияла, к востоку от Багдада [43, с. 134; ср. 47]. При этом отправными точками послужили прогрессивные изменения в архитектуре, скульптуре, керамике, цилиндрических печатях и других мелких предметах, найденных в нескольких храмах, которые в большинстве случаев были основаны в конце протописьменного периода и неоднократно перестраивались в эпоху ранних династий. Точность этой хронологической схемы была впоследствии подтверждена (с внесением лишь незначительных коррективов) данными из стратиграфических шурфов в Ниппуре и других местах.

«Потоп»

Задача соотнесения этой археологической гипотезы с хронологией, полученной из данных шумерских текстов, в целом оказалась на поверку не столь трудной, как можно было себе представить. Прежде всего надлежало установить дату и историческое значение «Потопа», воспоминания о котором столь широко отражены в шумерской традиции и дошли даже до нас через Ветхий Завет. Археологические данные, привлекавшиеся в этой связи, оказались, к сожалению, двусмысленными. Вплоть до недавнего времени крупные наводнения были обычным явлением в истории Месопотамии, нет поэтому ничего удивительного в том, что при глубоком зондировании на определенных шумерских памятниках чистые слои нанесенного водой песка или глины то и дело обнаруживались в стратиграфических контекстах, варьировавшихся по времени от убейдского периода в Уре до конца раннединастической эпохи в Кише [126, с. 62 и сл.]. Однако в Фаре (Шуруппак) такого рода слой приходится на конец этапа РД-I, и это тот единственный случай, который можно использовать (без особой, правда, уверенности) в качестве свидетельства в пользу данных, извлеченных из шумерских текстов.

Нет никаких сомнений в том, что полуисторическая эпоха, представленная в «Царском списке» последова-

тельностью «правителей до Потопа», должна быть теперь приравнена к археологической серии, определенной как РД-I. Имена этих «правителей» не представляют для нас большого интереса, поскольку лишь последний в их списке может претендовать на некоторое историческое значение. С этим местом «Царского списка» связан эпизод из «Эпоса о Гильгамеше», в котором герой отправляется в путешествие, дабы побеседовать с Утнапишти, «вавилонским Ноем», о тайне вечной жизни. У ученых всегда вызывал некоторое удивление тот факт, что об этом персонаже нет упоминания в «Царском списке», где последним царем перед «Потопом» назван Убартуту, правитель Шуруппака. Но существует другая версия «Потопа», герой которой носит имя Зиусудра, причем, согласно тексту дошедшего до нас фрагмента, он являлся сыном Убартуту [94, с. 290]. Напрашивающееся здесь предположение, что Гильгамеш и Зиусудра были современниками, отводится, к сожалению, тем фактом, что последний после «Потопа» был обожествлен и в момент встречи с Гильгамешем был уже богом.

Что касается самого Гильгамеша, то о нем из других письменных источников удалось получить намного больше данных. Одним из таких источников является весьма важный текст, две версии которого найдены в Уре и в Ниппуре; здесь перечисляются имена благочестивых царей, периодически восстанавливавших храм Туммаль в Ниппуре, который археологически пока еще не локализован. В этом перечне в числе других содержатся имена трех царей: Агги, Гильгамеша и Месанепады, принадлежавших соответственно к первым династиям Киша, Урука (Эреха) и Ура [89, с. 10 и сл.]. Согласно «Царскому списку», эти три династии хронологически следовали одна за другой. Но это указание в данном случае категорически опровергается свидетельством нового источника, согласно которому три упоминаемых здесь царя были современниками. В одной шумерской эпической поэме, например, говорится, что Гильгамеш из Урука воевал против Агги из Киша; известно также, что конец династии Киша положил не кто иной, как Месанепада, правитель Ура. Что касается последнего, то его имя содержится не только на замурованной в фундамент храма табличке из Эль-Убейда, но также и на оттисках печатей, найденных в «Царском некрополе» Ура.

Опираясь на эти и другие факты, мы с уверенностью можем отнести время правления всех трех царей к третьему этапу раннединастического периода, а точнее, к 2650—2550 гг. до н. э.

Таким образом, между правлением Гильгамеша и «Потопом» остается еще период (определявшийся Мэллоуном приблизительно в 100 лет), который археологически соответствует этапу РД-II. Многие имена правителей, приходящиеся в «Царском списке» на этот период, либо имеют семитскую этимологию, что заставляет признать их результатом поздней интерполяции, либо без труда опознаются как имена божеств; два имени, однако, признаны теперь историческими. Один из этих царей — Энмебарагеси, отец Агги из Киша, чье имя было обнаружено в характерном для этапа РД-II археологическом контексте на одном из памятников в районе р. Диялы [46, с. 9 и сл.]. Другой — это Энмеркар из Эреха (Урука) [91], герой древней шумерской эпической поэмы, выступающий также в греческой версии «Царского списка» как дед Гильгамеша. Теперь, когда удостоверено историческое существование и этих фигур, мы как бы вплотную приблизились в нашем путешествии в глубь веков к нижнему временному пределу, отмеченному фигурой «вавилонского Ноя» — Зиусудры.

Памятники раннединастического периода

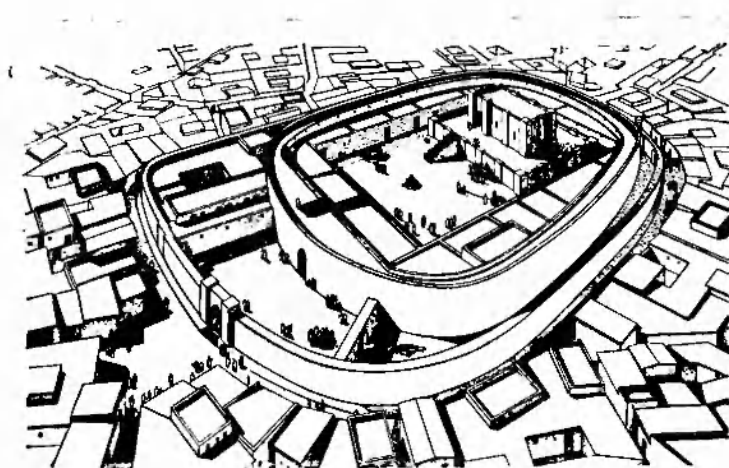
Хафадже

Вернемся к хронике археологических открытий и перечислим те из шумерских памятников, раскопки которых внесли наибольший вклад в наши уже весьма обширные знания о раннединастическом периоде. Имеет смысл начать с так называемой дияльской группы памятников хотя бы уже потому, что тамошние находки сыграли большую роль в разработке основополагающей хронологической схемы. В рамках же самого района р. Диялы приоритет, видимо, следует отдать г. Хафадже (древний Тутуб); внимание к нему было привлечено в 20-е годы благодаря большому количеству шумерской фрагментированной скульптуры, которая добывалась здесь в ходе незаконных раскопок и поступала в лавки багдадских торговцев [40; 43].

Источником этих древностей оказался холм, лежащий близ восточного берега р. Диялы, в 15 милях к северу от места ее слияния с Тигром. В первый же сезон раскопочных работ, производившихся экспедицией Восточного института Чикагского университета, прямо под вершиной холма были обнаружены остатки по меньшей мере двух шумерских храмов, один из которых, занимавший центральное положение, был посвящен богу Луны — Сину. В последующие годы были тщательно прослежены многократные перестройки храма, различные горизонты которого представили все этапы раннединастического периода, причем первоначальное основание его относилось еще к эпохе Джемдет-Наср.

Храм Сина в Хафадже, подобно зданиям «протописьменных» слоев комплекса Эанны в Варке, принадлежит к категории «наземных храмов». Это значит, что он никогда не возводился на искусственной платформе, а занимал площадку, форма, а возможно, и размеры которой определялись расположением окружающих жилых построек. В соответствии с уже многовековой традицией храмового строительства его основа имела форму вытянутого прямоугольного святилища с алтарем-подиумом на одном его конце и со входом на другом. К храму Сина в его древнейшей форме уже были пристроены боковые камеры, что образовывало традиционную трехчастную планировку. Мало что добавилось к этому нехитрому сооружению вплоть до пятой перестройки в начале раннединастического периода (Храм VI), когда бесформенный внешний двор, через который к храму шли верующие, был расширен и обнесен стеной со «сторожкой» у ворот и всевозможными пристройками. Четыре последующие планировки, относящиеся к более поздним периодам, никак не изменили асимметричной планировки комплекса. Только в слое IX внешнему ходу был придан более благообразный вид, а во дворе поставлен еще один алтарь — под открытым небом.

Руководивший раскопками Хафадже П. Делуга обнаружил, что вся вершина холма была в ямах и туннелях, оставшихся после хищнических раскопок. Пришлось потратить целый сезон на выборание из них разрыхленной земли, чтобы проследить линии стен, фрагменты которых сохранились на неповрежденных участках. Благодаря высокому археологическому мастерству он сумел восстановить планировку

Реконструкция «Овального храма» в Хафадже
после перестройки в III фазе раннединастического периода
(ок. 2650—2350 гг. до н. э.) (по Дарби)

двух позднейших храмов Сина (IX и X), попутно обнаружив древние изделия, не замеченные грабителями. Добытые здесь votivные статуэтки дополнили в известной мере коллекцию находок, но они имеют меньшее значение, чем храмовая утварь, ритуальные сосуды и мелкие изделия, залежавшие в нижних, потревоженных слоях. К собранию находок прибавилось еще содержимое трех меньших по размеру храмов, которые располагались между жилыми постройками к западу и югу от храма Сина и оказались вне поля деятельности грабителей. Один из них представлял собой, по сути дела, большую бесформенную ограду с двумя святилищами внутри, в которых, как удалось установить П. Делуге по обнаруженной здесь надписи, отправлялся культ богини-матери Нинту. Два других храма имели по одному святилищу.

Все эти строения были «наземными храмами», но наконец, на исходе первого сезона работ, археологи обнаружили на пологом западном склоне холма остатки огромного, овальной формы теменоса («священного участка»), где некогда, очевидно, стоял типичный «высокий», т. е. вознесенный на искусственную платформу, храм. Раскопки Овального храма в Хафадже поставили П. Делугу перед такой технической пробле-

мой, которая смутила бы многих других археологов. Максимальная длина обведенного двумя рядами внешних стен овального теменоса равнялась почти 100 м, но от внешних стен, как и от стен заключенных между ними зданий, сохранилось лишь несколько рядов кладки. Делуге пришлось прибегнуть к методу раскопок, ранее до совершенства отработанному немецкими археологами в Варке; этот метод предполагал фиксацию положения каждого кирпича — единственно, что давало возможность реконструировать линии стен. Немало труда пришлось потратить на обучение этой технике местных рабочих-арабов, но в итоге наземный план комплекса был полностью восстановлен.

На планах и реконструкциях видны три стадии застройки, относящиеся к этапам РД-II и РД-III. Прежде всего бросается в глаза огороженное пространство в форме почти правильного овала, внутри которого служебные здания располагались так, что образовывали прямоугольный внутренний двор. Половину этой оставшейся площади заполняла едва прослеживаемая теперь храмовая платформа, на которую вела единственная лестница. Овальная стена дополнялась второй, внешней; правильность ее формы с одной стороны была уже нарушена: здесь располагались внешний двор и вместительное жилое здание, возможно резиденция жреца. Во втором строительном горизонте (этап РД-IIIa) внешняя стена утолщается и усиливается с наружной стороны контрфорсами, а на этапе РД-IIIb пристраивается новый, довольно помпезный портал, занявший большую часть площади внешнего двора. Разрез, сделанный Делугой через основания обеих стен, показал, что их расширяющиеся уступом фундаменты залегали ниже вымостки двора. Кроме того, он выявил феномен, которому нелегко найти аналогии в храмовом строительстве других периодов: перед кладкой фундаментов земля по всей площади «священного участка» была выбрана до глубины 4,6 м, а затем образовавшийся котлован заполнили чистым песком, доставлявшимся откуда-то из-за города. Делуга подсчитал, что для этой цели пришлось доставить сюда 64 тыс. куб. м песка, и предположил, что такая огромная затрата труда могла быть оправдана только специфическими требованиями ритуала.

Существенным дополнением к находкам в храмах Хафадже явилось содержимое погребений, из кото-

рых около 200 было найдено в пределах города, главным образом под полами жилых домов [44]. По типу они варьировались от простейших шахтных могил до гробниц со стенами, облицованными кирпичом, причем по меньшей мере в двух случаях облицовочный кирпич был обожжен в печах, а гробницы перекрыты ложным сводом. Погребальный инвентарь состоял главным образом из керамических сосудов, которые благодаря своему многообразию немало содействовали окончательному решению проблемы раннединастической стратиграфии.

Телль-Асмар

В послешумерское время город, развалины которого были найдены в Хафадже, вошел в состав игравшего немаловажную политическую роль государства Эшнуна, чья столица находилась в Телль-Асмаре, в 50 милях к юго-востоку от современного Багдада. Ранее здесь тоже был город раннединастической эпохи, и одновременно с работами в Хафадже экспедиция Восточного института Чикагского университета раскопала и здесь небольшой храм [43]. Храм Абу (как он стал называться после находки в нем статуи, украшенной «растительными» аксессуарами этого бога, обычно характеризуемого как «Повелитель растительности») был основан, подобно храму Сина, в период Джемет-Наср, причем его архитектурную историю также удалось проследить вплоть до последней перестройки уже в начале аккадской эпохи. Сначала это была маленькая бесформенная «часовня», и первое время ее планировка развивалась в традиционном ключе, вследствие чего она превратилась в храм с прямоугольным святилищем и одним рядом боковых камер. Этот Арханческий храм по времени соответствует этапу РД-I. На этапе РД-II он был заменен так называемым Квадратным храмом, состоявшим из нескольких прямоугольных камер (три из которых представляли собой самостоятельные миниатюрные святилища), сгруппированных вокруг центрального внутреннего двора. На этапе РД-III планировка возвращается к типу «храма с одним святилищем», представленному также самым маленьким из серии храмов в Хафадже.

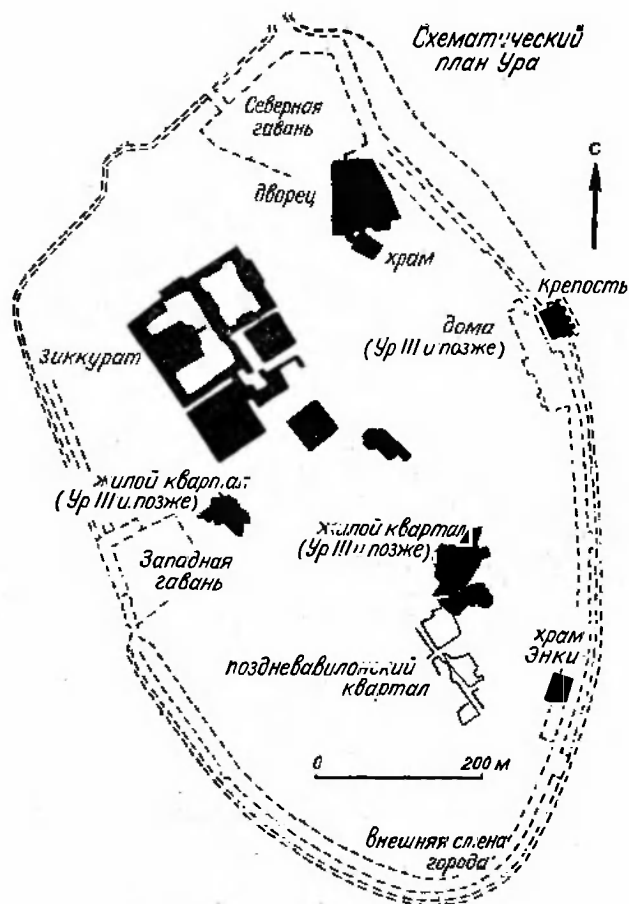
Находки в этих строениях Телль-Асмара были обильны, а представленные ими типы изделий вскоре

сделались хорошо знакомыми участникам работ в районе р. Диялы: это были бусы, резные амулеты, печати и даже одно бронзовое зеркало, а кроме того, каменные сосуды и разнообразная керамика. Что касается скульптуры, то в одном из святилищ Квадратного храма под полом, рядом с алтарем была сделана поразительная находка: тайник с великолепно сохранившейся 21 каменной votивной статуэткой. Причем стиль резьбы, в котором они выполнены, исключительно формален; его, по-видимому, можно считать характерным для этапа РД-II, и он весьма контрастирует с более натуралистическим стилем скульптур этапа РД-III из Хафадже.

Телль-Аграб

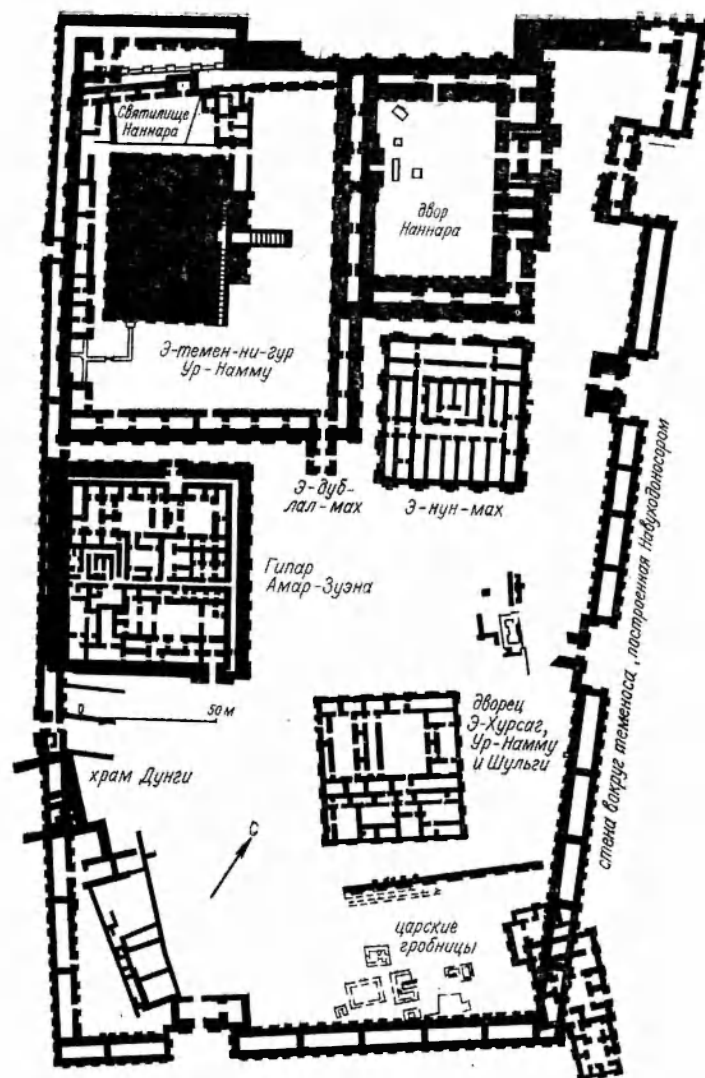
Третий и почти последний по времени из раскопанных памятников района р. Диялы еще раз наглядно засвидетельствовал высокое мастерство строителей шумерских храмов. Речь идет о Телль-Аграбе, большом холме-городище, затерянном в ныне безлюдной аллювиальной пустыне (называемой арабами «чоль»), в 15 милях восточнее Телль-Асмара [43]. Здешний храм, стены которого обнаружили непосредственно под поверхностью холма, снова демонстрирует образец квадратной планировки, но имеет уже длину стороны не менее 60 м.

Часть здания, обращенная к городской стене, размыта дождевой водой, но в уцелевшей половине сохранилось не только главное святилище, впечатляющее своими размерами, но также две вспомогательных камеры-святилища и жилые помещения для жрецов. Стены местами сохранились до двухметровой высоты. Главными источниками находок стали само святилище и небольшая камера-«ризница», примыкавшая к его алтарю, стоявшему на возвышении. Так же как в телль-асмарском храме Абу, ненужные или поврежденные культовые предметы наряду с votивными приношениями прятались здесь под полом, а иногда замуровывались прямо в алтарь. Понадобилась не одна неделя, чтобы извлечь из одной только «ризницы» все великолепные изделия шумерских мастеров, сложенные здесь в несколько слоев и скрытые плотно слежавшейся землей. Среди многих тысяч бус и мелких изделий, включавших резные амулеты и печати, тут были найдены также уникальные произведения искус-

План г. Ура в эпоху его III династии
и последующие (Хоукс, 1974 г.)

ства в виде каменных и бронзовых скульптур, а кроме того, несколько сот каменных наконечников для булав или жезлов, использовавшихся, возможно, во время торжественных процессий. Мы еще расскажем подробнее об этих находках, когда перейдем к характеристике изделий по отдельным категориям. Что же касается стратиграфии этого храма (посвященного, очевидно, Шаре, богу-покровителю г. Уммы), то большую часть уцелевших развалин можно датировать этапом РД-II;

Огражденный «священный участок» (теменос) в Уре, относящийся к периоду III династии, но содержащий и некоторые поздние архитектурные постройки (Хоукс, 1974 г.)

ниже, однако, были расчищены незначительные участки более раннего (РД-I) здания, а подъемный материал свидетельствует, что холм был обитаем и позднее, во время этапа РД-III.

Ур халдеев

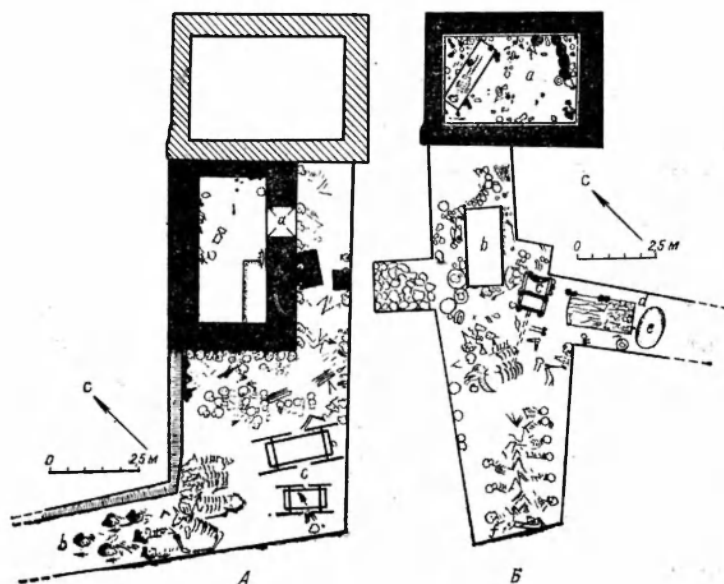
В 1930 г., когда работа на памятниках района р. Диялы только начиналась, Л. Вулли уже более десяти лет вел раскопки Ура халдеев и его эффектные находки явились для других специалистов, работающих в этой области, богатейшим фондом сравнительного материала [195; 196; 199]. Начиная с очень раннего времени Ур был важнейшим культурным и религиозным центром шумеров; оставался он таковым и тогда, когда потерял свое политическое значение.

Приступив к работе на объекте (современное название — Мукайяр), Вулли вскоре обнаружил, что находится среди руин обнесенного стеной, приблизительно овального в плане города, протянувшегося в максимальном сечении более чем на полмили (см. [77, с. 173]). С северной и западной сторон город огибало древнее русло Евфрата, и он имел две гавани. В северо-западной части города близко от поверхности были найдены стены, которыми царь Навуходоносор в VI в. до н. э. обнес весьма обширный «священный участок» с целым рядом храмов, дворцов культового назначения и подсобных сооружений; большинство этих зданий благочестиво поддерживалось и часто перестраивалось сменявшими друг друга месопотамскими царями.

Поэтому неудивительно, что почти ничего не осталось от их первоначальных оснований, которые большей частью были теперь глубоко погребены под слоями застройки более поздних периодов. То же можно сказать и о большом зиккурате Ура, который в значительной своей части был сооружен царями III династии, правившими в конце III тысячелетия до н. э. Вулли вскоре обнаружил, что поздняя кладка в нем скрывает остатки значительно более древней башни (и именно зиккурата, а не простого «храма на платформе»), а по сторонам от него, глубоко под мостовыми поздних эпох, он нашел основания стен других зданий, явно связанных с храмом и также относящихся к раннединастическому периоду.

Однако серия открытий, наиболее прославившая этот шумерский город, была сделана Вулли в другой части городища. При Навуходоносоре священный тегменос был значительно расширен в своей юго-восточной части, при этом его новая внешняя стена стояла на месте более древнего богатого могильника. Именно здесь Вулли заложил глубокий шурф и был вознагражден за свои усилия открытием кладбища, несомненно относившегося к раннединастическому периоду. Среди многих сотен сравнительно скромных захоронений он натолкнулся и на группу «царских гробниц», которые ошеломили мир обилием шумерских драгоценных изделий и предметов роскоши, содержавшихся в них.

Всего Вулли нашел шестнадцать таких гробниц, и каждая отличалась своеобразием конструкции находившейся в ее шахте каменной погребальной камеры, причем иногда гробницы имели и несколько камер. Перекрывались гробницы каменным или кирпичным ложным сводом, а в одном случае засвидетельствована попытка возведения купола. Но главной особенностью гробниц является то, что в них сохранились следы сложного погребального ритуала, включавшего и практику человеческих жертвоприношений. К наиболее значительным гробницам вел пологий спуск, в конце которого, перед погребальной камерой, рядом с колесными повозками и упряжными животными, должно быть принимавших участие в погребальной процессии, были найдены останки воинов и женщин-прислужниц. Все они были аккуратно уложены на дне шахты, в то время как некоторые привилегированные особы удостоились чести быть погребенными в самой камере вместе с ее хозяином. Те же, чья смерть послужила поводом для подобного ритуала, возлежали, как прагило, на погребальных носилках среди неимоверного количества личных вещей. Найденные здесь украшения, оружие, музыкальные инструменты и ценные изделия благодаря своему обилию и разнообразию составили коллекцию древних произведений искусства, археологическое значение которой, возможно, даже превышает ее художественную ценность. Многие из этих изделий давно уже известны широкой публике по выставкам в музеях и книжным иллюстрациям; но изысканность художественного замысла и высокий уровень мастерства, с которым они выполнены, по-преж-

А — так называемая «гробница царя» № 789 на кладбище раннединастического периода в Уре, найденная Л. Вулли непосредственно под гробницей № 800 (см. Б). Вдоль стены гробницы уложены в ряд «придворные дамы», а рядом — стражи с копьями (С. Эбраим, по данным Вулли, 1935 г.) (а — вход в гробницу, б — дромос, с — повозки);
Б — гробница «царицы Шубад» (Пу-аби) № 800 (а — гробница 800-Б, б — сундук, с — колесница, d — дромос, e — яма, f — арфа)

нему заставляют видеть в них одно из великих чудес древнего мира.

Мы приведем здесь лишь несколько примеров наиболее характерных погребений, обозначая их номерами по каталогу, составленному Л. Вулли.

Лучше всего, пожалуй, известно содержимое погребения «царицы Шубад» (№ 800Б), чье имя, написанное на лазуритовой цилиндрической печати, читается теперь как Пу-аби. В отличие от ряда других эта гробница избежала разграбления, вследствие чего и каменная камера, и шахта с погребенной в ней свитой остались нетронутыми. В дромосе (продолжение шахты) находились пятеро воинов, повозка, запряженная двумя быками, и десять «придворных дам», одна из которых была арфисткой [45, с. 102 и сл.]. В погре-

бальной камере вместе с царицей покоились две ее «компаньонки». Царица была в великолепном дорогом убранстве, включавшем сложный головной убор из золота и полудрагоценных камней, реконструкции которого можно сегодня видеть в Британском музее и в других местах. Вокруг располагалось множество предметов: золотые и серебряные сосуды, арфа, украшенная изображением головы коровы, инкрустированный игорный столик, кольцо из электра для продевания вожжей, увенчанное фигурой дикого осла, и еще 267 других изделий, представляющих огромную ценность. Сундук с нарядами царицы закрывал дыру в полу, через которую строившие гробницу рабочие проникли в расположенную под ней другую погребальную камеру, частично ими же и ограбленную. Поскольку шахта и дромос, относившиеся к этому нижнему погребению, также оказались заполнены аккуратно уложенными останками принесенных в жертву людей, Вулли предположил, что имеет дело с «гробницей царя». Всего здесь было найдено 59 костяков, в том числе 6 воинов, возглавлявших погребальную процессию, 6 быков, впряженных в две колесницы, и 19 «придворных дам» в золотых головных уборах; в другом месте шахты лежала лира с инкрустированным резонатором и украшением в виде выполненной из золота и лазурита бычьей головы. Хотя сама камера и была наспех разграблена, в ней все же сохранились серебряная модель лодки и игорный столик, инкрустированный перламутром.

По надписи на цилиндрической печати удалось установить имя обитателя и другой гробницы (№ 1050) — Акаламдуга. С ним были погребены 40 слуг; в шахте найдены также два великолепнейших образца церемониальных кинжалов, из которых один имел рукоятку из лазурита и был украшен орнаментом из гранулированного золота. Другая гробница (№ 755) принадлежала Мескаламдугу, владельцу знаменитого «шлема-парики», ныне хранящегося в Иракском музее: имя его было написано на золотом свитильнике. Что касается человеческих жертвоприношений в погребальном ритуале, то они достигают апогея в огромной шахтной могиле неизвестной персоны (№ 1237), содержавшей 74 костяка, из которых 68 принадлежали женщинам в полном парадном убранстве, иногда с лирами в руках. Мэллоун, присутство-

вавший при вскрытии этого погребения, так описывает свои ощущения: «Мрачна и зловеща эта картина человеческого жертвоприношения, этот сонм скелетов, столь пышно убранных, что казалось, будто они покоятся на золотом ковре». К числу ценнейших предметов, полученных из этого источника, относятся две фигуры козлов из золота и лазурита, вставших на дыбы и опирающихся передними ногами на бронзовые листовенные деревца, что напомнило Вулли фразу из Библии об «овне, запутавшемся в чаще рогами». Назначение этих фигур, так же как и великолепного «царского штандарта», найденного в одной из разграбленных гробниц (№ 779) и украшенного инкрустированными панелями с изображением различных сцен «войны и мира», остается не вполне ясным.

В годы, последовавшие за этими открытиями, некоторые специалисты оспаривали правомерность использования предложенного Вулли определения «царские гробницы» и предлагали рассматривать погребенных в этих могилах как участников некоего ритуала пледородия [68, с. 51]. Но сейчас принято считать, что факты подтверждают правоту выводов первооткрывателя. В надписи на цилиндрической печати Акаламдуга встречается титул «царь Ура», а Мескаламдуг подобным же образом поименован «лугалем» («царем»). Что касается человеческих жертвоприношений, их существование подтверждается одним отрывком из «Эпоса о Гильгамеше», где героя «сопровождают в обитель смерти некоторые из его свиты». Однако Мэллоун и другие авторы указывали также, что по меньшей мере полдюжины из числа погребенных «царственных особ» принадлежали к одной семье «Каламов» и, следовательно, вполне могут представлять «династию», предшествовавшую той, к которой, согласно «Царскому списку», принадлежали Месанепада и его преемники. В нарушенных слоях, лежащих выше «Царского кладбища», были найдены надписи с именами этих царей канонической «первой династии Ура»; ряд свидетельств наводит на предположение, что здесь находились и их гробницы, которые были обстоятельно разграблены. Принимая это во внимание, мы можем предположительно соотнести две упомянутые выше династии соответственно с археологическими этапам: РД-IIIa и РД-IIIb.

Эль-Убейд

Здесь необходимо сказать несколько слов о более ранних (1922 г.) раскопках Л. Вулли на расположенном поблизости от Ура небольшом памятнике Эль-Убейд, где Х. Р. Холл еще до того открыл немало шумерских древностей [74]. Древнее поселение Эль-Убейд, о котором мы упоминали в предыдущей главе, было, по-видимому, оставлено жителями в начале протописьменного периода. Однако в раннединастическую эпоху поблизости, возможно на месте более древнего святилища, был выстроен царем Аане-адой храм, посвященный богине Нинхурсанг, матери и супруге Энлиля. Его платформа с облицованными оожженным кирпичом фасадами почти полностью сохранилась, и именно в углу между ней и ведущей на нее лестницей сделал свою самую поразительную находку Холл. Само здание храма было в какой-то момент разобрано и разрушено, но многие из деталей его архитектурного убранства археологи нашли там, куда они обрушились или были положены. Массивная бронзовая перемычка с выступающей фигурой львиноголового орла в окружении двух оленей, возможно, украшала главный вход храма, а две колонны, инкрустированные цветными пластинками, должно быть, служили ей опорами. Примыкающие ко входу стены были также украшены обрамленными медью фризами с рельефным изображением животных; на других стенах посредством инкрустации из известняка изображены традиционные сцены, подобные представленным на печатях. К сожалению, облик здания, которому принадлежали все эти украшения, остается неясным.

Когда в середине 30-х годов в Хафадже нашли остатки храмовой платформы того же времени, Делуга предположил, что это строение и храм в Эль-Убейде были очень схожи. Впоследствии, когда ему представилась возможность произвести раскопки вокруг храма Нинхурсанг, выяснилось, что и он был огорожен, подобно храму в Хафадже, овальной стеной [39, с. 1 и сл.].

Киш

Единственные для раннединастического периода образцы храмовых платформ, уже характеризующихся археологами как зиккураты, были обнаружены в Ки-

ше. Этот город, первый в перечне династических столиц, упоминаемых в «Царском списке», весьма чтился шумерами; впоследствии правители других городов, добившиеся гегемонии над всей «Страной» (Шумером), нередко принимали титул «царь Киша». В настоящее время городище Киш представляет собой обширное скопление холмов, раскинувшихся, подобно развалинам Ура, вдоль древнего русла Евфрата, в 9 милях к востоку от Вавилона. В ходе исторического развития города его главные здания сосредоточивались то в одном, то в другом из отстоящих друг от друга более чем на 2 мили районов, ныне называющихся Телль-Ухаймир и Ингарра (древняя Хурсанг-калама). Оба района были раскопаны в 20-х и 30-х годах английскими и французскими археологами [117; 191].

Первые находки были сделаны Э. Маккеем на крайнем холме ингаррской группы, впоследствии получившем название «район А». Было найдено кладбище, могилы которого датировались преимущественно последним этапом раннединастического периода; но, расчищая их, Маккей обнаружил, что самые древние погребения врезаются в развалины обширного и, видимо, важного здания, относящегося к более раннему периоду. Это был так называемый Дворец А — первый в ту пору найденный образец монументального строения времен ранних шумерских династий, имевшего светскую, а не религиозную функцию. Его высокий портик, наружная стена с контрфорсами и украшенные колоннами внутренние покои лишней раз подчеркивают достоинства архитектуры этого периода.

Начавшиеся вслед за этим раскопки главного холма Ингарры были чрезвычайно результативны, но очень страдали от несовершенства археологической методики, что сказалось на последующей публикации их материала. Однако спустя много лет П. Р. С. Мури, тщательно сопоставив сами находки с записями в сохранившихся полевых дневниках, сумел выработать для этого памятника убедительную схему стратиграфии [136, с. 83; 113, с. 40]. Сделанные им выводы вкратце сводятся к следующему.

На вершине холма располагались два раннединастических зиккурата разных размеров. Меньший был частично снесен, когда потребовалось место для нововавилонского храма; но археологам удалось просле-

дять в общих очертаниях кирпичный фасад искусственной террасы, на которой он стоял. При этом они смогли локализовать его первоначальный фундамент в слое, явно современном горизонту дворца на «участке А» (РД-IIIa); кроме того, они выявили и следующий строительный горизонт, отделенный от первого толстым слоем битого кирпича, в котором оказались врезаны могилы — относящиеся либо к последующему этапу (РД-IIIb), либо к аккадской эпохе. Таким образом, эти погребения могли быть соотнесены по времени с могильником на «участке А». Оказалось, что терраса первоначального зиккурата стоит прямо на «слое Потопа» (он прослеживается по всей площади памятника); шурф, пробитый в этом слое, дал весьма важные результаты. Он обнажил часть жилого квартала («поселение Y») с домами, выстроившимися по обеим сторонам узкой улочки.

Шурф на «поселении Y», прежде чем достиг подпочвенных вод, прошел через три уровня обитания, по керамике датируемые раннединастическими этапами I и II; причем в каждом из слоев встречались следы наводнений. В этих слоях попадались также бесхитростные погребения под полами домов; но здесь же было найдено и некоторое количество так называемых «погребений с колесницами», содержавших иногда до трех колесных повозок. Любопытно, что сопутствующие им предметы погребального инвентаря — оружие, вазы и даже пронизка для поводьев — сделаны в основном из меди. Было высказано справедливое предположение, что для таких погребений нужны более глубокие шахты, чем для рядовых могил, и, должно быть, они принадлежат уровню обитания, лежащему выше главного из «слоев Потопа». Таким образом, эти погребения могут быть современны «царским гробницам» Ура, с которыми они сходны и по характеру погребального инвентаря.

Лагаш

Поселение Телло лежит на полпути между Тигром и Евфратом, близ современного городка Шатра (Эш-Шатра). В начале нашего века Э. де Сарзек привез отсюда в Лувр диоритовые статуи правителей Лагаша (местный титул — «ишакку»), и все были долгое вре-

мя склонны идентифицировать Телло с этим древним городом [171]. Только в 1953 г. Торкильд Якобсен обратил внимание на соседний, расположенный в 15 милях к юго-востоку памятник Телль-эль-Хиба, где экспедиция Метрополитен-музея и Нью-Йоркского университета обнаружила подлинный Лагаш, столицу государства, одним из религиозных центров которого был Гирсу, современный Телло [83, с. 127—129]. Телль-эль-Хиба, называвшийся в древности Уруку, не что иное, как «город Лагаш», столица государства Лагаш, подобно тому как «Нью-Йорк — город штата Нью-Йорк» [37, с. 29 и сл.].

Однако именно находки, сделанные в начале века французами в Телло, дали нам в руки не только ценное собрание глиняных табличек, но и произведения искусства, датируемые временем деятельности великих правителей Лагаша (упомянутых в «Царском списке»), а иногда и прямо содержащих в сопроводительных надписях их имена [154]. Каменные рельефы, оружие и печати связаны с именем Ур-Нанше, который жил примерно в одно время с Месанепадой. Лишь во фрагментах сохранилась знаменитая «Стела коршунов», созданная в честь победы Эанатума, правителя Лагаша, над соседним городом Уммой; правитель изображен здесь в шлеме, очень похожем на найденный в Уре в гробнице Мескаламдуга. Серебряная ваза Энтемены, преемника Эанатума, отличается изяществом резьбы. Известно, что некоторые из этих предметов были пожертвованы на украшение храма Энлиля в Гирсу; однако первые раскопки в Телло велись такими методами, что едва ли нам удастся когда-нибудь идентифицировать руины этого здания. Но о столице государства мы еще надеемся узнать много нового, так как там продолжают работы американской экспедиции.

Ниппур

Первые раскопки другого великого города шумерской эпохи — Ниппура предприняли в конце прошлого века американские археологи во главе с Г. Ф. Гильпрехтом. Холмы городища, в наши дни носящего название Ниффер, тянутся почти на полмили по обеим сторонам старого русла р. Шатт-эль-Нил, к северо-востоку от Дивании. В северо-восточной части гор-

двух холмах лежат развалины укрепленного «священного квартала», наиболее высокими зданиями которого являлись зиккурат и храм, посвященный Энлилю [77, с. 174]. Раскопки, возобновившиеся в 60-х годах под руководством Р. Хейнса, были сосредоточены на участке между зиккуратом и старым руслом реки, где был найден раннединастический храм, посвященный Инане, «царице небес» [73]. Подобно храмам того же типа на памятниках района р. Диялы, он перестраивался на протяжении всех трех этапов раннединастического периода, вследствие чего здесь удалось получить информацию, самым существенным образом пополнявшую наши знания о характеризующих этот период изменениях в архитектуре, скульптуре и орнаментации керамики. Большой интерес в этом отношении представляли находки в двух слоях, VIII и VII (нумерация сверху вниз), относящихся соответственно к этапу РД-II и к периоду перехода от него к РД-IIIa, т. е. к этапу, современному «царским гробницам» Ура.

Храм в слое VII имеет несколько примечательных черт. К двум его одинаковым и симметричным святилищам, находившимся на одном конце продолговатого здания с довольно сложной планировкой, проходили через анфиладу дворигов и проходных помещений, причем в двух последних крыша поддерживалась круглыми кирпичными колоннами. Кроме того, в нарушение общепринятой практики того времени, одно из святилищ имело дверной проем во внешней стене на главной оси здания, что характерно для сооружений последующих периодов. Эти слои храма Инаны дали также богатый «урожай» скульптуры, частично в виде votivных статуй, которые, залегая в четкой стратиграфической последовательности, предоставили ценный материал для исследования эволюции художественного стиля. Искусство высокого рельефа представлено интересной серией квадратных «настенных досок», значение которых до сих пор неизвестно, хотя эти фигурные композиции и встречаются практически на всех памятниках этого и последующих периодов [75]. Уже произведен предварительный анализ типов керамики, в значительной мере подтвердивший хронологические выводы, сделанные в публикациях материалов по стратиграфии района р. Диялы.

Ашшур и Мари

Необходимо сказать еще о двух памятниках, расположенных в зоне выпадения осадков, уже за пределами аллювиальной равнины, однако явно представляющих собой аванпосты культурно-политического анклава, который мы называем Шумером. Это, во-первых, Ашшур (Кала'ат-Шеркат) на Тигре, в 188 милях к северу от Багдада, и, во-вторых, Мари (Телль-Харир) на Евфрате, в 7,5 милях севернее нынешней сирийской границы.

Ашшуру в будущем предстояло стать столицей Ассирийской державы. Город был основан на высоком скалистом мысу, там, где в Тигр впадал один из его притоков [77, с. 181]. Во II тысячелетии до н. э. Ашшур был обнесен мощной крепостной стеной, а позднее еще одной внешней стеной, окружившей обширный жилой пригород, в результате чего город вытянулся вдоль реки более чем на 1,8 мили. Среди общественных зданий (включавших между прочим три зиккурата) в северной, возвышенной части городища немецкие археологи под началом В. Андрэ обнаружили храм богини Иштар, древнейшее основание которого относилось еще к раннединастическому периоду. Зафиксировав и удалив многочисленные слои поздней перестройки, археологи смогли приступить непосредственно к изучению Архаического храма Иштар, а в сохранившемся лучше других строительном горизонте проследить полный план храма и собрать большую часть его культовой утвари [4; 131, гл. 16, с. 298; 155, т. I, с. 224 и сл.].

Много лет спустя подобное же открытие сделали в Мари французы. Предполагалось найти здесь памятники раннединастического периода, поскольку Мари в «Царском списке» фигурирует в числе городов, династии которых правили всем Шумером. И действительно, по соседству с главными воротами в городской стене руководитель работ А. Парро обнаружил храм, посвященный все той же богине Иштар, ранние строительные горизонты которого (а — с) относились к до-саргоновскому времени. В последующие годы были найдены другие храмы того же периода, расположенные ближе к центру города и, так же как храм Иштар, предоставившие в распоряжение ученых большое количество скульптуры и прочих изделий. В то же са-

мбе время А. Парро и его сотрудники занимались расчисткой огромного дворца, датируемого первой четвертью II тысячелетия до н. э.; впоследствии выяснилось, что это здание заменило более ранний дворец, современный храму Иштар. При расчистке этого более древнего здания и был обнаружен тайник с различными ценными предметами, в том числе цилиндрической печатью, подаренной местному правителю «Месанепадой, царем Ура» [46, с. 9 и сл.]. Следовательно, можно точно датировать это здание этапом РД-III и к тому же считать установленными связи двух шумерских городов (см. журнал «Syria». 1935 г. 131, с. 291 и сл.).

Храмы, раскопанные на этих двух северных памятниках, относятся к числу небольших шумерских храмов, уже известных по раскопкам в районе р. Диялы и в других местах, причем они сходны с ними не только по своей архитектуре, но и в других отношениях. Каждый храм имел одно или несколько прямоугольных святилищ с алтарем на одном конце и боковым входом. В каждом из них найдены хорошо сохранившиеся образцы вотивных статуй, которые были расставлены на глиняных «лавках», тянувшихся вдоль боковых стен святилища. В Ашшуре засвидетельствованы другие вотивные предметы, а также своеобразные ритуальные изделия в виде миниатюрных терракотовых моделей зданий. Фрагменты небольшой раскрашенной гипсовой доски, рельеф на которой изображает покоящуюся фигуру богини Иштар, по мнению археологов, дают представление о том, как выглядела культовая статуя.

Шуайра

В заключение следует сказать и об этом памятнике, расположенном далеко от Шумера, в Северной Сирии, между реками Хабур и Балих, восточными притоками Евфрата. Раскопки, начатые здесь в 1958 г. А. Моортгатом, ознакомили нас с характером изменения шумерской цивилизации в инокультурной среде, во многом обусловленным специфическими местными условиями и чужеземным влиянием [139, 128]. В ходе работ выяснилось, что Шуайра, видимо, была заселена на протяжении всего раннединастического и аккадского периодов и что близость источников металла

сильно повлияла на развитие в ней ремесел. Дома здесь сложены из необработанного камня, иногда с кирпичной надстройкой. Храмы имели открытые портики, подобные тем, которые засвидетельствованы в слоях протописьменного периода Тепе-Гавра и, в свою очередь, сопоставлялись с жилыми мегаронами бронзового века Анатолии (смотри выше), а устройство погребальных камер было здесь весьма неожиданным, «нешумерским». Тем не менее тут найдено много votивных статуй (правда, небольших по размерам и довольно грубо исполненных), а также керамических сосудов с рельефными изображениями и других изделий, несомненно относящихся к раннединастическому периоду. Об обитателях этого городища Мэллоун сказал, что «они не обязательно были шумерами и не обязательно состояли даже в каком-то родстве с семитами. Возможно, это были просто зажиточные местные жители, которые, подобно многим до них и многим после, приняли одежду и образ жизни чужих городов, господствовавших в то время в мире» [131, гл. 16].

Терминология

Читателей публикаций Моортгата об этих раскопках [139] мы должны предупредить, что некоторые немецкие ученые используют иную терминологию для хронологического подразделения раннединастического периода, давая каждому из них более колоритные названия, почерпнутые из письменных источников. Эта терминология приблизительно такова:

1. Первым идет «период Месилима», названный так в честь лица, титуловавшего себя «царем Киша», чье имя было найдено на навершии жезла. Этот период ассоциируется с серией цилиндрических печатей в «линейном стиле Диялы» (Г. Франкфорт), который характеризуется Штромменгером как «ранний абстрактный стиль» этапа РД-II. Его можно соотнести со словом VIII храма Инаны в Ниппуре.

2. Затем следует этап, соотносимый Моортгатом с «цилиндрическими печатями, которые группируются вокруг надписи, читаемой (ранее читавшейся.— С. Л.) как *Imdugud Sikurru*». Штромменгер определяет этот этап как «период Фары» и видит в упомянутых выше

печатах «поздний, более натуралистический стиль» этапа РД-II, переходящий, возможно, и в РД-III *a*, подобно слою VII храма Инаны в Ниппуре.

3. И наконец, Моортгат увязывает «стиль Мескаламдуга» с периодом Ур-I (или «периодом Месанепалы»), который, по мнению Штромменгера, соответствует этапу РД-III *b* (ср. [47, с. 162]).

Как эти термины, так и вытекающие из них хронологические выводы подверглись суровой критике. Мэллоун указывает, например, что имя Месилима не содержится в «Царском списке», а навершие жезла с его надписью вполне может относиться к такому позднему этапу, как РД-III (по мнению Роутона, Месилим жил несколько ранее Ур-Нанше из Лагаша, на этапе РД-III *a*). Мэллоун обращает наше внимание и на то, что «царские гробницы» Ура были впущены в слой, содержащий глиняные таблички, более древние, чем аналогичный материал из Фары. Вообще английские и американские археологи предпочитают простую классификацию этапов, обозначаемых порядковыми номерами.

Глава VI

ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА ДОСАРГОНОВСКОГО ПЕРИОДА

Мы подвели итоги основным результатам раскопок в некоторых важнейших древних городах, основанных или населенных в самые ранние периоды истории Месопотамии. Все наши сведения о созданной в течение этих столетий цивилизации и порожденном ею образе жизни проистекают из двух главных источников: во-первых, из изучения материальных остатков, открытых или реконструированных археологами, и, во-вторых, из содержания письменных источников, которые стали доступны филологам благодаря находкам археологов. Здесь нас интересует главным образом первый источник информации; поэтому рассмотрим археологические находки самым тщательным образом.

Скульптура

Статуи

Сегодня нам могло бы показаться странным, что скульптура из камня должна была занимать столь важное место в месопотамском искусстве. Однако, возможно, именно нехватка камня и отдаленность его источников и придавали этому материалу ценность, соответствовавшую тому назначению, по которому его обычно использовали. С самого начала не следует забывать, что все виды шумерской скульптуры, будь то круглая скульптура или рельефы, имели религиозный характер и предназначались для выполнения каких-то ритуальных функций в пределах храма. В этом отношении самым распространенным и, может быть, самым характерным для раннединастического периода

видом скульптуры являются посвященные, или «лич-ные», статуи, уже многократно упоминавшиеся нами при описании внутреннего убранства ранних шумерских храмов. К счастью, часто вырезавшиеся на этих статуях посвященные надписи почти не оставляют сомнений относительно их назначения. Статуя того или иного адоранта, помещенная в храмовом святилище, по всей вероятности, должна была ходатайствовать за него перед соответствующим божеством (ср. [61, с. 23 и сл.; 56; 58]).

Подобные статуи были обнаружены почти во всех многочисленных храмах, упомянутых в предшествующей главе. Одни из них, разбитые, валялись рядом с кирпичными «скамьями», на которых они некогда стояли, другие были заботливо погребены под полом святилища или даже вмурованы в алтари; находка этих статуй пополнила коллекцию шумерской скульптуры. Чего теперь недостает, так это самих культовых статуй, которые, должно быть, стояли на алтарном возвышении, являясь неотъемлемыми атрибутами шумерского религиозного обряда. Среди удаленных за ненадобностью статуй, найденных в тайнике Квадратного храма Телль-Асмара, Г. Франкфорт предположительно идентифицировал две — мужскую и женскую фигуры, размером почти в половину человеческого роста как бога и богиню; при этом исследователь указал на символы, вырезанные на пьедестале мужской фигуры. Однако ни эти символы, ни слишком большие, широко раскрытые глаза не показались большинству других ученых убедительным свидетельством в пользу того, что данные фигуры изображают богов. Критики отмечали, что молитвенная поза, в которой изображены «боги», характерна и для всех менее крупных и менее помпезных посвященных статуй: сложенные руки с чашей для возлияний и другие признаки логически связываются скорее с адорантом, нежели с объектом поклонения. Также и В. Андрэ в Ашшуре в Архаическом храме Иштар признал божеством гипсовую фигуру над алтарем, выполненную техникой высокого рельефа, лишь потому, что в развалинах святилища была найдена ее миниатюрная копия [4]. Это предположение тоже оказалось не бесспорным, так как на стене не осталось никакого следа от этого рельефа. Вполне вероятно, что культовые статуи были слишком ценны и легко переносились с места на место, поэтому труд-

но надеяться на возможность сохранения их до наших дней.

Именно Франкфорт впервые попытался провести стилистический анализ этих скульптур, используя в качестве основного материала около 200 целых и фрагментированных статуй, происходивших из храмов поселений в бассейне р. Дияла [56; 58]. Помня о том, что некоторые особенности скульптуры могли отчасти объясняться местными традициями, он сумел распознать два отдельных этапа в ее развитии: ранний и более поздний стили резьбы, соответствующие, как оказалось, по крайней мере в районе р. Диялы этапам РД-II и РД-III.

Что касается раннего из этих двух стилей, то предшествующие ему аналогии могут быть обнаружены разве что среди немногих сохранившихся работ скульпторов протописьменного периода; о некоторых из этих произведений мы уже говорили. Среди них имеется лишь одна скульптура, которую можно сравнить с посвященными статуями более позднего времени. Это происходящая из Хафадже периода Джемдет-Наср довольно грубо высеченная женская фигура, сжимающая в руках какой-то (утраченный) предмет, что уже предполагает позу поклонения [61, табл. 9b]. Однако хронологически эта статуя отделена от «ранней» скульптуры Франкфорта промежутком времени, соответствующим периоду РД-I, с которым пока не соотнесено ни одной скульптуры. Поэтому вполне справедливым представляется заключение, что стиль периода РД-II, о котором мы будем сейчас подробно говорить, выработался без каких-либо традиционных влияний. Характерные черты его, по-видимому, лучше всего можно проследить по группе статуй из Квадратного храма Телль-Асмара; все они, вероятно, могут быть причислены к произведениям одной «школы» скульпторов [61, табл. 13].

В числе адорантов в этой группе статуй девять мужчин в обычной одежде того времени — простой шерстяной юбке с поясом и длинной бахромой. В одном из них — бритоголовом, безусом и безбородом — можно узнать жреца; у остальных аккуратные «рифленые» прямоугольные бороды и длинные волосы. Глаза статуй сделаны из раковин и ляпис-лазури. Двенадцатая скульптура представляет собой фигуру коленопреклоненного жреца, вырезанную из алеба-
ст-

ра; отметим ритуальную наготу жреца и головной убор (напоминающий женскую шляпу без полей). Две женские фигуры также облачены в обычный наряд, кайма которого проходит наискось по груди, а переброшенный край прикрывает левое плечо. Эти статуи дают нам примеры двух разновидностей прически, общей для периодов РД-II и РД-III: коса, уложенная наподобие нимба вокруг головы с «шиньоном» сзади. Для этого времени можно отметить и ряд других характерных признаков. Особенность стиля скульптуры заключается главным образом в трактовке человеческого тела — составные компоненты его принимают абстрактные формы. Каковы бы ни были индивидуальные различия статуй, формальные принципы изображения остаются теми же: скульптор как-то рационализировал комбинацию разнообразных черт, превратив ее в податливую формулу полугеометрических элементов. Разумеется, можно предположить, что упрощение форм отчасти продиктовано недостаточным развитием технических навыков у этих ранних камнерезов; но мастерство, с которым достигалось это упрощение, скорее свидетельствует о сознательном стремлении к такой условной трактовке в противоположность реалистическому воспроизведению. Интересный контраст наблюдается в современных им фигурах, выполненных для отливки в металле. В период РД-II уже имелись искусные металлурги; среди находок с Телль-Аграба и Хафадже встречаются великолепные изделия из меди. Но они чисто натуралистические, без каких-либо признаков умышленной формализации.

Скульптура в стиле периода РД-III была представлена у Франкфорта главным образом посвященными статуями из более поздних храмов Сина в Хафадже. Но в качестве иллюстрации приводились также многочисленные образцы и с других поселений как в самом Шумере, так и в зависимых от него областях Верхней Месопотамии (где различие между двумя этапами развития стиля определялось менее четко). Скульпторы этого более позднего периода стали искуснее. Они отказываются уже от приемов упрощения форм и не боятся проявлять интерес к передаче деталей внешнего облика людей. Бережно передаются трудноуловимые линии человеческого тела; рты и щеки трактуются так, чтобы придать выражение лицу; «рифление» волос и бород заменяется узором, имитирую-

щим локоны, иногда разделенные насверленными дырочками. Еще более заметны перемены в покрое одежды и в манере изображать ее. Впервые появляются так называемые *капнаке*: особый вид ткани, при котором платье состоит из находящихся один на другой лепесткообразных пучков шерсти; по мнению некоторых исследователей, мы имеем здесь дело с попыткой имитировать овчину [56, с. 51, 54 примеч.].

По всей Месопотамии теперь наблюдается поразительное единообразие стиля и художественных условностей. Изображение одежды и внешнего облика человека подчиняется строгим правилам, которые игнорируют любые местные различия, вызванные этническими или культурными особенностями. Например, такая характерная для статуй Хафадже или Варки особенность, как бритые головы и роскошные бороды, теперь столь же обычна и для Мари на Верхнем Евфрате, где население было большей частью нешумерским. Некоторые из самых прекрасных и хорошо сохранившихся раннединастических статуй действительно происходят из храма Иштар и других раннединастических святилищ этого северного городища; на нескольких вырезаны надписи, указывающие имя и профессию изображенного [181, табл. 88—100 и цв. ил. табл. XX]. Кое-кто из них, как, например, знаменитый Эбих-иль, управляющий храмом, представлен восседающим на стуле или табурете — опять-таки условность, которую можно наблюдать в Хафадже и в других местах. Только женщины в ряде случаев носят головные уборы, похожие на береты, а у одной из них поверх шляпки «поло» наброшено верхнее платье *капнаке*. Напротив, у «певицы» Ур-Нанше, сидящей скрестив ноги на подушке, прямые волосы разделены посредине проборм [181, с. 401; ср. 18, с. 96].

Весьма редко встречаются скульптурные изображения животных. Одну такую алебастровую бородатую корову из храма Нинту в Хафадже Делуга принял за подлинную культовую статую [61, табл. 26 b].

Поэтому сейчас мы рассмотрим многочисленные рельефы, представляющие большой интерес.

Рельефы

В раннединастический период этот вид камнерезного искусства лучше всего представлен настенными

плакетками из камня или шифера. Они имеют прямоугольную форму, отверстие в центре и украшены рельефами, изображающими различные сценки. О назначении этих плакеток было высказано немало предположений [75, с. 146]. Самое правдоподобное заключение — они крепились ко внутренней поверхности стены при помощи штыря в середине, возможно с декоративной головкой,—подтверждается случаями, когда фланцы по сторонам прямоугольника оставались необработанными в явном расчете на то, что они будут скрыты штукатуркой. Что касается представленных на плакетках сцен, то они обычно располагались в два или три регистра и изображали ряды фигур, исполняющих религиозные обряды или церемонии, связанные с особой царя. Некоторые из них предназначались для увековечивания памяти о каком-либо конкретном событии; в одном случае и характер церемонии и имена ее участников указаны в сопроводительной надписи [61, табл. 33 b]. Ур-Нанше, «божественный правитель Лагаша» изображен таскающим кирпичи для постройки храма; его сопровождают сыновья и слуги. Но были и другие, более стандартные изобразительные композиции, одна из которых стала у шумерских ремесленников в то время столь стереотипной, что недостающий фрагмент плакетки из Хафадже оказалось возможным восстановить по копии, найденной в Уре, на расстоянии около 100 миль [61, табл. 33a]. Это хорошо известная «сцена пиршества»: вверху царственную особу угощают яствами и напитками, а внизу готовят для него колесницу. Завершают композицию музыканты и домашние животные.

Как мы уже отмечали, важная серия таких плакеток была найдена в Ниппуре, в слоях VIII и VII В храма Иштар. Они были тщательно изучены Д. П. Хансеном [75], который отметил, что в самых древних образцах фигуры просто прочерчены линиями, тогда как на более поздних плакетках они рельефно выступают на углубленном фоне. Мотивы композиций на этом этапе весьма просты и напоминают мотивы изображений на цилиндрических печатях. Только на втором этапе они обогащаются большей проработкой деталей и появлением сюжетов вроде только что описанного. Можно упомянуть, что музыкант, изображенный в сцене пиршества (слой III В в Ниппуре), держит восьмиструнную лиру с резонатором в виде головы

быка; точно такие были найдены в «царских гробницах» Ура (РД-IIIa) [75, табл. VI].

Шумерское искусство рельефа достигает своего наивысшего расцвета в конце периода РД-IIIb. К сожалению, от этого периода сохранилось мало образцов больших рельефов, и наше суждение основывается главным образом на памятнике, известном под названием «Стела коршунов», обломки которого были обнаружены французскими археологами в Телло и находятся теперь в Лувре. Вырезанные на обеих сторонах плиты сцены, идущие по горизонтальным регистрам, увековечивают победу правителя Лагаша Эанатума над соседним городом-государством Уммой. На одной стороне — царь в шлеме, напоминающем шлем из могилы Мескаламдуга в Уре, ведет фалангу копейщиков; царь едет на колеснице во главе легкой пехоты; царь возглавляет ритуал похорон убитых. На другой — победа символически приписывается «личному» богу-покровителю царя — Нингирсу. Этот бог-воитель, сын Энлиля, собирает своих врагов в сеть, которую скрепляет изображение львиноголового орла — птицы Имдугуд. Реальный рассказ о бурных событиях получает, таким образом, абстрактно выраженное религиозное завершение. Этот памятник, с его индивидуальным стилем резьбы и искусной изобразительной композицией, с полным правом можно считать одним из выдающихся документов человеческой истории.

Вернемся на время к этапу РД-II и отметим ряд других видов каменной скульптуры, попадающихся в храмах: например, вазы или подставки для ваз с частично вырезанными в технике круглого рельефа фигурами. На искусно сделанной подставке из Телль-Аграба стоит обнаженный бородатый «герой», держащий двух львов за хвосты, — мотив, хорошо знакомый по цилиндрическим печатям. На другой подставке — тоже обнаженный коленопреклоненный жрец держит вазу на голове. Но существует и иная категория сосудов, долгое время остававшихся загадкой из-за своего широкого распространения во многих странах, помимо Месопотамии. Это чаши с плоским дном и почти вертикальными стенками, сделанные из мягкого зеленого камня, который прежде называли стеатитом, а теперь более точно определяют как хлорит. Резные изображения на этих чашах уникальны. Типичным образцом является сосуд из Хафадже, находящийся те-

перь в Британском музее: стоящие и сидящие мужские фигуры (по виду шумеры) держат в руках пятнистых змей и стилизованные водные потоки, которые волнистыми линиями идут по стенкам сосуда. Между ними изображены символы и животные из мифов [181, табл. 66—69]: львы, леопарды, медведи, хищные птицы, а иногда и скорпионы. Бросаются в глаза необычные горбатые быки зебу, которые не водились в Месопотамии. Некоторые изображения украшены инкрустацией из пасты или цветного камня. Паразителен, однако, ареал распространения сосудов этого типа. Почти идентичные образцы были найдены в Мари на севере, на юге Шумера, в поселениях на берегу Персидского залива и, наконец, в Мохенджодаро в долине Инда.

Некоторый свет на характер местного производства пролили находки, сделанные на уникальном поселении Тепе-Яхья в Белуджистане, которое лежало на главном пути из Шумера в Северную Индию. Здесь, в слое, датируемом периодом РД-II, К. К. Ламберг-Карловски обнаружил более тысячи обломков этих «стеатитовых» ваз, включая незаконченные и испорченные сосуды, а также большие куски камня, из которых их вырезали. Позднее он установил и источник, откуда добывали хлорит [96, с. 283]. Исследователь подтвердил, что в период РД-III композиции выродились в более простое изображение тростниковых построек [181, табл. 38—39; 42]. Но их символическое значение, способствовавшее столь широкому распространению сосудов, в настоящее время остается загадкой.

Архитектура

Методы строительства

Шумеры, как и прочие обитатели Месопотамии, строили свои здания из кирпича-сырца, сформованного в четырехгранных формах и высушенного на солнце. Основным видом кладки до конца протописьменного периода являлись горизонтальные ряды из уложенных плашмя небольших прямоугольных кирпичей, но после переходного времени, включающего период РД-I, такие кирпичи совершенно исчезают и прини-

мается новый способ строительства. Теперь кирпичи делают большими по размеру и плосковыпуклыми по форме. На их выпуклой поверхности часто стоит отпечаток пальца руки [38]. Кирпичи укладывают уже «на ребро», подобно книгам на полке, при этом каждый следующий ряд имеет наклон в противоположную сторону, образуя своеобразную «елочку», характерную для периодов РД-I и РД-II. Обожженные в печи кирпичи той же формы оказались более подходящими для мостовых и облицовки стен зданий внизу или для отделки внешних фасадов. Кое-где, как, например, в Эреду, Уре и Мари, имелись местные источники камня, который можно было использовать для фундаментов или же измельчить в порошок для приготовления гипсовой штукатурки.

Что же касается остального, то, как полагают, у сооружений раннединастического периода были плоские крыши из стволов пальм, хвороста и глины. Двери вращались на подпяточных камнях с углублением, а окна — обычно небольшие и расположенные высоко над землей — забирались терракотовыми решетками. Из-за отсутствия подходящего дерева кровля редко поддерживалась колоннами; однако в больших зданиях встречаются довольно часто круглые опоры, сложенные из сегментовидных кирпичей (например, в Хафадже храм Сина VIII; в храме Инаны (слой VIII) в Ниппуре; дворец А в Кише).

Храмы

О планировке храмов этого периода было сказано уже достаточно. По внешнему виду их можно разделить на два класса: первый — высокие храмы, воздвигнутые на кирпичных платформах, или подлиннее зиккураты; второй — храмы, стоящие на земле и окруженные жилыми домами. К сожалению, о планировке и внешнем виде первых, по причинам, о которых уже говорилось, известно довольно мало; можно лишь предположить, что они как-то походили на свои ранние прототипы. Что касается вторых, то нам известно десятка полтора таких храмов из самых различных городов Шумера; все они имеют много общих черт, что позволяет провести анализ их планировки и выполняемых функций.

Центром таких храмов является прямоугольное

святилище с дверью в одной из длинных стен (боковой вход). В конце зала возвышается кирпичный алтарь, за ним — ниша в стене, где, должно быть, находилась культовая статуя. В середине святилища там и здесь расположены кирпичные площадки или возвышения поменьше — их обычно называют «столами для жертвоприношений». Вдоль стен идут кирпичные «скамьи», на которых, как известно, стояли посвященные статуи (Ашшур). Кроме того, здесь могут быть высокие керамические столики, фигуры из резного камня или металла, служившие для поддержки ваз или курильниц (Хафадже, Аграб, Ур и т. д.), медные «светильники» (Киш), жертвенники из камня или терракоты, иногда в виде каких-то сооружений. Недвусмысленные указания на характер ритуала можно найти в устройстве самого алтаря. Верхнюю поверхность его иногда защищала плита из камня или шифера (Асмар), от которой отходил небольшой керамический сток к скрытому кувшину (Аграб). Такое устройство позволяет предположить, что на алтаре совершались жертвоприношения животных или возлияния; и то и другое изображалось на цилиндрических печатях, да и не только на них.

Простейшему святилищу такого рода, чтобы отвечать требованиям культового здания, нужны были только укрепленный контрфорсами внешний фасад, небольшие башенки по обеим сторонам от входа и скромная пристройка с печью для выпечки хлеба (Асмар, Храм с одним святилищем) [43, табл. 23]. При появлении более сложных храмов главное святилище описанного выше типа продолжало оставаться ядром планировки, вокруг которого группировались различные пристройки в зависимости от конкретных условий местоположения храма. Сначала (следуя традиционным образцам) с каждой стороны храма пристраивались ряды боковых комнат. В одной из них сооружалась лестница, по которой можно было выйти на плоскую крышу. Передний двор представлял собой огражденное открытое пространство перед главным входом. Со временем все это, в свою очередь, могло оказаться окруженным вспомогательными помещениями: получался храмовый комплекс, куда попадали через внешние ворота с фланкирующими башнями.

Примером такого разрастания является храм Сина в Хафадже: на последнем этапе своего развития этот

храм занимал участок неправильной формы, окруженный со всех сторон жилыми домами [43, табл. 12]. Полную противоположность этому представляют храмы, возводившиеся на открытом пространстве, что позволяло вести строительство по заранее разработанному плану. Простейший пример — Квадратный храм в Телль-Асмаре; он строился вокруг центрального двора таким образом, что к главному святилищу могли быть добавлены два второстепенных. Такой строгий тип планировки, не нарушаемый соображениями о размерах и форме строительной площадки, достигает совершенства в большом храме бога Шара в Телль-Аграбе. Здесь массивные внешние стены окружают несколько замкнутых комплексов, в каждом из которых помещения располагаются вокруг своего дворика [43, рис. 203, с. 263]. К выдержанному в благородных пропорциях главному святилищу с его двухъярусным алтарем и рядами жертвенников были добавлены два других святилища, а также сложный комплекс жилых помещений для храмовых жрецов.

Сравнительное изучение всех этих зданий и их общих характерных признаков позволило весьма наглядно представить внешний вид и жизнь типичного культового центра раннешумерского времени. В эту общепринятую архитектурную схему не вписывается только один памятник: в храме Инаны в Ниппуре кроме обычного святилища с боковым входом имелось еще отдельно стоящее посреди особого двора святилище, вход в которое был расположен в середине стены, напротив алтаря [73, 9 сентября 1961 г.]. Такое расположение стало типичным для планировки месопотамских храмов начиная с конца раннединастического периода.

Прежде чем закончить обзор шумерских храмов, следует сказать несколько слов об очевидном несоответствии между скромностью размеров храмов, о чем говорят раскопки, и значимостью тех функций, которые они выполняли. Если оставить в стороне функцию храмов как места проведения сезонных праздников и религиозных ритуалов, их главное назначение — служить центром экономического и политического управления государством; казалось бы, следует ожидать, что храмовые здания будут и большими и более помпезными, чем те, которые мы до сих пор описывали. Посмотрим, например, как Г. У. Ф. Сэггс характеризует положе-

ние храмов и их роль в жизни шумерского города. Он пишет: «В это время (середина III тысячелетия до н. э.) правление в шумерских городах-государствах было иератическим... Город и его земли со всеми обитателями были имуществом бога, а правитель или царь-жрец (прототипом такого правителя был Гильгамеш) считался его управляющим. Боги создали человека, чтобы он на них работал, и потому свободные граждане были слугами бога».

Основной целью существования людей, таким образом, было «обслуживание храмового хозяйства, или (это в глазах древних было одно и то же) служение человеку, выступавшему в качестве управляющего бога, а именно *энси* (правителю или князю) города. За это каждый свободный получал в аренду надел из владений бога, т. е. из храмовых земель».

Ясно, что в глубокой древности большая часть земель — а возможно, и вся — принадлежала храму; землю давали в аренду на условиях издольщины. Энси выступал как наместник бога-покровителя города и управлял храмовыми владениями с помощью целой иерархии чиновников. Частная собственность на землю была редкой до самого конца раннединастического периода, когда более могущественные энси стали перекраивать общественное достояние в целях расширения владений своих собственных семей. Это привело к усилению светской власти, отличающейся от религиозной (и, возможно, к определенной конфронтации между ними, как это имело место при некоторых правителях Лагаша). В это время правители городов-государств стали обзаводиться собственными большими дворцами; вероятно, появление дворцов и перенесение в них некоторых функций храмов сказалось на уменьшении размеров последних. Однако следует помнить, что количество письменных документов, оставленных государственной администрацией в раннединастический период, пока весьма невелико. Поэтому рассмотрим археологический материал, связанный с дворцами.

Дворцы

Среди зданий некультового назначения важнейшую группу явно составляют те, которые определяются как «дворцы». Но, оказывается, говорить об архитектуре

дворцов весьма трудно из-за недостаточного понимания их функционального назначения и практического использования. На самом раннем этапе исторического периода понятие «храм», по-видимому, подразумевало как местопребывание царя, так и административный центр, где сосредоточивалась правящая иерархия. Позднее, однако, между «церковью» и государством должно было произойти более резкое разделение; у царя теперь появляется собственная резиденция, вероятно такого типа, который удовлетворял требованиям политической деятельности и церемониала. Вот такое сочетание признаков, удовлетворяющих этим двум требованиям, мы и ожидаем встретить в так называемых дворцах. В действительности мы располагаем четырьмя примерами, достойными внимания, из которых только три — в Кише, Эреду и Мари — обладают достаточным количеством характерных черт, позволяющих вывести общую формулу для зданий этого типа. Четвертый пример — Северный дворец в Телль-Асма-ре — в этот период, по-видимому, состоял просто из нескольких жилых комплексов, каждый из которых строился вокруг своего двора [44, табл. 36].

Дворцовый комплекс в Кише (РД-IIIa) состоял из двух зданий, разделенных узким проходом [181, рис. 1, с. 391]. Большее здание, куда попадали через защищенные башнями ворота, было окружено двойным рядом внешних стен; внутри помещался двор, вокруг которого и была спланирована вся постройка. Примыкающее к нему менее укрепленное второе здание примечательно разве что длинным помещением с четырьмя колоннами в одном конце и своеобразной крытой галереей с колоннами в другом. Во всех остальных отношениях ни тот, ни другой план сам по себе ничего не говорит нам. Столь же загадочным представляется двойной дворец раннединастического периода в Эреду, расположенный вне территории храма [168, рис. 3]. Здания также обнесены двойной стеной, укрепленной, как и в Кише, контрфорсами таким образом, как обычно в храмовых сооружениях. Тем не менее и здесь представлен древнейший образец «зала для приемов», или «тронного зала», выходящего в квадратный центральный двор; такая планировка становится с этого времени общепринятой для парадных приемных во всех месопотамских дворцах.

Поразительный пример сочетания квадратного дво-

ра и прямоугольного тронного зала дает Досаргоновский дворец, частично раскопанный французскими археологами в слоях под юго-восточным углом огромного дворца Зимри-Лима (XVIII в. до н. э.) в Мари [158, рис. 2, с. 285]. Даже если двор и тронный зал являются лишь частью более обширного здания, о том, что они — самостоятельный комплекс, говорят окружающие их со всех сторон внешние стены. О том же свидетельствуют и некоторые другие признаки, позволившие французским ученым говорить об этом дворце как о «священном месте». В одном конце прямоугольного зала находится небольшое святилище; квадратный двор застроен различными ритуальными сооружениями, а фасады выходящих на него стен выложены орнаментальной кладкой; под полами в коридорах между внешними стенами были найдены закладные жертвоприношения. Все это может показаться странным в здании, никак не предназначенном, по-видимому, для культовых целей; но сразу отметим, что много сходного встречается и в парадных приемных огромного дворца, построенного на этом же месте Зимри-Лимом спустя примерно 700 лет. Этому давались различные объяснения.

Цилиндрические печати

Переход от одного этапа раннединастического периода к другому отчетливо виден в смене характера изображений на цилиндрических печатях (см. [57]). Мы уже отмечали определенное падение художественного качества работы резчиков печатей к концу протописьменного периода; в последовавшие 100 лет сколько-нибудь существенного улучшения не наблюдается. Интерес к мифологическим сценам и религиозным символам, по-видимому, пропал; вместо них появляются декоративные композиции, основу которых составляют контуры животных и растений, дополненные бессмысленным орнаментом, необычайно напоминающим узоры на тканях. Этот так называемый «парчовый стиль» является характерным признаком этапа РД-І. Возвращение к интересным и образным темам начинается с началом второго этапа. Вновь ожила и стала популярной тема «борьбы с животными»: лев нападает на крупный рогатый скот, который защищает человек

или получеловек. В роли защитника вновь выступает бородатый «герой», а иногда «человекобык», которого теперь изображают с длинными прядями ниспадающих из-под рогов волос и широким поясом (ранее их считали изображениями Гильгамеша и Энкиду; теперь это ставят под сомнение, но ср. [57, с. 62]). Причудливо переплетающиеся фигуры образуют сложные композиции, но резчики не старались передать пластику тел, да и линии изображений не слишком искусны. Позже предпринимались попытки обратиться к живописным темам, таким, как «сцены пиршеств», но результаты были не лучше. Важным новшеством оказалось введение пиктографических надписей на некоторых печатях.

На этапе РД-III печати поистине становятся своего рода миниатюрными рельефами. Фигурки делаются более крупными и искусно моделированными: львы, как и «защитники», изображаются анфас и вводятся более редкие и красивые животные; сцены схваток перемежаются надписями; иногда изображения разделены на два регистра. Пожалуй, самыми интересными на печатях времени РД-III являются мифологические или ритуальные сцены с участием людей и божеств. Их истолкование в основном зависит от сведений, получаемых из шумерской литературы, и по мере того как мы узнавали последнюю, многим из этих сцен удалось дать надежное объяснение. Так, например, в текстах нашлось объяснение богу солнца Шамашу, плывущему на своей ладье по кругу дня и ночи в окружении символов, или же божеству плодородия на троне, перед которым жрецы совершают жертвенное возлияние или складывают приношения на украшенном возвышении. Реже изображался ритуал «священного брака» бога (Нингирсу) и богини (Бау) во время празднования Нового года. Религиозным сюжетам противостоят светские «сцены пиршеств», на которых иногда изображается и шуточный «оркестр» животных. Многие из этих мотивов появляются теперь не только на печатях; особенно часты они на предметах из царских гробниц Ура.

Что касается материала, из которого изготавливались печати, то здесь применялись многочисленные разновидности полудрагоценных камней. Цилиндрики могли оправляться серебром; в редких случаях они были сделаны из золота.

Металлургия и сложные ремесла

Ценные предметы, найденные в раннединастических слоях шумерских городищ, убедительно говорят о мастерстве древних умельцев, достигнутом ими во многих ремеслах. В одном и том же предмете сочеталось искусство нескольких мастеров [195; 196]. Незаменимыми были специалисты по обработке металлов, на услуги которых существовал спрос во всех слоях общества. Их продукция — оружие, орудия труда и утварь — дошла до нас в большом количестве наряду с разного рода изображениями, дающими представление об использовании этих предметов. На одном известном рельефе изображены копья, щиты и медные шлемы; на другом — боевые топоры; на третьем — колесницы в батальных сценах украшены талисманами в виде фигурок животных и т. п.; на печатях «защитники» держат в руках кинжалы с искривленными рукоятками.

Для жертвоприношений и ритуальных церемоний изготавливались из драгоценных металлов изящно украшенные копии этих предметов. Изделия шумерских ювелиров не уступают лучшим произведениям мастеров последующих эпох; им были неизвестны лишь немногие технологические процессы. Особенно удачно получались чеканка, гравировка, насечка, зернение и филигранные работы. О совершенстве, которого достигли шумерские мастера, можно судить по такому предмету, как шлем Мескаламдуга. Вулли так описывал его: «Это поистине *tour-de-force*; шлем выкован из листа, причем пряди волос рельефно вычеканены, а каждый отдельный волосок выгравирован тончайшей линией». В то же время некоторые простые вещи из тех же могил, как, например, рифленые чаши и вазы, говорят не только о высоком развитии технических навыков, но и о настоящем таланте. О работе мастеров золотых и серебряных дел можно судить по женским украшениям из урских гробниц: «великолепный головной убор из золотых листьев бука, золотые и серебряные гребни, украшенные растительным орнаментом; ожерелья из мелких амулетиков в виде быков, птиц и рыб» и большие серьги, имеющие форму ладьи.

Необходимо также сказать о замечательных достижениях медников раннединастического периода в ис-

куестве литья. Среди образцов их работы, встречающихся уже в слоях РД-II в Телль-Аграбе, следует назвать примечательную миниатюрную скульптурную группу — бородатого «царя» на колеснице, в которую впряжены четыре онагра [61, табл. 20 а]. С точки зрения технологии эта скульптурная группа представляет особый интерес, так как изготовлена она литьем *cire perdue*, т. е. по вытапливаемой модели из воска, прием, впервые появляющийся в это время. Более простые медные статуэтки обнаженных жрецов (или «героев»), должно быть использовавшиеся в качестве подставок или жертвенников, найдены в храмах в бассейне р. Диялы. Одна из трех таких статуэток, найденных в Хафадже, имеет высоту 76 см, тогда как обломки другой, обнаруженные в слоях РД-III в Телль-Аграбе, говорят о том, что она была высотой в рост человека.

Инкрустация

Инкрустация цветными камнями и другими материалами была еще одной областью, в которой мастера раннединастического периода достигли большого искусства. Инкрустация, вероятно развившаяся из мозаики более раннего периода (разноцветные конусы, вдавливаемые в глинобитные стены), применялась очень широко — от красочных фриз, украшавших фасады зданий, до тончайшей отделки дорогих вещей. В первом случае резные фигуры из белого известняка помещались на сером сланце. В мелких украшениях заметно большее разнообразие цветных материалов в инкрустации; они крепились на деревянную основу с помощью битума. Плоские фигурки, использовавшиеся для инкрустации, вырезались из раковин, кости или перламутра и укладывались на цветной фон. Несколько выпавших фигурок такого рода были найдены впервые во Дворце А в Кише. Но представление о настоящих возможностях этой техники дают многочисленные, в большинстве случаев дошедшие неповрежденными, инкрустированные предметы из урских гробниц. Среди них встречаются игральные доски, ящички для туалетных принадлежностей и резонаторы арф; живые сценки, выложенные из них, напоминают изображения на цилиндрических печатях. На вырезанных

из раковин или перламутра фигурках иногда были выгравированы различные детали, причем эти насечки заполнялись красной или черной пастой. Подогнанные кусочки ляпис-лазури создавали фон, а само изображение заключалось в рамку какого-либо другого цвета. Блестящим образцом такого типа украшений является известный «царский штандарт» из Ура, на обеих сторонах которого представлены десятки фигурок в сценах «войны и мира»; впрочем, некоторые исследователи полагают, что это вовсе не «штандарт», а резонатор какого-то музыкального инструмента [181, табл. 72, цв. ил. X и XI].

Урскому «штандарту» уступает в известности — отчасти из-за худшей сохранности — столь же великолепная мозаичная панель из Мари, сделанная из слоновой кости, раковин, кристаллического сланца, лазурита и золота [158, табл. 11 и 12, рис. 11, с. 164]. В верхнем из трех регистров изображена процессия обычно одетых мужчин, несущих соответствующие сосуды для ритуального возлияния; в сценах ниже участвуют только женщины, одежда и занятия которых представляют исключительный интерес. В среднем регистре две обращенные друг к другу женские фигурки наклонились над ложем с ножками в виде бычьих ног и поправляют покрывало из лепесткообразных пучков шерсти *каипакес*. К ним направляются другие женщины в головных уборах «поло», несущие жертвенные сосуды. Внизу — парные женские фигурки с необычными прическами; одна, например, сидит на трехногом стуле, тогда как другая помогает ей в какой-то работе, требующей передачи предметов из рук в руки. У всех без исключения поверх обычной одежды наброшены шали с бахромой, скрепленные длинной металлической булавкой с головкой, согнутой под прямым углом (такие булавки археологи находили весьма часто, но их назначение до сих пор оставалось неизвестным). Из отверстия в головке булавки свисает нить с амулетами или талисманами любопытной формы. Прочие мелкие детали придают этой загадочной композиции дополнительный интерес.

Составные предметы

Рассмотрим несколько образчиков составных предметов, которые привлекают внимание среди других ху-

дожественных сокровищ раннединастического периода. Уникальными в своем роде являются музыкальные инструменты из урских гробниц, которые Вулли с таким искусством и осторожностью извлек из земли. Слово «арфа» применяют к ним порой слишком широко, так как только два инструмента подходят под такое определение. Самый обычный инструмент — лира с прямоугольным деревянным резонатором, украшенным инкрустацией; от него вверх идут две стойки, соединенные перекладиной, к которой при помощи колков крепились струны. Обычно спереди лиру украшала металлическая голова быка; но найдена и лира в виде лодки с медной фигурой оленя, прикрепленной к передней стойке. По изображениям из Ура и Мари известно, что музыканты либо держали эти инструменты на уровне груди, либо ставили прямо на землю между ногами (ср. верхнюю левую фигуру на сценах «мира» урского «штандарта»). Существовала также так называемая «арфа-лира» с 12 струнами, которые натягивались между головой быка и единственной стойкой; реконструкция этого инструмента была сделана Вулли для Британского музея. Однако Р. Д. Барнетт, изучив сохранившиеся детали по фотографиям и полевым дневникам Вулли, обнаружил, что на самом деле тут были детали двух разных инструментов: резонатор обычной лиры и стойка арфы [18; 70; 165].

Сочетание инкрустированных поверхностей резонатора, золотой или серебряной обкладки рамы, украшений в виде бычьей головы с роскошной бородой из ляпис-лазури и золота придает этим характерным шумерским инструментам особое великолепие.

Можно вспомнить еще об одном произведении шумерского искусства, так называемом «баране, запутавшемся рогами». На самом деле это вовсе не баран, а козел, символ плодovitости в животном царстве [181, табл. XIV]. Его голова и ноги сделаны из золота, туловище — из серебра, шерсть — частью из лазурита, частью из раковин. Этих козлов должно быть два, они представляли художественную подставку для какого-то сосуда или предмета культа.

Керамика

Расписная керамика с геометрическим и фигурным орнаментом в последний раз появляется в пери-

од РД-1, особенно в районе р. Диялы. Это так называемая «красная керамика», которая сохраняет некоторые признаки прекрасной полихромной керамики предшествовавшего периода Джемдет-Наср [41; 181, табл. VIII, IX]. Технически, однако, отделка сосудов выполнена хуже. Они расписаны ярко-красной краской с черным контуром по светло-желтому или желтоватому ангобу; но краска нестойкая, ей не хватает «мыльного» блеска, который был присущ краскам более раннего времени. Самая распространенная форма — кувшин с широкими плечиками, невысоким горлом и одним (или более) ушком ниже венчика. Росписи во многих отношениях уникальны. Отдельные плоскости, на которые разделена поверхность сосуда, расписаны фигурами людей и животных. На одном сосуде из Телль-Аграба изображены три обнаженные женщины, бьющие в барабаны перед привязанным животным, по-видимому «священным быком». Другие животные, несомненно самцы, походят на антилоп с витыми рогами. Прекрасен сосуд из Хафадже, находящийся теперь в Британском музее; на нем честолюбивый художник изобразил колесницу, которую можно узнать без труда.

После периодов РД-1 и РД-II роспись на керамике, по-видимому, навсегда исчезает и больше на сосудах из Южной Месопотамии не появляется. В периоды РД-II и РД-III роспись уступает место процарапанному орнаменту самых разнообразных видов; в сочетании с изменяющимися формами самих сосудов эти орнаменты оказываются весьма полезными для определения датировки.

В Южном Ираке «красная керамика», вероятно, производилась только в шумерских областях, лежащих к востоку от Тигра вплоть до современных границ с Ираном. Стоит вспомнить о том, что на севере, от Ниневии до Сирии, последняя фаза «эпохи крашеной керамики» отмечается появлением новых примечательных видов росписи. Эти тщательно украшенные сосуды были впервые обнаружены Мэллоуном при глубокой шурфовке крупнейшего из ассирийских городищ и с тех пор называются «ниневийская керамика V» [127, с. 142 и сл.]. Он описывает эти сосуды как «высокие чаши для фруктов с поддоном, вазы с высоким горлом, скошенными плечиками и круглым поддоном, лодкообразные чаши и пр.». И добавляет: «Многие из этих

сосудов, в особенности те, что побольше, густо покрыты росписью из длинношеих, похожих на жирафов козлов, водоплавающих птиц, рыб и различных неинтересных геометрических орнаментов». Эта керамика с ее фиолетовой росписью по нейтральному фону, по видимому, никак не связана с «красной керамикой» юга, хотя, как теперь доказано, они существовали одновременно [181, табл. 41]. И здесь, на севере, в последующий период ее вытеснила нерасписная керамика, качество которой зависело от использовавшейся глины и сложности процарапанного орнамента.

Глава VII

ДИНАСТИЯ АККАДА И ШУМЕРСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Термин «досаргоновский», который иногда применяется для обозначения раннединастического периода, подчеркивает важность события, завершившего этот период. Приход к власти Саргона Аккадского около 2370 г. до н. э. и быстрое подчинение ему старых городов-государств Шумера впервые привело к временному преобладанию семитского элемента в населении Месопотамии.

Смена шумерского правления аккадским повлекла за собой революцию в политических идеях. Ее значение станет очевидным, если вспомнить неизменный, статичный характер шумерской истории в течение предшествующих столетий и особые обстоятельства, которые обуславливали ее ход. Эти обстоятельства в скрытой форме содержатся в официальных записях, из которых составлен «Царский список», и могут быть переданы в нескольких словах. Первое — состоит в том, что земля Шумера представляла собой единство ряда городов-государств, причем каждый из них в какой-то определенный момент истории господствовал над другими. Гегемония одного города сохранялась до той поры, пока силой оружия ее не добивался другой. В каждом городе был собственный бог-покровитель, которому город и принадлежал. Но покровительствующие божества оставались безучастными к межгосударственным конфликтам и не несли ответственности за соперничество царей, которые были их «агентами», хотя споры между богами также происходили довольно часто. Наконец, хотя города постоянно воевали друг с другом, борясь либо за гегемонию, либо за урегулирование своих границ, их правители всегда чувствовали гордость за единство своей «земли Шумера».

Необходимо помнить, что Шумер рассматривался как некий единый организм. Более дюжины городов-государств, составлявших Шумер, занимали ограниченную территорию (едва ли больше, чем современная Ирландская Республика), северные границы которой доходили до городов Мари или Ашшур, где существовала та же культура. Шумерские устремления не шли дальше отмеченных границ, интерес проявлялся лишь к тем отдаленным землям, по которым проходили торговые пути.

С возникновением Аккадского государства на севере все изменилось. Его первый властитель в искусстве управления государством руководствовался новыми принципами. В отличие от шумерской традиции, налагавшей на ранних царей шумеров ограничения, у Саргона была концепция абсолютной монархии, а его устремления шли далеко за границы объединенного Шумера и Аккада. Следовательно, необходимо до обращения к археологическим источникам изучить все известные факты относительно происхождения и истории династии Аккада.

Семиты в Месопотамии

Сначала следует сказать несколько слов о семитах, о присутствии которых в Шумере в значительно более раннее время свидетельствуют лингвистические особенности некоторых традиционных наименований месопотамских городов (кратко см. [167]). Что касается их происхождения, то сейчас старая концепция о прародине семитов — Сирийской пустыне — как центре распространения номадов должна быть отброшена, хотя бы потому, что большая часть пустыни оставалась незаселенной от конца палеолита до II тысячелетия до н. э., когда в пустыне впервые как транспортное средство стал использоваться верблюд.

Уступая в подвижности современным бедуинам, пастухи-номады тех ранних эпох должны были придерживаться в своих кочевках лишь окраин травянистых равнин, примыкающих к территориям оседлых земледельческих народов, в общество которых они постепенно проникали. Наверняка это имело место в Сирийской пустыне, примыкающей к Месопотамии; здесь существуют некоторые тому доказательства.

В течение всего раннединастического периода в письменных источниках появляются семитские личные имена, а их географическое распространение позволяет предположить, что в южных шумерских городах семиты были в меньшинстве, но по мере продвижения на север их число возрастало. В Мари и Ашшуре они уже составляли большую часть населения.

Что касается аккадцев, то их кочевое происхождение (если оно вообще имело место) было быстро забыто, и даже в самых ранних текстах нет упоминания о шумерах, которые противостояли бы проникновению аккадцев-номадов в страну или оказывали им сопротивление. Ко времени прихода Саргона к власти центральная часть Месопотамии, от района Ниппура к северу до линии Хит—Самарра, включая район р. Диялы, долго именовалась «Страной Аккада». По этой причине название «аккадцы» стало применяться для обозначения всего нешумерского населения Месопотамии. Наиболее заметным различием между двумя этническими группами было различие в языке. Аккадцы сохранили свою собственную, семитскую форму речи, а для письма были вынуждены использовать неудобную модификацию древней клинописи. Тем не менее усовершенствованной письменной форме аккадского языка было суждено стать на Ближнем Востоке международным языком, на котором велась коммерческая и дипломатическая переписка. В остальном подданные Саргона продолжали следовать религиозным и общественным установлениям шумеров.

Саргон и его преемники

Легенда о безродном происхождении Саргона часто встречается в литературе более поздних времен. Сначала сирота воспитывался добрыми крестьянами, а затем служил виночерпием у царя Киша, которого со временем сместил с трона. Это были первые шаги в блестящей военной карьере, которая началась с разгрома Лугальзагеси из Урука, какое-то время осуществлявшего верховную власть над всем Шумером. Подчинив вслед за этим один за другим все города Шумера и «омыв свое оружие в Нижнем Море», Саргон основал новую столицу и назвал ее Аккаде (Агаде). К сожалению, точное местонахождение этого города —

Одного из немногих важных политических центров Месопотамии — до сих пор не установлено. Во всяком случае, он, видимо, находился гораздо севернее основной территории Шумера и стоял на реке, так как был доступен судам.

В это время появляются все признаки возвышения аккадского элемента среди сторонников Саргона. В другие шумерские города назначаются аккадские управляющие, и шумерский язык перестает быть государственным. Тогда же много времени и энергии отдавалось реставрации и перестройке древних шумерских религиозных памятников; даже дочь Саргона стала жрицей Наннара — бога Луны г. Ура.

Для Саргона, как мы уже говорили, овладение Шумером было не более как ступенькой к расширению его завоеваний за пределы естественных границ Месопотамии. Его первое военное выступление было направлено на восток, в Элам, где он одержал победу над объединенными силами четырех правителей под предводительством царя Авана и установил наместничество в г. Сузы, который с того времени приобрел новый политический статус. Вторая экспедиция Саргона была проведена вверх по Евфрату в Северную Сирию, и, по его собственному объяснению, «бог Даган дал ему Верхние земли». Это означает, что он получил доступ к кедровым лесам гор Амана и к серебряным рудникам Тавра. Более поздними экспедициями Саргон завоевывает лояльность населения Ниневии и ее окружи.

Известная эпическая поэма «Царь битв» рассказывает о правителе, который проник в Центральную Анатолию с целью защиты собственных «купцов» от домогательств местного царя, описанного как царь страны Бурушанды, находящейся южнее современного Кайсери. В целом, по-видимому, достоверен и другой рассказ о какой-то морской экспедиции, которая была проведена Саргоном к самому югу Персидского залива; доля истины, вероятно, есть и в его заявлении, что он пересек «Западное море», чтобы достичь Кипра и Крита.

По крайней мере ясно, что успешные предприятия подобного рода постепенно привели к созданию первой в истории Месопотамской империи и к торговле с завоеванными странами, о которых до тех пор было почти ничего не известно. Кроме новых источников

леса и ценных металлов, которые стали доступны с открытием северных торговых путей, много товаров стало поступать с востока через Элам; явно возросли возможности морской торговли через Персидский залив. Источники, например, свидетельствуют, что во времена Саргона «корабли Дильмуна, Магана и Мелуххи причаливали к пристаням города Аккаде» [169, с. 272 и сл.]. Первое из этих названий, идентифицируемое с о-вом Бахрейн, упоминается уже в текстах раннединастического периода как торговый центр; но если под Маганом подразумевается Оман или побережье Макран, то Мелухху следует искать еще дальше, и, возможно, она служила связующим звеном с цивилизациями долины Инда. По крайней мере посредством торговли Аккадская империя достигла пределов известного тогда мира.

Царствование Саргона продолжалось 55 лет; при его правлении начались первые восстания, которые ему приходилось подавлять; восстания омрачали и царствование его преемников. Его сын Римуш был убит в результате дворцового переворота, но Маништуш и в особенности внук Саргона Нарам-Суэн смогли продолжить расширение Аккадской империи. Нарам-Суэн обладал, видимо, теми же качествами, что и Саргон, и, подобно ему, он стал героем многих легенд и преданий. За свое долгое правление (2291—2255 гг. до н. э.) он провел ряд военных операций, часть которых запечатлена на его стелах и памятниках, уцелевших до наших дней. Например, на царском рельефе, высеченном на скале в Пир-Хусейне, около Диярбакрыра (в настоящее время хранится в музее Стамбула), был запечатлен поход против хурритского царя. Другой наскальный рельеф — в Дарбанд-и-Гавре на северо-западе Ирана (сейчас датируется временем III династии Ура) — сообщает о победе над луллубеями — одним из племен Луристана, которое представляло постоянную опасность для месопотамских границ [22, с. 20; 180, с. 83 и сл.]; еще одна такая победа изображена на знаменитой Стеле Нарам-Суэна, найденной в Сузах и ныне хранящейся в Лувре. Памятники, подобные этим, представляют собой интерес, поскольку они служат значительным дополнением к скудным остаткам скульптуры аккадского времени. Но в конечном счете именно кути, или кутии, соседи луллубеев на севере, сильно опустошили земли Аккада. Это случилось

в период правления преемника Нарам-Суэна — Шаркалишарри, и, поскольку их нападение было согласовано с восстанием древних шумерских городов-государств, центральная власть Аккада рухнула, а империя распалась. Наступил полный хаос. Составители «Царского списка» риторически вопрошают: «Кто был царем? Кто не был царем?» Месопотамия управлялась полуанонимными варварами, которые оставили после себя очень мало памятников и надписей.

Археология

Ранее мы говорили о той энергии, которую аккадские правители отдавали перестройке храмов и святилищ древних шумерских городов. Однако при раскопках обнаружено невероятно мало остатков строительной деятельности аккадских властителей. Это, должно быть, объясняется тем, что почти в каждом случае перестройка сооружений производилась через два столетия при царях III династии Ура, которые, возможно, намеренно скрывали все свидетельства о работах, проводимых их предшественниками. В то же время следует учитывать, что все эти объекты раскапывались в тот период, когда почти все внимание уделяли поискам письменных текстов и предметов древности, а не исследованиям архитектурных остатков. На недостатках ранних методов раскопок не стоит останавливаться. Тем не менее они нам все-таки дали важный материал, что может быть проиллюстрировано на отдельных примерах.

Здания

Г. Ф. Гилпрехт, раскапывая Ниппур в 1899—1900 гг., обнаружил под зиккуратом эпохи III династии Ура остатки более раннего зиккурата, заложенного Нарам-Суэном Аккадским, но счел его исследование невыполнимой задачей [80]. Винсент Шейль в Сиппаре (Абу-Хабба) в 1893 г. натолкнулся на большой теменис, заложенный Саргоном Аккадским, но смог проследить и описать только часть здания, которая была восстановлена через тысячу лет [172]. Е. Х. Бэнкс в Бисмае (Адаб) в 1903—1904 гг. во время поисков табли-

чек и статуи обнаружил дворец, частные дома и кладбище, относящиеся к аккадскому периоду, но не описал их [8]. К 1923—1933 гг. положение несколько изменилось к лучшему, когда Ч. Вэйтлин, проводя раскопки на холме Ингарра в Кише, смог различить перестройки старого зиккурата, сделанные в аккадское время, и исследовал могилы этого периода на «кладбище А» в Кише [191; 136, с. 18—51; 113, с. 40—48]. В Уре все следы строений, датируемых периодом Саргонидов, оказались глубоко погребенными под руинами сооружений более поздних эпох; но Л. Вулли смог по крайней мере исследовать и подробно описать 400 аккадских погребений [196]. Другим английским и американским археологам в 30-е годы также удалось пролить свет на некоторые особенности аккадской архитектуры.

Телль-Асмар

Мы уже упоминали об открытии в Телль-Асмаре, в районе р. Диялы, большого, хорошо спланированного жилого здания, датируемого периодом РД-III. Чуть позже оно было перестроено: толщина стен достигала 2 м, а длина — 73 м [44, с. 186 и сл., табл. 37]. Так называемый Северный дворец был перестроен, подобно его предшественникам, уже вне всякой зависимости от первоначальной планировки. Анализ плана дворца предполагает деление его на три части: центральная — состояла из анфилады жилых и парадных комнат, функции которых легко угадываются. Примыкающая к этому строению с юга вторая часть, соединяющаяся с первой узким дверным проемом, представляла собой замкнутый комплекс с собственным внутренним двором; содержимое ее комнат (зеркала, украшения и туалетные аксессуары) говорит о пребывании там женщин. Наконец, третья часть находилась к северу от центральной анфилады комнат, отделялась от нее системой двориков, ведущих к главному входу, и состояла из служебных помещений. Но, возможно, самая характерная черта этого здания заключалась в небольших комнатах в восточной стороне с встроенными сооружениями из обожженного кирпича, каждое из которых имело водосток, ведущий в коллектор (водосборник) с кирпичным сводом и по узкому выводу — за пределы сооружения. Заметим, что «туалетные ком-

наты» имеются и в других частях здания; но эти вытянутые комнаты на востоке, оказывается, имели несколько иную функцию, что дало основание одному известному исследователю предположить, что здание неправильно идентифицировалось с дворцом [44, с. 196 и сл.]. Дата сооружения по форме кирпича и по другим данным определяется началом аккадской эпохи.

Хафадже и Брак

Существуют и другие доказательства того, что район р. Диялы был плотно заселен в аккадскую эпоху. В Телль-Асмаре, рядом с Северным дворцом были открыты и тщательно исследованы частные дома, раскинувшиеся на большой площади [44, табл. 64]. В Хафадже, в удаленной части города, вокруг группы аккадских построек, от которых сохранились только фундаменты [44, с. 54 и сл., табл. 20], была возведена оградительная стена. Следы аккадского заселения имеются в Телль-Аграбе непосредственно под поверхностью. Однако самые значительные постройки аккадского времени были открыты Мэллоуном в Телль-Браке ([123, с. 26 и сл., 63 и сл.], план см. [181, рис. 18, с. 403]), недалеко от современной границы Сирии, в Северной Месопотамии. Они тоже были названы дворцом, но скорее являлись военным форпостом или укрепленным фортификационным сооружением, имевшим стратегическое значение для охраны торговых путей, связывавших Месопотамию с районами Южной Анатолии во времена Нарам-Суэна. От дворца, выстроенного рядом с древним Храмом Ока, о котором мы говорили в первых главах, сохранился и то частично только фундамент. Но по его плану можно реконструировать приблизительно квадратное здание, с чрезвычайно толстыми внешними стенами, максимальная длина свыше 100 м. Здание состояло из длинных кладовых, расположенных вокруг системы открытых дворов. В период правления Ур-Намму (2113–2096 гг. до н. э.) на месте разграбленного с падением Аккадской империи и разрушенного пожаром здания было выстроено новое, менее крупное.

Скульптура

Хорошо сохранившихся экземпляров аккадской скульптуры едва ли больше, чем уцелевших построек

Этого периода, о чем следует сожалеть, учитывая высокое мастерство аккадцев. До нас случайно дошли два значительных памятника: один — бронзовая голова аккадского правителя в натуральную величину, открытая вне комплекса в ассирийских развалинах храма Иштар в Куюнджике (Ниневия) и в настоящее время хранящаяся в Иракском музее [181, табл. XXII—XXIII]. Мэллоун, которому посчастливилось найти ее, предположительно идентифицировал свою находку с изображением Саргона Аккадского, возможно выполненным по заказу его сына Маништушу, о котором сообщается как об основателе храма. Царь изображен с прической, орнаментальный характер которой напоминает «шлем-парик» Мескаламдуга или шлем Эанатума на «Стеле коршунов». Вместе с тем в изображении лица, усов и разделенной бороды ощущаются новые традиции, демонстрирующие значительные достижения аккадских скульпторов по сравнению с шумерскими. Один глаз поврежден при извлечении драгоценного камня, служившего инкрустацией.

Второй из значительных памятников аккадского периода — Стела Нарам-Суэна, найденная де Морганом в Сузах, куда она была привезена эламским правителем Шутрук-Наххунте в качестве военной добычи из Сиппара (впервые издана в «*Mémoires du Délégation en Perse*», vol. 1, 1900, табл. X). Стела была воздвигнута в ознаменование победы Аккада над племенами луллубеев. В композиции, мастерски передающей битву в горных лесах, выделяется доминирующая фигура царя, стоящая над войсками и охраняемая символами божеств. Облаченный в головной убор, украшенный рогами, что свидетельствует о его собственном божественном происхождении, царь попирает своих врагов. С эстетической точки зрения это великолепный рисунок, которого одного достаточно, чтобы оценить творческие возможности аккадских художников. Другие произведения аккадской скульптуры представлены фрагментированными памятниками из Суз и других городов. Например, в Лувре хранятся фрагменты еще одной диоритовой стелы с изображением сцен триумфального возвращения саргоновских войск после побед над неизвестными врагами [181, табл. 114—115]. Если бы они не были точно датированы, их можно было бы отнести к ранней фазе развития аккадского рельефа. В рисунках, размещенных в гор-

зонтальных регистрах, ощущаются характерные черты их шумерских прототипов (в меньшей мере это касается — *kaupakes*), а обнаженные тела побежденных врагов обнаруживают более верное представление аккадских художников о мускулатуре человеческого тела. Рост мастерства таких изображений, по-видимому, имел место во время преемников Саргона, так как существуют фрагменты одной подобной стелы, хранящейся в Иракском музее, которая почти наверняка относится ко времени правления Нарам-Суэна и по которой можно видеть дальнейшее совершенствование резьбы по камню (процесс, напоминающий развитие египетского рельефа) [181, табл. 118—119; 22].

Цилиндрические печати

Некоторой компенсацией за скудость сохранившихся памятников аккадской скульптуры служит уже упомянутая нами богатая коллекция цилиндрических печатей, обнаруженных в могилах и жилых домах на различных поселениях. Мастерство аккадских резчиков печатей привело к появлению нового стандарта в глинянке Месопотамии (ср. печати аккадского времени в изданиях [57; 137; 194]). В первую очередь следует обратить внимание на некоторые новшества в выборе предмета изображения, а также на изменение рисунка и стиля резьбы. Задача художников предшествующих эпох заключалась в том, чтобы связать все фигуры, объединенные одним действием, в непрерывный фриз. В аккадскую эпоху от этого уже отказываются, а новые композиции составляются так, что при прокатывании печати получалось чередование отдельных картин, часто отделенных друг от друга надписями. Сами изображения также сильно изменились: они в целом становятся крупнее и дальше располагаются друг от друга; благодаря глубине резьбы отпечаток получается более рельефным; много внимания уделяется орнаментальной отделке. Фигуры выглядят более рельефно благодаря свободному пространству между ними, совершенству моделировки и богатству орнаментальных деталей.

В сценах битвы с рогатыми животными или львами еще можно наблюдать мифических персонажей более раннего времени — обнаженного «героя» и его друга — «человекоголового быка»; однако «бойцы»

изображаются теперь отдельно, а животные часто помещаются по краям изображения «героев». Мифические и религиозные сцены становятся опять популярными, но вводятся в рамки статичного рисунка. Они разнообразны и представляют большой интерес. Кроме традиционных предметов культа и ритуала в изображениях легко можно узнать сценки из мифов, известных по шумерской литературной традиции. Иногда встречаются бог Солнца в ладье и бог Воды; птица Зу, которая крадет «таблички судеб»; Этана, летящий на спине орла; и много других персонажей из мифов и легенд, которые были идентифицированы в процессе длительных иконографических исследований печатей [54]. Уникальным экземпляром в коллекции аккадских печатей является печать из Телль-Асмара, найденная в храме Абу, датирующаяся аккадским временем. Изображения на этой печати характерны для искусства цивилизации долины Инда; таким образом, устанавливается одна из первых хронологических параллелей с современными городами Мохенджодаро и Хараппа 54, с. 47—53, рис. 30—33; 65; 36, с. 1 и сл.].

Гасур

Наконец, следует упомянуть еще об одном отдаленном памятнике, где в конце 20-х годов американской экспедицией был открыт важный материал аккадского периода. Этот памятник — Нузи вблизи Киркука; он приобрел определенное значение при хурритских правителях в XV в. до н. э. Раскопки под хурритским дворцом в Нузи представили доказательства существования здесь поселения в III и начале II тысячелетия до н. э., когда это место называлось Гасур. Уже в раннединастический период здесь стоял храм, посвященный богине Иштар, подобный современному ему святилищу в Ашшуре. Среди находок, сделанных вблизи храма, — большая коллекция табличек, пролившая свет на торговые отношения и связи в аккадскую эпоху. В текстах имеются ссылки на колонии купцов в Анатолии, что придавало некое правдоподобие легендам саргоновского периода, посвященным этой теме. Другие находки помогли понять неизвестную до тех пор типологию орудий труда и предметов вооружения аккадского периода. Металлические изделия, цилиндрические печати и керамика были найдены

в большом количестве и могут быть сопоставлены с находками из одновременных слоев Телль-Брака, с которыми они имеют больше сходства, чем с находками из южных районов [179].

Кутии и Лагаш

Историческая обстановка в Месопотамии в течение долгого периода междуцарствия, который был вызван вторжением кутиев, остается неизвестной из-за отсутствия письменных источников этого времени. Однако невероятно, чтобы завоеватели могли осуществлять сколь-нибудь систематический контроль над всей страной. Этот период закончился, как известно, в начале XXII в. до н. э. военным переворотом под руководством правителя Ура. Однако за 60 лет до этого события в Лагаше правил шумерский царь, который добился достаточной независимости и такого процветания государства, что был в состоянии реставрировать храмы и даже реорганизовать государственную систему ирригации на своей территории. Это был Ур-Баба. Его преемнику — Гудеа суждено было сыграть выдающуюся роль в истории Месопотамии: во-первых, он оставил большое число надписей, повествующих о его достижениях и благих делах, и, во-вторых, покровительствовал школе монументальной скульптуры, оставившей потомкам выдающиеся произведения месопотамского искусства, от которых до нас дошли, к сожалению, лишь отдельные экземпляры. Из сообщений Гудеа мы узнаем также об одной успешной военной кампании против Элама и о посвящении добычи богу-покровителю Нингирсу, украшение храма которого — Эннину описывается довольно подробно [97].

Де Сарзек

Современная «добыча из Лагаша», размещенная в Лувре, является результатом раскопок, развернутых на поселении Телло под руководством французского исследователя Эрнеста де Сарзека в последней четверти прошлого века [171; 154]. Чтобы понять чувства, вызванные этими находками, следует помнить, что они явились первыми вещественными доказательствами существования цивилизации в Месопотамии, пред-

шествующей ассирийской, и в этом смысле они продолжали оставаться единственными до возобновления раскопок в Южном Ираке после первой мировой войны. Поэтому нельзя не рассказать кратко об открытиях де Сарзека [155, с. 127 и сл.].

Телло

Телло — очень большое поселение около канала Шатт аль-Хай, имеющее в поперечнике 0,9 миль. Из холмов, сгруппированных около центра и обозначенных французским исследователем начальными буквами латинского алфавита, наиболее богатым оказался телль А («Дворец»), телль К («Дом фруктов»), телль V («Телль с глиняными табличками»). Привлеченный к этому поселению деятельностью незаконных «раскопщиков», де Сарзек за два полевых сезона (1877—1878) достаточно полно показал важность исследования теллей А и К, где были открыты «великолепный фрагмент статуи», фундаменты с закладными каменными табличками и бронзовыми фигурками, два больших глиняных цилиндра с надписями, фрагмент «Стелы Коршунов» и «огромная статуя», которую исследователь оставил на месте раскопок. В начале 1879 г. во время отсутствия Сарзека Х. Рассам, представитель Британского музея, проник в тайне от всех на место раскопок и заложил несколько глубоких шурфов; однако его постигла неудача, планы были сорваны из-за нехватки рабочей силы. Год спустя вернулся Сарзек и начал свой третий полевой сезон, который подвел итоги раскопкам на телле А. Этот сезон ознаменовался феноменальными успехами («...коллекция огромных статуй Гудеа и Ур-Бабы, множество кусков „Стелы коршунов“, каменные статуэтки, бронзовые фигурки на вазах и большое число надписей. Огромный багаж прибыл во Францию в мае 1881 г.»).

В течение четвертого сезона Сарзек имел дело с руинами послеаккадского периода истории Лагаша. В пятом и шестом сезонах, перенеся свою деятельность на телль К, он столкнулся с памятниками более раннего периода. Были найдены надписи с именами правителей Лагаша — Ур-Нанше, Эанатума, Энтемны, Урунимгины — всех тех, кто правил государством в раннединастический период, а также знаменитая «се-

ребриная ваза» с именем Энтемены, украшенная гравированными символическими рисунками.

До смерти Сарзека в 1901 г. прошло еще четыре сезона, но после открытия в 1893 г. телля V, откуда грабители извлекали большое количество клинописных табличек, французские археологи были главным образом заняты попытками предотвратить полное разграбление памятника. К сожалению, из-за болезни Сарзека и других причин памятник оставался долгое время неохраемым, и у грабителей были развязаны руки. Таблички, найденные грабителями, поступали на рынки Багдада; за эти годы их число достигло 35—40 тыс., в то время как число табличек, открытых французскими исследователями, составляло всего 3800.

Гудеа

Все статуи Гудеа и его сына Ур-Нингирсу, в положении сидя и стоя, размером более чем в половину натуральной величины, идентифицируются надписями на них. Все они высечены из твердого диорита, который привозили на судах из Магана, находящегося на южной оконечности Персидского залива. Обнаженные части тела обнаруживают совершенство искусства моделировки, учитывающей свойства материала; скульпторы мастерски передают в статуях правителей идею спокойной силы. Безбородая, а иногда и безволосая голова низко посажена на плечи; глаза выигрывают от отсутствия цветной инкрустации [171; 181, табл. XXVI и 133—137]. Восхищаясь скульптурами, можно только сожалеть об утрате храмов, где они стояли, а также богатой утвари, которая, по сообщению Гудеа, была посвящена его богу Нингирсу. Во время раскопок де Сарзек уделял мало внимания архитектурным остаткам. После его смерти работы на Телло были возобновлены и продолжались с перерывами вплоть до 1909 г. под руководством Гастона Кроса, который довольно быстро приобрел навык в технике поиска остатков архитектурных построек. Из краткого обзора, который был сделан А. Парро по раскопкам на Телло, следует, что Г. Крос сделал многое для выяснения топографии памятника. В телле A, под руинами дворца, построенного арамейским правителем во II тысячелетии до н. э., находились, по его мнению, остатки храма Нингирсу, а в телле K — фортификационные соору-

жения, построенные Гудеа. Среди его находок была безголовая статуя, соединенная в Лувре с фрагментом статуи, известной до того под названием «Голова в тюрбане».

Ал-Хиббе

Спустя более 70 лет после смерти Сарзека, в 1972 г., во время археологической разведки на поселении Ал-Хиббе, в 15 милях к юго-востоку от Телло, Т. Якобсеном и Ф. Сафаром были сделаны необычные открытия. Метрополитен-музей и Нью-Йоркский университет субсидировали раскопки, которые начали проводиться там под руководством В. Е. Кроуфорда. На глиняных табличках, штампованных кирпичах и других объектах (некоторые из них связаны со зданием храма) были обнаружены различные шумерские надписи. Находки дают бесспорные доказательства, что Ал-Хиббе — местонахождение древнего города Лагаша. Дальнейшие раскопки, возможно, прольют новый свет на эту парадоксальную ситуацию; однако в настоящее время можно заключить, что город, открытый Сарзекком в Телло и сейчас идентифицируемый с древним Гирсу [37], был вторым политическим и религиозным центром государства Лагаш.

Третья династия Ура

Начало шумерского возрождения относится к 2120 г. до н. э., когда Утухенгаль, правитель Урука, встал во главе первого крупного восстания против иноплеменных вождей. Его поддерживали шумерские цари нескольких других городов, и один из них, Ур-Намму, сменил его после первых военных успехов, достигнутых им. Именно он завершил освобождение Шумера и основал великую III династию Ура, положив начало новошумерскому периоду. В течение немногих более века при этом правителе и четырех его преемниках Ур, подобно Аккаду, являлся столицей империи; здесь, как и везде, много внимания уделялось строительству зиккуратов, храмов и дворцов. Поэтому лучше всего сконцентрировать внимание на самом Уре, который был тщательно исследован Л. Вулли в 1922—1934 гг.

Здания в Уре

Вулли опубликовал общий план г. Ура; некоторые укрепления были частично реставрированы. Городские стены являются перестройкой более древних стен нововавилонскими царями в VI в. до н. э.; но нет оснований считать, что их контур значительно отличается от стен, построенных за 15 веков до того, в эпоху Ур-Намму. Город, который они окружали, имел форму неправильного овала до 1200 м в поперечнике, а во времена Ур-Намму город окружали стена и вал. Вулли описывает это следующим образом: «Вал был сооружен из лёссового кирпича и имел ступенчатый внешний склон; нижняя часть представляла собой облицовку склона холма, образовавшегося на месте более древнего города, но верхняя поднималась выше развалин города и образовывала твердую платформу. По вершине холма шла стена из обожженного кирпича... Кроме того, Евфрат омывал подножие западного вала (как это видно из линии старого русла), а в 50 ярдах от подножия восточного вала был вырыт широкий канал, отходивший от реки, омывавшей северную часть города, что еще больше усиливало массивное укрепление. Таким образом, Ур с трех сторон был окружен рвами с водой и только с юга к нему можно было приблизиться по суше».

Предположительно именно с этой стороны город штурмовала армия эламитов, после чего в 2006 г. до н. э. он и был разрушен.

Вулли добавляет: «...от стен Ур-Намму не осталось и следа. Нам хотелось бы остановиться на больших кирпичах, сделанных в формах и отмеченных надписями с царским именем и титулатурой. Они были использованы вновь в более поздних строениях, ни один не был найден *in situ*. Поскольку оборона Ура была упорной, победоносный враг разрушил стены до основания».

Зиккурат

Вторая мощная ограждающая стена окружала священный теменос в северо-западной части города. По плану этого участка, составленному Вулли, можно видеть, что он значительно увеличился во время Навуходоносора. Его новая стена прошла через развали-

ны гробницы времени III династии Ура, которая размещалась прямо за старым теменосом, около «Царского кладбища» более раннего периода. Из числа зданий, расположенных внутри первоначальной ограды, обращает на себя внимание огромный зиккурат, построенный Ур-Намму и завершенный его сыном Шульги [198, т. 5]. Этот замечательный памятник, который сохранился лучше многих других памятников такого рода в Месопотамии, был исследован и описан с величайшей тщательностью Вулли. Хорошо известная реконструкция первоначального вида зиккурата облегчила недавно проведенную частичную реставрацию этих руин иракским правительством. Зиккурат представлял собой трехъярусное сооружение. Основа из лёссового кирпича, вероятно, перекрывала руины более древней башни и была облицована обожженным кирпичом, скрепленным битумом. Толщина облицовки — 2,4 м. Нижний ярус, который сохранился лучше других, имел размеры 61×45,7 м и высоту около 15 м.

Первоначально к вершине вела тройная лестница со сходящимися в одном месте лестничными маршами; там находилась башня. На уровне первой террасы в этом месте остались развалины четырех кирпичных опор, предположительно образывавших нечто вроде портика, которые Вулли снабдил купольным перекрытием. Высоту и размеры двух верхних ярусов можно было рассчитать, хотя они и были также сильно размыты.

Вулли рассматривал три своеобразных аспекта структуры зиккурата, для объяснения которых он предложил три рабочие гипотезы.

Башня воздвигалась из кирпича, высушенного на солнце; укреплялась кирпичная кладка прослойками из плетеных циновок через каждые 6—8 рядов. Проникнув в «ядро» зиккурата, Вулли обнаружил, что кирпичи и строительный раствор затвердели и обесцвечены огнем, что он объяснял насыщением структуры влагой (возможно, в период нахождения в руинах) и последующим внутренним сгоранием при разложении растительного вещества. Его удивило, что в кирпичной облицовке нижнего яруса зиккурата было много отверстий, через которые поступала вода. Это, в свою очередь, дало ему возможность предположить, что нижняя терраса была засажена деревьями, которые требовали влаги. Около основания башни он на-

шел обугленные стволы деревьев (единственная параллель — мавзолей Августа и Адриана в Риме; см. [9, с. 237, рис. *b* и *c*]). Наконец, он обнаружил незначительное искривление главной линии фасадов на уровне вымостки. Это, по его мнению, можно сравнить с искусным искажением перспективы, повторенным строителями греческих храмов через 15 веков. Памятуя о большом весе башни и непрочности лёссового кирпича, другие исследователи отнеслись с недоверием к его объяснениям.

Терраса

За исключением гробницы, о которой мы уже упоминали, все большие здания были первоначально построены правителями III династии Ура в районе старого теменоса, существовавшего в то время. Поскольку большинство их часто перестраивалось, необходима особая тщательность при анализе их разрушенных остатков. Действительно, провести такое исследование представляло бы собой невыполнимую задачу, если бы не обычай, согласно которому начиная с аккадского времени на обожженные кирпичи наносились штампом надписи с именем царя. Ур-Намму построил свой зиккурат на приподнятой террасе, окруженной двойными стенами с помещениями между ними ('Etemen-pi-gur'). К этому он добавил второй дворик с монументальными воротами на уровне теменоса, которые он посвятил Наннару, богу-покровителю Ура. К юго-востоку от террасы зиккурата находилось большое и хорошо укрепленное строение, названное 'Gi-rag-u', посвященное Нингаль, супруге Наннара; оно состояло из нескольких небольших храмов, соединенных между собой на протяжении долгой и сложной архитектурной истории. Это строение, вероятно, рассматривалось как «наземный храм» или святилище. Меньшее «квадратное здание Е-пип-маkh, стоявшее между двумя дворами зиккурата, идентифицировалось по-разному: «дворец», «храм», «сокровищница». Во времена Ур-Намму главный вход на террасу зиккурата осуществляли через довольно незаметный проход в восточном углу, называемый 'E-dub-lal-makh'. В его внешнем портике, обращенном к южной стороне огороженной общественной части здания, стояла статуя Наннара; он использовался как место для совершения

правосудия. Позднее правители отделили его от террасы и превратили в двор правосудия со вспомогательными комнатами вокруг него. Однако спустя почти семь веков касситский правитель Куригальзу называл это сооружение «Великими древними воротами». Из зданий времени III династии Ура только два дошло в первоизданном виде. Одно из этих зданий Э-хар-гаг — было, очевидно, резиденцией Ур-Намму и его преемников. Другое — гробница, о которой можно сказать больше [200, табл. 54]. Это громадное скопление построек, включавшее могилу самого Ур-Намму и двух его непосредственных преемников. Ниже уровня современной поверхности находились погребальные камеры сводчатой конструкции, сложенные из кирпичей. В камеры вели длинные лестницы. Над камерами были воздвигнуты поминальные надгробные сооружения.

Гробница

Следует сказать, что ограбление указанных гробниц еще в древности для нас большая трагедия. Судя по изумительному богатству более древних гробниц шумерских царей, которые были во всех отношениях значительно скромнее, первых царей империи Ура должны были сопровождать в загробный мир богатейшие погребальные дары и хоронить их должны были в соответствии с более тщательно разработанным ритуалом. Все, что дошло до нас, это голые сооружения с частично сохранившимися сводами; Вулли нашел только фрагмент золотого листка, свидетельствующий о некогда хранившихся здесь сокровищах. Почти все могилы последующих правителей Месопотамии так и не были обнаружены.

В сводчатые камеры вели длинные лестницы. Свод был сложен из обожженного кирпича. Высчитывая высоту камер, Вулли отметил любопытный факт. Вымостка пола в гробнице Ур-Намму, на которой находилось погребение, была сделана небрежно; между полом и сводом едва мог поместиться человек в полный рост. Затем он обнаружил, что лестница вела куда-то вниз; спустившись еще на несколько метров, он увидел опять вымостку, сложенную из нескольких рядов высушенного на солнце кирпича, скрепленного битумом. Вероятно, произошло следующее: когда сооружали гробницу, строители не приняли во внимание подземных вод,

ориентируясь на летний уровень; когда правитель умер и пришло время использовать гробницу, обнаружили, что она заполнена водой. Единственным выходом было заполнить камеру камнями выше уровня воды и замостить ее еще раз. Очевидно, с того времени уровень грунтовых вод понизился, поэтому Вулли и смог раскопать все камеры до первоначального уровня пола, и после укрепления свода бревнами стало возможным входить в нее посетителям. В настоящее время свод еще более укрепили и в гробницу открыт доступ туристам. При раскопках гробницы в Уре Вулли тщательно исследовал сохранившиеся остатки. Ему даже удалось воссоздать детали временного надмогильного сооружения, используемого во время ритуала захоронения, которое позже было заменено постоянным мемориальным комплексом.

Храмы и скульптура

Период шумерского возрождения, очевидно, совпал со значительным изменением в планировке обычных храмов. Прежние принципы планировки были заменены принципом симметрии. Новая планировка, которой было суждено просуществовать с небольшими изменениями на протяжении всей оставшейся истории Вавилонии, видна в простейшей форме храма в Телль-Асмаре (Эшнуна), посвященного местным правителем Гимиль-Сину, обожествленному царю Ура [63, табл. 1]. Портал с башнями по бокам и вестибюль, антецелла и внутреннее святилище в соответствии с новой планировкой располагались по одной линии на противоположных сторонах центрального двора, создавая единую перспективу, замыкавшуюся культовой статуей. Антецелл могло быть несколько, но кардинальная последовательность составных частей храма оставалась постоянной. Что касается культовой статуи, на которой фокусировалась ритуальная церемония, то некоторое объяснение ее внешнего вида можно найти на рельефах, где изображаются божества. Такова Стела Ур-Намму, фрагменты которой были найдены Вулли среди древних находок из Э-дуб-лал-маха. Этот памятник имеет высоту 3 м, на его горизонтальных регистрах изображены сцены, связанные со строительством храма. В единственном неповрежденном регистре царь изображен дважды: стоящим перед богом, а затем пе-

ред богиней (Наннар и Нингаль) и совершающим жертвенное возлияние на какое-то растение. Фрагменты керамического сосуда, подобного тому, в котором находится растение, изображенное на стеле, были найдены за алтарем в храме Гимиль-Сина. В противоположность светской динамичности саргоновских рельефов спокойствие этой религиозной сцены более характерно для шумеров. Сходные сюжеты на цилиндрических печатях этого периода более статичны.

Глава VIII

II ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н. Э.

В начале II тысячелетия до н. э., по мере того как распадается Шумерская империя и появляется ряд новых государств, начинается эпоха перемен в политической истории Месопотамии. В связи с этим уместным будет еще одно краткое историческое отступление.

Враждующие государства

Какова была дальнейшая судьба двух народов, совместные усилия которых привели к падению III династии Ура? Амореи, пришедшие из Сирии, обосновались в Вавилоне и других городах севера, в то время как эламиты вернулись на восток через Загрос, оставив назначенного ими правителя в Эшнуна на р. Дияле для защиты своих интересов в Месопотамии. Между тем в самом Шумере два государства — Иссин (современный Бахрият) и Ларса (ныне — Сенкере) на протяжении всего XX столетия до н. э. соперничают друг с другом за право распоряжаться древними городами и их святилищами. Вначале происходит подъем Иссина, однако у него многочисленные враги, среди которых не только Ларса, но и Эшнуна со своими союзниками-эламитами. К концу столетия из былой неизвестности к ведущему положению на политической арене поднялись два новых мощных государства: Мари (ныне — Телль-Харири) и Ашшур (Кала'ат-Шеркат), расположенные в среднем течении Евфрата и Тигра. Тогда же, примерно в 1900 г. до н. э., когда казалось, что чаша весов склоняется в пользу Ларсы, в Вавилоне была основана новая династия; ее шестому правителю — Хаммурапи — было суждено изменить весь ход политических событий.

Из всех северных государств, упомянутых нами выше, следует, пожалуй, остановиться на Мари. Его руины, как уже было сказано, находятся на западном берегу Евфрата, немного севернее современной сирийской границы. Шумерский «Царский список» отводит ему статус города с самостоятельной династией правителей. Действительно, когда в 1933 г. здесь начала работать французская экспедиция под руководством А. Парро, первой ее находкой оказался раннединастический храм, посвященный, как и очень похожий на него храм в Ашшуре, богине Иштар. К началу II тысячелетия до н. э. город приобрел особое значение как перевалочный пункт на торговом пути, по которому лес и металлы доставлялись из Сирии или из копей в горах Тавра. В результате этого ко времени основания первой династии Вавилона правители Мари были уже богатыми и процветающими. Парро посчастливилось найти и раскопать их дворец; это было огромное здание, к описанию которого мы еще вернемся. Там же находился архив, содержащий более 20 тыс. табличек и освещавший историю города вплоть до его разрушения Хаммурапи около 1760 г. до н. э. (публикуется в «Archives Royales de Mari», p. 1950).

В табличках из Мари мы вначале встречаем имена нескольких неизвестных семитских царей, а затем упоминание одного исторически более достоверного правителя, Яхдун-Лима, в начале царствования которого город на время утратил свою независимость и был присоединен к государству Ашшур. В этой связи в текстах упоминается один из первых действительно заметных ассирийских царей — Шамши-Адад I; о нем и его государстве можно многое узнать из архива Мари. Город Ашшур занимал стратегически выгодное положение на гребне холма, выходя к Тигру далеко за пределами аллювиальной долины [144, с. 31 и сл.]. Подобно Мари, это был важный торговый центр, связанный как с южными городами, так и с источниками сырья в Анатолии. Приблизительно в 1940—1800 гг. до н. э. он даже имел свою торговую колонию в Канише (современный Кюльтепе) в Каппадокии. Во время правления Шамши-Адада владения города простирались на север вплоть до возвышенности вблизи Ниневии; учитывая, что на западе границы Ашшура проходили по Евфрату, можно с уверенностью утверждать, что он представлял собой мощное государст-

во. Из архива Мари мы узнаем о том, как к власти в Ашшуре пришли Шамши-Адад и два его сына, один из которых, Ишме-Даган, был назначен правителем Мари. Сам Шамши-Адад предпочитал переезжать из одного маленького городка в другой и, по-видимому, проводил немало времени в Шубат-Энлиле, поселении, которое было расположено, вероятнее всего, на р. Хабур. Сейчас многие ученые отождествляют это поселение с городищем Чагер-Базар, где Мэллоун обнаружил таблички с записями торговых операций Шамши-Адада [153, с. 308—310]. Другие тексты того же времени, в которых упоминается эта ассирийская династия, недавно были найдены в Телль-Римахе — городище одного из крупных провинциальных центров в районе Синджара. Содержание всех этих текстов, взаимно дополняющих друг друга, помогло воссоздать поразительно ясную (а порой и весьма любопытную) картину системы управления, а также личных отношений между правящими династиями. Уже хотя бы поэтому они представляют собой поистине бесценные документы.

Труднее реконструировать конец правления Шамши-Адада. Похоже, что его южные гарнизоны обратились в бегство под натиском войск Эшнуны и эламитов, которые продвинулись затем на запад к Евфрату: вполне возможно, что именно в битве с ними и погиб царь Ашшура. К моменту, относительно которого мы снова располагаем документальными свидетельствами, ассирийским царем становится уже Ишме-Даган (1781 г. до н. э.). Мари, как выясняется, вновь обрело независимость, и им управляет сын Яхдун-Лима, Зимри-Лим, прежде находившийся в изгнании в Алеппо. Именно во время правления Зимри-Лима была окончательно завершена отделка дворца, раскопанного Парро.

Политические связи Зимри-Лима с югом, опиравшиеся на довольно непрочные союзы с Вавилоном и Эшнуной, до поры до времени оставались вполне удовлетворительными. На северо-западе дружественные отношения сохранялись с такими сирийскими государствами, как Яхмад (главным городом которого был Алеппо). Аллах и даже Катна на Хомской равнине. Только с восточной стороны в это время (ок. 1800 г. до н. э.) спокойствие несколько нарушалось притоком новых переселенцев из гористых районов нынешнего

Азербайджана. Это были хурриты — народ неизвестного происхождения, не относившийся ни к семитам, ни к индоевропейцам. Начиная еще с III династии Ура в Северной Месопотамии существовали небольшие центры, правители которых носили хурритские имена. Во время правления Зимри-Лима хурриты уже доходили до Каркемиша, а позднее — до самого Алалаха и долины Оронта. Однако наши довольно отрывочные сведения о них почерпнуты преимущественно из материалов американских раскопок в Нузи вблизи Киркука.

Во всяком случае, хурриты до поры до времени оставались разьединенными и не представляли серьезной угрозы городам Верхней Месопотамии. Вступление на трон Вавилона великого государственного деятеля положило конец этой мирной передышке. В 1759 г. до н. э. войска Хаммурапи разбили объединенную коалицию Ларсы, Эшнуны, Элама и Мары. Два года спустя в Мары началось восстание, однако оно было подавлено, а сам город — полностью разрушен, между тем как Ассирия, теперь уже значительно сократившаяся в размерах, попала в зависимость от Вавилона. Как и во времена Саргона Аккадского, вся страна оказалась вновь объединенной под властью одного царя, разработавшего эффективную систему управления. Достижения Хаммурапи в этой области отражены в его знаменитом Кодексе, высеченном на трехметровой базальтовой стеле, которая находится сейчас в Лувре.

Во время правления потомков Хаммурапи произошли три события, оказавшихся предвестниками распада империи. Во-первых, народ, населявший так называемую Морскую страну у северной оконечности Персидского залива, захватил древние шумерские города на юге и создал там новое царство. Во-вторых, с северо-востока пришли касситы, вытесненные со своих родных мест все тем же перемещением индоариев, которое привело хеттов в Анатолию. И, наконец, в 1595 г. до н. э. сами хетты под предводительством царя Мурсилы I, пройдя поочередно Каркемиш и Мары, добрались по Евфрату до Вавилона, который они разграбили и сожгли, положив тем самым конец династии Хаммурапи.

Нападение хеттов на Вавилон — это одно из самых труднообъяснимых событий ближневосточной исто-

рии, поскольку Мурсилис был вынужден почти сразу же вернуться на родину, чтобы выступить против врагов, угрожавших его собственной столице в Анатолии. В результате более всего от этого нападения выиграли касситы, которые смогли без борьбы захватить управление Вавилоном. При этом они настолько усвоили религию и культуру Месопотамии, что на протяжении последующих 360 лет едва ли можно обнаружить хоть какие-нибудь свидетельства того, что большей частью страны правила династия царей-чужеземцев. Между тем на севере, в холмистой местности за Ниневией, а также к западу от Евфрата почти такое же положение создалось с хурритами. На смену их прежним правителям пришла новая аристократия индоевропейского происхождения; политическая проницательность этих новых правителей позволила им наконец-то обеспечить своему народу единство в рамках национального государства. Между Ассирией и хеттами возникло новое могучее царство, известное как Митанни; столицей его стал Вашшуккани (местоположение этого города, расположенного, по предположениям, к западу от Нисибина, до сих пор еще не установлено археологами) [133]. Уже в самом начале XIV в. до н. э. его цари почти на равных вступали в сношения с египетскими фараонами XVIII династии.

В это же столетие Ассирия, столицей которой продолжал оставаться Ашшур, вновь стала входить в число крупнейших держав. По мере того как один способный правитель сменял в ней другого, укреплялась ее южная граница, а митаннийцы под давлением хеттов ослабили свой контроль над Северной Месопотамией. В конце концов династия митаннийцев, ослабленная внутренним соперничеством, утратила свой авторитет, а ее армия перестала быть серьезным противником для войск Ассирии. В 1250 г. до н. э. после нескольких поражений последний митаннийский царь был убит Салманасаром I, а его владения превратились в провинцию Ассирийского государства. Потомок Салманасара — Тукульти-Нинурта I (1244—1208) захватил Вавилон, и с конца II тысячелетия началось образование Ассирийской империи.

Если учесть все эти исторические события, станет понятнее, почему археологию II тысячелетия до н. э. целесообразно разделить на четыре главных периода, каждый из которых волею случая отражен в находках

по меньшей мере одной крупной экспедиции. Вначале идет период «Иссин—Ларса» (ок. 2020—1763 гг. до н. э.), который завершается объединением Месопотамии под властью Хаммурапи. Этот период хорошо представлен в раскопках памятников Диялы: Телль-Асмар (Эшнуна), Исхали (Нерибтум) и Телль-Хармал (Шадуппум). За ним следует правление Хаммурапи и его потомков, или старовавилонский период, который закончился с падением Вавилона в 1595 г. до н. э. Он отражен в поразительно всеобъемлющих находках Парро в Мари. Третий период—период касситской династии (1595—1235), который документирован в основном раскопками, проводившимися иракской государственной экспедицией в Дур-Куригальзу (Акаркуф). На севере он частично перекрывается периодом хуррито-митаннийского преобладания, свидетельства которого можно найти в Нузи и других местах. И, наконец, последним идет так называемый среднеассирийский период—время подъема Ассирийской державы; он представлен раскопками немецких экспедиций в самом Ашшуре.

Сооружения периода «Иссин—Ларса»

Эшнуна утратила вассальную зависимость от Ура в 2027 г. до н. э., а несколько лет спустя ее первый независимый правитель, Ильшуилия, дополнил новым дворцом огромный храм, который один из его предшественников посвятил Гимиль-Сину, обожествленному царю Ура [63]. К этому дворцу он присоединил культовое сооружение меньших размеров, по всей вероятности посвященное уже местному божеству—Тишпаку. Эта «дворцовая часовня», так же как и более старый храм, соответствует планировке, повсеместно принятой в Вавилонии,—когда вход, внутренний двор, антецелла и целла расположены на одной оси. Особый интерес представляет сам дворец—одно из длинного ряда светских зданий, предназначенных для той же цели [187]. Напротив квадратного двора в нем находится широкий прямоугольный «тронный зал», или «зал приемов», из которого лестница ведет на плоскую крышу. Помещения меньших размеров отделяют этот зал от «большого зала» (или двора bitanu), который, возможно, использовался для собраний.

Нечто подобное мы увидим и в Мари, а затем, с хронологическим разрывом более чем в тысячу лет,— в стандартных «покоях приемов» позднеассирийских дворцов. Во дворце Эшнуны, в лестничном колодце были найдены остатки государственного архива, однако самые важные исторические сведения дали кирпичи с оттиснутыми штампами надписями, которые использовались при каждой следующей реконструкции здания: они дают полную генеалогию местных правителей.

Благодаря этому нам стало известно, что именно последний правитель Ибикадад II («расширитель Эшнуны») построил несравненно больший дворец на широкой улице напротив более ранних сооружений [63, табл. 7]. От него сохранился лишь фундамент, возможно, здание это так и осталось незаконченным. Однако и здесь нетрудно угадать обычную планировку — двор, «тронный зал» и «большой зал», который теперь становится значительно просторнее; иногда их даже два. Где-то дальше к северу сын Ибикадада (тезка великого Нарам-Суэна) построил отдельный «зал приемов», который был спроектирован иначе, — предположительно потому, что этот правитель «присвоил себе прерогативы божества».

Ближе к р. Дияла находится Исхали (прежде — Нерибтум), где «в год изгнания Рапику» Ибикадад выстроил храм, который, вероятно, представляет собой наиболее значительный памятник периода «Ис-син — Ларса» [55, с. 74 и сл.]. Здание это образует правильный прямоугольник размером примерно 100 × 60 м и включает в себя три отдельных святилища, крупнейшее из которых посвящено Иштар-Кититум — местной разновидности великой богини. Весь комплекс стоит на платформе, или *kisu*, облицованной обожженными кирпичами, скрепленными битумом, и возвышается над уровнем земли на 3 м. В других местах широко использован высушенный на солнце кирпич; он применялся, например, при сооружении широкой лестницы, ведущей из внешнего двора во двор главного святилища, расположенного еще выше, а также для строительства трех ворот, увенчанных башнями. В одном из вспомогательных храмов обращает на себя внимание необычная деталь: его целла вытянута вдоль главной оси. Такая практика позднее была обычной для ассирийских храмов (нем. *Langraum*). Во всех других случаях сохраняется тип *Breitraum*. Прекрасную рекон-

Жилые кварталы Ура в XX в. до н.э. (по Вулли)

струкцию всего здания можно увидеть на часто публикуемом рисунке Гарольда Хилла. Оно представляет интересный контраст Шадуппуму (Телль-Хармалу) — небольшому, основательно укрепленному административному центру, расположенному в пригороде современного Багдада [174; 15; 14; 72]. Однако даже последний включает целых четыре сравнительно скромных храма, крупнейший из которых имеет внешние

и внутренние ворота, украшенные терракотовыми фигурами львов почти в натуральную величину. Архивы табличек, найденные в его административных помещениях, включают среди прочих важных текстов свод законов, предшествовавших Законам Хаммурапи.

Частные дома

Здесь прежде всего следует остановиться на обычных жилищах периода Ларсы. Они хорошо представлены в соответствующих слоях памятников Диялы, однако, видимо, еще лучше — в раскопках Вулли в зоне поселений к юго-востоку от огороженного храмового участка в Уре [199, рис. 12, с. 176]. Здесь мы видели как бы сплетение узких улиц со скромными домами по сторонам; порой на крупных перекрестках, где сходились несколько улиц, стояли небольшие культовые святилища. Сами жилища настолько похожи на дома, встречающиеся в любом маленьком городке Ирака еще в начале нынешнего столетия, что они вряд ли заслуживают подробного описания. Для них, как правило, характерны глухие стены, выходящие на улицу, комнаты на двух этажах, открывающиеся в лишенный крыши центральный дворик. В одном из домов, планировка которого хорошо известна благодаря реконструкции Вулли, на уровне второго этажа проходила крытая деревянная галерея, опиравшаяся на столбы [197, табл. 12]. Одной из немногих отличительных черт таких домов можно считать находящиеся тут же могилы их бывших жильцов, которых часто хоронили под полом первого этажа.

Дворец в Мари

Дворец в Мари первоначально был несомненно резиденцией отца Зимри-Лима, Яхдун-Лима, однако позднее его использовал сын Шамши-Адада. Поскольку значительная часть дворца построена из кирпичей, на которых оттиснуто имя самого Зимри-Лима, последний, по всей вероятности, существенно его увеличил и перестроил. Как нам известно, этот дворец был в конце концов уничтожен, когда на 35-м году царствования Хаммурапи (1757 г. до н. э.) были сровнены с землей даже стены города. Тем не менее, когда Парро обнару-

жил дворец, его стены четырехметровой толщины все еще выступали кое-где на 5 м вверх, а притолоки некоторых дверей были еще в полной сохранности (предварительные сообщения см.: «Syria», 1935—1967). Размеры всего здания — приблизительно 200×120 м; они вдвое превышают размеры храма Иштар-Кититум. Большая часть его архитектурной планировки представляет собой как бы многократно увеличенное вавилонское жилище, т. е. несколько комнат, окружавших открытый двор; однако здесь этот принцип планировки подчинен центральной системе «залов приемов» и религиозных святилищ.

Через центральный вход дворца с примыкающими к нему помещениями привратников можно было попасть в огромный внешний двор, главная достопримечательность которого — трехстороннее помещение для приемов, к которому можно было подняться по лестнице; многие исследователи считают это помещение сохранившейся частью более ранней постройки. Главный же ряд покоев для приемов выходит во внутренний двор несколько меньших размеров. Эти покои состоят из частей, ставших к тому времени общепринятыми: вначале идет «тронный зал» с подиумом, расположенным прямо напротив главного входа, а затем — после вестибюлей, отделяющих его от «тронного зала», — идет более просторное помещение, соответствующее «большому залу». Оно имеет уже четко выраженную религиозную функцию, так как с одной его стороны ступени ведут в целлу, а с другой — находится возвышение для трона. Как отметил Парро, такое расположение придает всему центральному ряду покоев явно не светский характер; мы увидим далее, что это общее впечатление находит себе подтверждение в остатках скульптурных украшений и стенной росписи.

Более просто украшены жилые покои царствующей семьи в северо-западном крыле здания, наружные стены которого с обеих сторон сильно укреплены. Можно легко идентифицировать личные покои собственно цзя и царицы; в разделяющем их дворе мостовая размечена в соответствии с правилами какой-то неизвестной нам игры. Довольно близко к этим жилым покоям расположены две комнаты с рядами глиняных «скамеек», считающиеся школой или местом работы для писцов. Из них можно было пройти в два хранилища, где размещались архивы, первоначально хранившиеся

на полках. Третья и самая важная архивная комната была удобно расположена между внутренним и внешним дворами. Среди остальных более 200 покоев вокруг центрального участка можно определить и некоторые хранилища. Последние включают отдельную группу, располагавшуюся вокруг помещения, которое выделялось своими расписанными стенами; оно известно среди археологов под названием *Cercle des officiers*. Также поблизости от юго-восточного крыла здания находились две комнаты, образующие небольшое святилище, которое через «Проход процессий» соединялось с главным залом приемов.

Настенные росписи

Остановимся теперь подробнее на настенных росписях, ставших уже предметом специального исследования [181, табл. XXVIII и XXIX; 157]. Как указал сам Парро, они имеют особое значение и в полной мере отражают «этот дух синтеза, который воодушевлял в те времена художников из областей среднего течения Евфрата». Это было любопытное сочетание шумерских элементов, сохранившихся от более раннего периода, с ярко выраженным характерным натурализмом семитского художественного стиля. По словам Парро, эти влияния способствовали появлению новой школы живописи, которая, располагая она большим временем для созревания, могла бы составить одну из высокохудожественных эпох в истории ближневосточного искусства. Стенная роспись наносилась непосредственно на тонкий слой штукатурки в манере, позволяющей предположить, что ее творцы действительно разбирались в технике подлинной фрески.

Самая крупная и претенциозная композиция — «Вступление на трон царя Мари» — была найдена неповрежденной на наружной стене, примыкающей к центральному входу в «тронный зал» в той части двора, которая была защищена от непогоды крышей или навесом на столбах. Изображение идет как на верхней, так и на нижней панелях. На первой царь, тщательно задрапированный в одежды с каймой и носящий головной убор «поло», прикасается к божественным инсигниям* или, возможно, принимает их от богини Иштар.

* Инсигнии — знаки высшей власти (напр., скипетр, золотая диадема и т. д.).

которая опирается ногой на спину льва. Другие боги и богини исполняют при этом роль прислужников. На нижней панели изображены, друг против друга, две одинаковые фигуры «богини с сосудами». Богиня одета в развевающиеся одежды и держит в руках сосуд «арибалл», из которого изливаются потоки воды с рыбой, обрамляющие само изображение. Обе сцены по краям окаймлены высокими папно со стилизованными изображениями пальм и других деревьев, среди которых видны птицы, мифические животные и божества. Один из исследователей не без остроумия истолковал всю композицию как изображение церемонии, действительно проходившей в целле и антецелле храма,— по аналогии с изображениями, которые в более поздние, ассирийские времена размещались между статуями с «изливающимися сосудами» и искусственными пальмами [21]. Независимо от того, так это или нет, декоративный эффект подобной композиции, отличающейся орнаментальной каймой и яркими красками, вероятно, был весьма значительным.

Еще одно подобное изображение украшало стену «зала приемов» в наружном дворе; оно, видимо, также относилось к более раннему периоду. Известное среди археологов как «жертвоприношение воды и огня», оно представляет собой сцену поклонения и возлияния, в которой принимают участие устрашающие персонажи шумерской мифологии: Тиамат из эпоса «Энума Элиш» и Шамаш, «поднимающийся из-за горы, чтобы рассеять звезды». Царь (возможно, Шамши-Адад I), вновь изображенный в одеянии с каймой, на уцелевшем фрагменте росписи участвует в «сцене жертвоприношения», однако первоначальное местоположение этого фрагмента теперь уже нельзя точно определить.

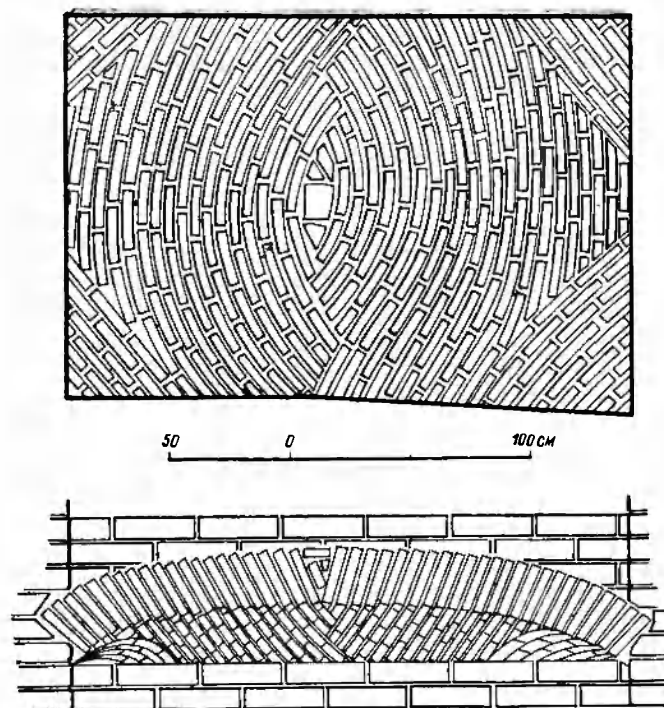
Выше уже отмечалось, что в центре города на юго-восточных подступах к дворцу уже в раннединастический период существовало скопление небольших храмов, посвященных таким божествам, как Нинхурсанг, или местным божествам вроде Иштара и Нинни-Заза [156, т. 3]. Часть из них сохранилась и в XVIII в. до н. э., однако размеры их меркли перед размерами храма Дагана (бога зерна, почитавшегося в районе среднего течения Евфрата), к святилищу которого в это время был присоединен небольшой зиккурат. Таблички с посвящениями показывают, что этот храм был в действительности построен Иштуп-Илумом, пра-

водителем города в период поздней Ларсы (ок. 1890 г. до н. э.). Был найден и прекрасный скульптурный портрет последнего, правда, не в храме, а в «большом святилище» дворца Зимри-Лима. Таким образом, этот портрет, равно как и другие скульптуры Мари, доступны сейчас для исследования вместе с прочими памятниками старовавилонского периода и периода «Ис-син — Ларса».

Телль-Римах

Во время раскопок зданий, о которых мы до сих пор говорили, было обнаружено сравнительно немного материала, позволяющего представить характер украшения их фасадов или же конструкцию потолочных перекрытий. Только в 60-х годах английская экспедиция, работавшая под руководством Дэвида Оатса в Телль-Римахе, в районе Синджара, к западу от Мосула, смогла наконец получить недостающие сведения [143]. Там, где высокий холм уже покрыл остатки более ранних поселений, местный правитель во времена Шамши-Адада I построил себе город, окружив его укреплениями и заложив на вершине самого холма поразительно красивый храм. К этому сооружению, по описанию археолога, «вела отдельная лестница, опиравшаяся на сводчатые перекрытия; с его крыши другие лестницы или пандусы вели на высокую террасу, на которой, возможно, возвышался еще один храм. Общий ансамбль с тремя или четырьмя ярусами, по всей видимости, напоминал зиккурат. Сам храм, приподнятый на своем основании высоко над городом, был построен по вавилонскому образцу и украшен в соответствии со стилем, который также имеет аналогии на юге, хотя общее сочетание украшений уникально. Все наружные фасады и стены дворов обрамлены колоннами, расположенными по одной и группами: всего их 277. Пятьдесят больших колонн сложены из разных кирпичей, образующих сложный орнамент из спиралей и пальмовых стволов» [143, с. 70 и сл.].

Однако самой поразительной чертой этого здания, видимо, было преобладание арок и сводов из кирпича-сырца даже в тех случаях, когда на их месте можно было использовать деревянные конструкции [145, с. 183]. Сложная система сводов, включавшая конст-

План и разрез кирпичных сводов в Телль-Римахе
(по Д. Оатсу, 1973 г.)

рукции из скошенного с одной стороны кирпича, кажется такой воздушной, что позволяет думать о существовании длительной и устойчивой традиции подобного зодчества.

Скульптура

Единственная из всех статуй Мари, которая может быть без сомнения отнесена ко времени строительства дворца,—это статуя богини с «изливающимся сосудом», обломки которой были найдены в «тронном зале» и снаружи, во дворе. Она, видимо, была каркасной, ■ благодаря сложной системе трубок из нее действительно изливалась вода. Стиль ее ничем не примечате-

лен, а облик указывает на традиционный подход к трактовке данного образа. Более интересны несколько статуй местных правителей: статуя Иштуп-Иля, найденная в «большом святилище», статуя Иди-Илума из юго-восточного святилища и изображение Пузур-Иштара, входившее в «коллекцию древностей», собранную поздневавилонским царем (ныне она находится в Стамбульском музее). Их интересно сопоставить со статуями двух правителей Эшнуны (одна из них сидящая), которые в качестве трофея были доставлены в Сузы. В мире, который едва ли помнил уже о грубости *капнакес*, эти фигуры изображены одетыми в тогообразные одеяния из тонкой ткани, сдержанная проработка которых выгодно отличается от чрезмерной детализации орнаментальной каймы и формализованного типа бород прежних скульптурных изображений. Они даже не лишены некоторого достоинства [181, рис. 148—154].

Вообще же статуи, относящиеся к этому времени, встречаются редко и отличаются плохим качеством. Что же касается рельефов, то изображение, представленное на вершине стелы с Законами Хаммурапи, является, возможно, уникальным. Царь, профиль и головное украшение которого известны уже по обломкам скульптуры, стоит обратившись лицом к сидящему божеству и держит в руке символ божественности (или, возможно, справедливости), подобно Иштар в сцене «интронизации». По словам Г. Франкфорта, изображение «передает не только известное противостояние, но и связь между богом справедливости и подателем законов».

Встречается и другой вид барельефа этого же времени, воплощенный в терракоте. Прекрасным его образцом является находящаяся в частном владении пластинка с нагой богиней Лилит, опирающейся на львов и сов [61, рис. 56]. Еще чаще встречаются вотивные пластинки из обожженной глины, отлитые в открытой форме; их, вероятно, продавали верующим в храме. Сюжеты их варьируют от изображения «богини-матери», которое гротескно приближено к невзыскательным вкусам, до тщательно проработанных фигурок музыкантов, храмовых женщин или же более тривиальных мотивов, к примеру, изображения собаки, копирующей щенят. Святилище храма Дагана в Мари охраняют бронзовые львы с инкрустированными глазами.

подобные прекрасным терракотовым львам, стоящим возле храмовых ворот в Телль-Хармале [181, табл. XXVII].

Касситы

Учитывая то, что касситы правили Вавилонией более четырех столетий, представляется странным, сколь мало характерные для них черты нашли отражение в материальных памятниках, относящихся к периоду их господства. Это недвусмысленно указывает на то, что в религии, системе управления и разных технических приемах они продолжали неукоснительно следовать традициям Месопотамии, заново отстраивая храмы и почитая святилища шумерских божеств. Пожалуй, единственным исключением в этом отношении является храм Караиндаша в Уруке; этот храм, с его подчеркнуто угловатыми контрфорсами, вначале кажется резко отличающимся от окружающих его зданий. И все же его тщательно отделанный фасад включает один уже знакомый нам мотив. В высоких нишах между выступающими пилястрами чередуются фигуры вавилонских богов и богинь с традиционными «изливающими» сосудами в обеих руках. В остальном же здесь представлен очень ранний образец орнамента из отформованного кирпича, который позднее был усовершенствован ассирийскими и нововавилонскими мастерами [181, рис. 170].

Грандиозная новая столица, основанная самими касситами и названная Дур-Куригальзу, отличается от прочих вавилонских городов лишь особенностями избранного для нее места. Она была построена на низком выходе мягкого известняка в северной оконечности аллювиальной долины, к западу от современного Багдада, где до сих пор важным ориентиром остается полуразрушенный фундамент огромного зиккурата (ныне частично восстановленного). В результате раскопок, проведенных иракской государственной экспедицией в 1942—1945 гг., здесь у подножия башни был открыт храмовый комплекс, а далее в глубь полуострова по направлению к пойме соседней реки — остатки по крайней мере четырех дворцов [12; 11; 12]. К числу специфических черт этого храмового участка можно отнести наличие прямоугольных платформ, облицованных обожженным кирпичом, — на них покоились основные

святилища. Подпятники с надписями и таблички, найденные на этом участке, относятся преимущественно ко времени правления царя Куригальзу, однако стратификация дворцов, которые перестраивались через более короткие промежутки времени, указывает на то, что это же имя носили два царя до него.

Один из этих дворцов (Н) [12], к несчастью частично разрушившийся по причине выветривания холма, все же демонстрирует отдельные признаки архитектурного стиля, который, возможно, следует считать собственнo касситским. На центральный двор здесь выходило множество дверей, ведущих в длинные галереи, напоминавшие крытые аркады. Притолоки этих дверей были украшены стеной росписью, изображавшей процессии придворных [12, табл. XI—XIV]. Последние одеты в одежды с короткими рукавами и поясами, украшенными каймой; поверх длинных, на ассирийский манер, волос надеты головные уборы типа фески. Предполагается — и это действительно вполне возможно, — что данные росписи, образующие цоколь у основания стен, предвосхищают использование с той же целью скульптурных плит в позднеассирийских дворцах. Во времена касситов барельеф в основном использовался на межевых камнях (*kudurru*); на них изображались эмблемы богов, привлекавшихся в свидетели при заключении земельной сделки, или же царь, дававший земельные угодья [61, табл. 71].

Другой дворец (А), относящийся к значительно более раннему периоду, имеет одну длинную галерею, выкрашенную в белый цвет; в ней идет тройной ряд небольших оштукатуренных цоколей. Множество кусочков золотой фольги и остатки других ценных материалов, обнаруженные на полу у цоколя, указывают на то, что галерея использовалась как сокровищница. Позднее ее заменили хранилища с кирпичными сводами, судя по всему предназначенные для той же цели [11, табл. 17 и 21]. Именно здесь, а также в лестничных колодцах были разбросаны другие ценные предметы — возможно, еще в то время, когда дворец был разграблен. Среди множества поврежденных золотых украшений и бусин был найден один целый золотой браслет, на котором «зернистый» орнамент чередуется с инкрустацией голубой пастой. Было найдено также множество фрагментов мозаики из цветного стекла. Оно, видимо, совпадает или предшествует по времени

египетскому стеклу XVIII династии, найденному в Телль-эль-Амарне. Ремесленную продукцию этого периода в Египте напоминают также раскрашенная терракотовая голова мужчины с окладистой бородой и столь же искусно сделанная фигурка львицы [61, табл. 76 b и 70 c].

Митанни

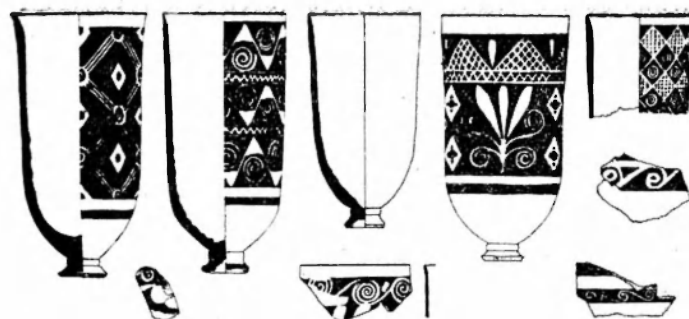
Нузи

Теперь обратимся к завоеванию Северной Месопотамии митаннийцами; по времени оно частично совпадает с правлением касситской династии в Вавилонии. Митаннийские цари правили в своей столице Вашшуккани, расположенной вблизи истоков р. Хабур, начиная примерно с 1500 г. до н. э. вплоть до середины XIV в. до н. э., когда их царство распалось. В течение этого времени одной из самых южных крепостей был г. Нузи в 12,5 милях к юго-западу от современного Киркука (Аррапха). Это городище было раскопано американской экспедицией из Пенсильвании под руководством Р. Старра и других в конце 20-х — начале 30-х годов [179]. Для того, кто задался бы целью определить характерные черты митаннийской культуры, итоги этих раскопок оказались бы одновременно и плодотворными и обескураживающими. Здесь были найдены дворец и храм, а также большое число частных жилищ. При отсутствии крупных произведений искусства бесчисленные мелкие находки говорят о том, что это народ, в жизни которого существенную роль играла торговля и связи со странами Леванта и даже с Египтом. Однако основным открытием экспедиции несомненно следует считать находку множества табличек — всего более 5 тыс. текстов, включая полные архивы отдельных семей на протяжении пяти поколений [179, т. I, с. 528 и сл.].

Главный холм здесь носит название Иорган-Тепе; под ним и был скрыт обнесенный стенами город со своим дворцом и храмом (план см. [179]); однако имелся также ряд других холмов над руинами прочих дворцовых сооружений. О храме здесь уже говорилось, поскольку он был заложен еще в раннединастическое время, когда это место было известно под на-

званием Гасур. Храм был окончательно перестроен при митаннийцах, когда он состоял из двух святилищ; его руины точно датируются благодаря письму митаннийского царя Шаушаттара (ок. 1460 г. до н. э.). Одно святилище имеет внутренние стены, облицованные деревянными панелями, которые своей формой напоминают нынешние нумераторы с «хлопушкой» кинематографистов, они вбиты колышками в кирпичную кладку. В прочих местах облицовка украшена похожими на гвозди шишечками из глазурованной терракоты, с которых свисает нечто вроде плетения с бусинками. Яркая глазурь, широко распространенная в то время в Египте, применялась и в других случаях, в частности для украшения небольших охранительных фигурок львов и в одном случае для настенного украшения в виде головы вепря. Что же касается скульптуры, то археологам пришлось довольствоваться инкрустированным глазом от статуи в натуральную величину.

В центре дворца, как обычно, находились широкие открытые дворы. В самом просторном из них, расположенном перед главным «залом приемов», стены, по видимому, имели нечто вроде раскрашенной деревянной облицовки под скатами крыши, венчающими карниз. Перед главным входом в «тронный зал» два отдельно стоящих столба, сложенные из кирпича, вероятно, поддерживали портик или декоративный балдахин. Повсюду встречаются тщательно продуманные канализационные и очистные сооружения, включая по меньшей мере один туалет, в котором действовала система смыва водой, подававшейся сверху по трубам. Роскошная ванная комната и туалет примыкали к царским покоям, а вестибюль, через который в них можно было попасть, был украшен впечатляющей стеной росписью, включавшей и явно заимствованные мотивы, в том числе орнамент из пересекающихся линий, акротерий, орнаменты в виде бычьей головы («букраний») и «головы Хатор» [181, рис. 40, с. 430]. Главные двери были снабжены подпятниками, в одном из которых сохранился *in situ* бронзовый «башмак» от дверных петель. Большая толщина стен главных покоев для приемов могла бы указывать на их значительную высоту с окнами в верхней части; однако археологи пришли к мнению, что в данном случае толщина стен объяснялась просто соображениями безопасности.

Тонкая керамика типа «керамики Нузи» с белым орнаментом по темному фону. Подобные сосуды относятся ко времени царства Митанни (ок. 1475—1350 гг. до н. э.) (по Старру, 1938 г.)

Несколько зданий северного пригорода, включая дом «наследного принца» («правителя города Аррап-хи»), стали предметом специального исследования. В домах двух братьев, Техип-Тиллы и Шурки-Тиллы, было найдено в общей сложности около тысячи табличек. В доме человека по имени Зиги обнаружена обширная коллекция медных предметов, включавшая наконечники для стрел и копий, ножи и множество фрагментов пластинчатых доспехов, спекшихся в тяжелые комья. Впрочем, помимо оружия там находились также инструменты — серпы, стамески, зубила, тесла; все они были разбросаны, вероятно, во время пожара.

Среди более мелких находок в этих дворцовых зданиях Нузи встречаются характерные для города гончарные изделия необычного типа [61, рис. 64, с. 142; 124, с. 887—894; 33]. Тщательно отделанные сосуды были искусно украшены росписью белой краской по темному фону. Чаще всего встречается чаша с «пуговичным основанием»; ее орнамент, располагавшийся обычно по горизонтали, включал прежде неизвестные в Месопотамии мотивы: бегущие спирали, пересекающиеся линии и розетки, а также стилизованные изображения птиц и растений. Хотя такие сосуды встречались на юге вплоть до касситской столицы Дур-Куригальзу, а на севере до Телль-Билла за Мосулом, местом их обычного распространения была Северная Сирия, где их находят в таких городах, как Телль-Атша-

ийа (Алалах); по мнению Вулли (возможно, ошибочно-му), местом их происхождения следует считать Криг. Митаннийские цилиндрические печати также имеют больше общего с печатями Северной Сирии и даже Каппадокии. Рисунок их зачастую слишком сложен и запутан, однако ряд мотивов, подобных стилизованному «священному дереву» и «крылатому грифону», сохранился среди сюжетов позднеассирийских украшений [181, рис. 179].

Наконец, в Нузи была найдена знаменитая коллекция текстов. При раскопках обнаружилось не менее 4 тыс. клинописных табличек, из которых почти тысяча была найдена в доме Техип-Тиллы. Содержание табличек воссоздает поразительно подробную картину повседневной жизни этой, частично хурритской общины горожан. Юридические и коммерческие сделки, отраженные в табличках, уже сами по себе представляют значительный интерес, однако встречающиеся в них случайные упоминания конкретных людей, мест и вещей способствуют пониманию социальной среды и окружения, в которых они были созданы, и тем самым существенно дополняют сведения, полученные благодаря археологическим находкам.

В приложении к публикации итогов раскопок в Нузи, сделанной Р. Старром, Э. Р. Лэчман очень интересно обобщает «свидетельства о материальной культуре», которые можно извлечь из текстов. Такое приложение само по себе служит очень удачным дополнением к археологическому отчету подобного рода. Приложение разделено на рубрики, само разнообразие которых как бы готовит читателя к восприятию содержащейся в них информации.

Первоначально Нузи возник как обнесенный стенами город с башнями, бастионами и воротами, чьи названия нашли отражение и в текстах. Дворец представлял собой огромный комплекс зданий, а его постройки служили самым разным целям и имели долгую архитектурную историю. Храм, который известен сейчас археологам, был лишь одним из нескольких святилищ, опекавшихся знатными семьями города; эти семьи вносили надлежащие жертвоприношения и дарили храмам рабов. Сообщения о строительстве или ремонте частных домов обеспечили исследователей словарем распространенных архитектурных терминов и структурных деталей. Часто упоминаются названия улиц,

и топографическую картину дополняют подробные сообщения о распределении воды, которой снабжала город небольшая река, имевшая разветвленную систему каналов, водохранилищ и мостов (каждый упомянут отдельно). Другим ориентиром служат частные колодцы. Сделки, связанные с недвижимостью и переменной землевладения обнаруживают детали земледельческой деятельности в обильно орошаемой зоне, окруженной степями; существует определенный набор слов, который обычно используется для подобных описаний. Благодаря текстам можно выяснить сравнительную популярность различных зерновых, среди которых наиболее распространенным является ячмень; за ним следуют пшеница-эммер, сезам, мак и лен. В отдельную рубрику попадают сады и огороды; выращиваемые в них фрукты, овощи и цветы подробно перечисляются в особых списках, причем древесину фруктовых деревьев рекомендуется использовать в строго определенных целях. Масса сведений более специального характера приведена в прочих рубриках под заголовками типа: «повозки и колесницы», «мебель» или «одежда»; имеется также особый раздел, посвященный инструментам, оружию и доспехам.

В каталоге сведений, почерпнутых из текстов Нузи, недостает прежде всего указаний на политические вопросы и историю того времени. Действительно, единственным письменным свидетельством, благодаря которому можно однозначно датировать культуру Нузи, является, как мы уже сказали, документ из комнаты огромного дома Шильви-Тешшуба: известное письмо Шаушаттара, царя Митанни, правившего в конце XV в. до н. э.

Среднеассирийский период

Нашими сведениями об ассирийской археологии этого времени мы обязаны почти исключительно работе немецких археологов в Ашшуре (Кала' ат-Шеркат) на р. Тигр. Решение начать эти грандиозные раскопки было принято в 1903 г., когда экспедиция Роберта Кольдевея на юге уже посвятила четыре года изучению огромных развалин Вавилона. К этому времени экспедиция уже в основном выяснила планировку городища, идентифицировала большую часть основных зданий и была уверена в успехе своих усилий воссоз-

дать остатки главного города Навуходоносора. Однако в 1903 г. стало ясно, что необычно высокий уровень грунтовых вод помешает исследованию культурных слоев, предшествующих VII в. до н. э. Ввиду этого было предложено провести дополнительные раскопки в таком месте, где археологические памятники могли оказаться более доступными. Таким объектом был избран Ашшур, и его исследование поручили Вальтеру Андрэ. Начиная с этого времени и вплоть до 1913 г. две археологические экспедиции одновременно проводили раскопки на городищах, находящихся примерно на расстоянии 350 миль друг от друга. Их общие успехи — как в обнаружении исторических сведений, так и в совершенствовании археологических методов — стали с тех пор общепризнанными [6].

Город Ашшур

Мы уже говорили здесь о положении Ашшура, который находился на известняковой горе, высоко поднявшейся над местом слияния двух рукавов Тигра. Такое положение обеспечивало городу естественную защиту с двух сторон, с суши защитой служили мощные стены в форме полумесяца, окружавшие пространство шириной в три четверти мили [181, рис. 43 с. 434]. Раскопки Андрэ сосредоточились в основном в верхней части города на севере и северо-западе, где находились храмы и дворцы. В последнем Андрэ убедился благодаря методам, предложенным немецкими археологами (теперь они применяются повсеместно). Суть методов заключалась в том, что через все городище с интервалами в 100 м выкапывались поисковые траншеи в соответствии с координатной сеткой первоначальной топографической съемки. Одновременно на всем протяжении были прослежены укрепления; при этом были обнаружены главные ворота, причалы с стороны реки и другие сооружения. Во время зондажа был затронут самый ранний археологический слой, в результате чего был открыт досаргоновский фундамент храма Иштар. Наиболее поздние из встреченных Андрэ археологических материалов можно датировать завершающей фазой парфянского периода (приблизительно 256 г. н. э.).

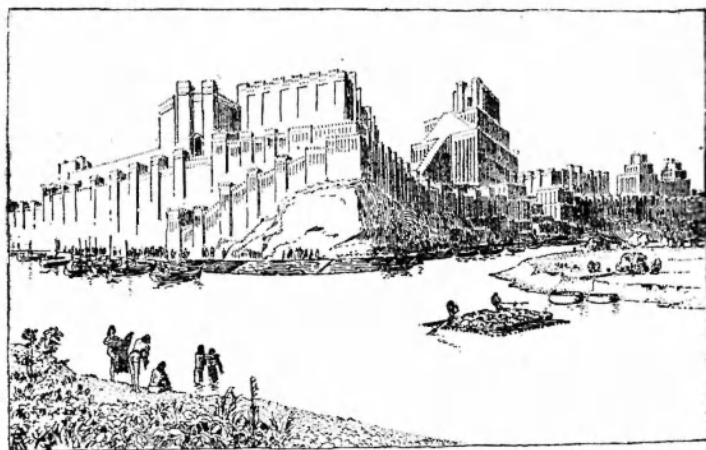
Как Андрэ, так и Кольдевей были архитекторами, поэтому в Вавилоне их стремление к гиперкоррекции

очевидных упущений предшествовавших раскопок выразилось в том, что они сосредоточили свое внимание на изучении зданий, а не письменных памятников. Однако в Ашшуре, по причинам, которые вскоре стали понятны для всех, роль эпиграфических советников Андрэ вновь стала значительной. За период около 2 тыс. лет сменявшие друг друга цари внесли свою лепту в восстановление и умножение общественных зданий и укреплений города, однако хронологическая последовательность строительных наслоений могла быть определена лишь с помощью соответствующих надписей. Из них явствует, что многие здания продолжали перестраиваться позднеассирийскими царями и после того, как город уже перестал быть административным центром.

Этим обстоятельством объясняется упоминание в последующих параграфах имен царей, относящихся скорее к последней главе.

Укрепления

Крепостной вал внутреннего города строился и перестраивался многими царями, включая Шамши-Адада I во времена Хаммурапи. Тукульти-Нинурта I (1244—1208 гг. до н. э.) снабдил город внешним рвом двадцатиметровой ширины. Надпись на фундаменте указывает также, что Салманасар III (858—824 гг. до н. э.) полностью реконструировал укрепления, добавив внешнюю стену, которая шла параллельно рву, но отклонялась в его южном конце, окружая один из районов города. Между тем примерно в 1300 г. до н. э. Ададнерари I построил огромную дамбу из обожженного кирпича вдоль восточного берега реки; более поздние цари еще более укрепили ее, превратив во вспомогательную защиту от наводнений. В описании города времен Синаххериба (704—681 гг. до н. э.) упоминаются 13 ворот в этих укреплениях, хотя археологам пока удалось найти лишь 8 (они отмечены цифрами на плане городища). Главные, которыми пользовались путешественники, северные, были известны ассирийцам как Гургурри (1 и 2). Между ними и западным рукавом реки стояло нечто вроде цитадели с воротами с двух сторон (3 и 4), сквозь которые во время празднования Нового года из города выходила величественная процессия (см. далее). Кроме того,

Город Ашшур на Тигре в среднеассирийский период, вид с северо-запада (рисунок Вальтера Андрэ)

имелись ворота в северной стене, западные ворота, известные как Иллат, и, наконец, малые ворота в южной части города (7 и 12).

Храмы и дворцы

При приближении к городу со стороны реки с севера его монументальные здания должны были образовывать впечатляющий силуэт, согласно известной реконструкции Андрэ [181, рис. 47, с. 435]. Самые высокие храмы находились на крайней северной оконечности известняковой горы; там же было три зиккурата. Один из них, получивший свой окончательный вид при Шамши-Ададе I, имел в основании 60 м² и был первоначально посвящен шумерскому богу Энлилю, который в своей функции покровителя Ассирии был позднее вытеснен городским богом Ашшуром. Верхняя часть башни сильно пострадала от времени; ничего не сохранилось от ее лестниц и вспомогательных пристроек. Из 38 храмов, упомянутых в надписях, полностью раскопаны только 4; крупнейший из них был также посвящен Шамши-Ададом Ашшуру. Он занимал самое заметное место на северном возвышении, при этом его огороженный участок выдавался на юг. На его примере, равно как и на примере более поздних перестроек старого храма Иштар, можно много узнать

об изменявшихся обычаях, диктовавших планировку сакральных зданий. Храм Ашшура, в том виде, как он был построен Шамши-Ададом, вероятно, имел два главных святилища, по крайней мере одно из которых соответствовало принципу Breitraum, незадолго до этого распространившемуся в Вавилонии. Много веков спустя Синаххериб добавил к нему восточную пристройку с целлой, сориентированной вдоль основной оси соответственно ассирийской манере. Что же касается храма Иштар, то после разрушения «архаичного» святилища в нем, по свидетельству немецких исследователей, было не менее шести перестроек, в ходе которых изменилось даже посвящение храма. Однако у храма всегда имелось в качестве пристройки маленькое святилище, где продолжали поклоняться Иштар и которое все еще сохраняет прежнюю целлу типа Langraum с «изогнутой осью», в соответствии с шумерской традицией.

Два других главных храма имеют двойное посвящение и необычную планировку. Один был святилищем Ану и Адада с двойными зиккуратами и замкнутым передним двором, причем все это представляло собой единое архитектурное целое. Второй двойной храм, посвященный богам Луны и Солнца — Сину и Шамашу, — был первоначально построен Ашшурнера-ром I (ок. 1500 г. до н. э.) и по-новому перестроен Синаххерибом. Оба упомянутых храма имеют двойные ассирийские святилища, к которым можно добраться через широкие антецеллы. Пятое культовое здание, которое едва ли правомерно рассматривать как храм, было известно в Ассирии как Бит Акиту; именно сюда процессия приносила священные статуи во время празднования Нового года. Оно находилось на расстоянии 400 м к северо-западу от города и состояло из большого квадратного двора с боковыми колоннадами и святилищем, сориентированным вдоль главной оси; в целом оно напоминает скорее «тронный зал».

Здесь стоит сказать несколько слов об Акиту, или Празднике Нового года, ритуал которого сложился полностью в первые века I тысячелетия до н. э. К этому времени он заменил собой или поглотил более ранний шумерский Праздник весны, ассоциировавшийся со «священным браком» бога и богини и символизирувавший начало нового цикла творения и плодородия. Теперь празднество проходило во время весеннего

равноденствия; оно длилось 11 дней, в каждый из которых совершался определенный этап продолжительного и сложного ритуала. Местом, где происходил заключительный этап этой церемонии, и служил Бит Акит. Туда отправляли на повозках или лодках статуи богов временно изъятые из их храмов, для того чтобы они присутствовали при отправлении ритуала, известно, как «Определение судеб». Ведущую роль в последней играл царь. Многие подробности этого ритуала известны нам из сохранившихся текстов, а вымощенная дорога, по которой в Ашшуре выходила из города процессия, была открыта в результате раскопок.

В отличие от храмов о светских зданиях Ашшуре известно немного. Так называемый Старый дворец расположенный рядом с главным зиккуратом, состоял из лабиринта прямоугольных покоев и рядов хранилищ, куда можно попасть через открытые дворы. Этим он напоминает дворцы периода Ларсы в Эшнне, с которыми, впрочем, совпадает по времени закладка первоначального фундамента. Кое-где, как и во дворцах Мари и Ура, в нем попадаются частные святилища. Ашшурский дворец еще использовался во время правления Тиглатпаласара I (1115—1077 гг. до н. э.) но в позднеассирийский период то, что от него осталось, было, видимо, превращено в мавзолей. Ашшур-нацир-апал (883—859 гг. до н. э.) украсил одни ворота скульптурными изображениями крылатых быков, а под ними расположил склепы. Как выяснили немецкие археологи, в последних находились огромные мраморные саркофаги, разграбленные еще в древности, но сохранившие среди прочих имена самого Ашшур-нацир-апала и Шамши-Адада V (823—811 гг. до н. э.).

Между тем после завоевания Вавилона Тукульти-Нинурта I построил Новый дворец на искусственной террасе в северо-западном углу городской стены; от этого дворца ныне сохранился лишь каменный фундамент. Не остановившись на этом, он также построил новый жилой пригород в 1,8 милях к северу от города на левом берегу Тигра и назвал его Кар-Тукульти-Нинурта. Здесь же был возведен миниатюрный зиккурат и подле него — храм с вавилонским святилищем и культовой нишей в фасаде башни. По мнению А. Дрэ, на верхнюю террасу зиккурата вел мост, шедший над улицей позади храма. В числе наиболее интересных открытий в Кар-Тукульти-Нинурте были образцы

скульптурного орнамента, нанесенного на терракоту цветной глазурью; иногда он встречается на вертикальных стенных плитах (ортостатах). Помимо него были найдены панели, сложенные из разноцветных глазурованных кирпичей [5; 61, табл. 74 А—В].

Некоторые находки в Ашшуре

Теперь целесообразно обратиться к некоторым находкам, сделанным в Ашшуре, и выделить те новшества, которые можно считать типично ассирийскими. Г. Франкфорт, занимавшийся исследованием этой проблемы, утверждает, что «в XIV в. до н. э. появилось искусство, имевшее, несмотря на все отклонения, свой особый характер — и не только в стиле, но и в сюжетах. Оно предпочитало светские сюжеты; для него никакое жизненное явление не было слишком тривиальным. В то же время в трактовке религиозных тем в этом искусстве обнаруживался холодный формализм, не позволявший человеку лично встречаться с богами, а лишь дававший возможность следовать принятым ритуалам перед их статуями и символами» [61, с. 65].

В качестве примера этой тенденции часто приводится резной барельеф на алтаре, установленном Тукulti-Нинуртой I. Если мы вспомним стоящих друг против друга человека и бога в сцене, изображенной на известной стеле Хаммурапи, то здесь перед нами — ее прямая противоположность. Ассирийский царь стоит на коленях перед алтарем, подобным тому, на котором вырезано само изображение. Однако на этом алтаре — не статуя, а традиционный символ определенного бога, в данном случае — Нуску, одного из трех богов огня, воплощенного в жертвенном пламени. Подобное отношение к божеству отразилось, возможно, и в планировке ассирийских храмов, которая была описана выше, — иначе говоря, когда культовая статуя помещалась в дальнем конце вытянутой целлы. Что же касается самого бога Ашшура, то он чаще предстает в виде символа, чем в человеческом облике. Его изображали с крыльями, подобно солнечному диску египетского Гора.

Другое новшество этого времени проявилось в резных цилиндрических печатях, указывающей на подъем интереса к композиции [57; 161]. В период Ларсы и в старовавилонское время «сцены представления божества

ству» достигли такого однообразия, что к ним часто приходилось добавлять надпись с именем владельца. Теперь этот обычай был отброшен; вместо этого появились определенные композиции. Некоторые традиционные «батальные сцены» еще сохраняются, однако все большее распространение получают новые темы. Вот примеры некоторых сюжетов: царь охотится на страусов, крылатая кобылица защищает своего жеребенка от льва, олени пасутся среди стилизованных деревьев и гор. К этому добавляются доселе неизвестные мотивы, с которыми мы уже встречались в Нузи; они были заимствованы из Сирии через Митанни. Это «священное дерево» и «крылатый грифон». Другие средиземноморские типы украшений встречаются на глазурованных панелях из Кар-Тукульти-Нинурты.

Строительная практика

Приведенное выше сообщение о зданиях Ашшур по понятным причинам представляло собой в основном краткое описание вариаций в их планировке. Что же касается внешнего вида зданий и украшений фасада, то отдельные указания на этот счет можно обнаружить при изучении рисунка печатей того времени. В особенности это относится к парапета́м как религиозных, так и светских зданий. Предполагается, что введение бойниц в крепостной стене началось примерно в это время (они были заимствованы из Египта); на одной печати XIII в. до н. э. из Ашшура видна двойная крепостная стена с закругленными зубцами и парапета́ми с бойницами [192, с. 105, № 531]. Две другие печати из того же города, которые датируются, вероятно, столетием позже, впервые дают изображения крепостных зубцов ступенчатой формы, известной и ныне [138, с. 43, рис. 45b и 46]. Одна из них представляет особый интерес. Во-первых, изображенный на ней символ божества Гулы указывает, что это скорее храм, чем крепость, т. е. бойницы на ней, по всей вероятности, просто декоративны. Во-вторых, на ней изображены некоторые другие архитектурные детали, в частности башни, возвышающиеся над стенами, двери, а также прямоугольные углубления, которые могут быть окнами.

Наконец, на печатях этого периода иногда появляются изображения своеобразных «гениев»-arkallu, с-

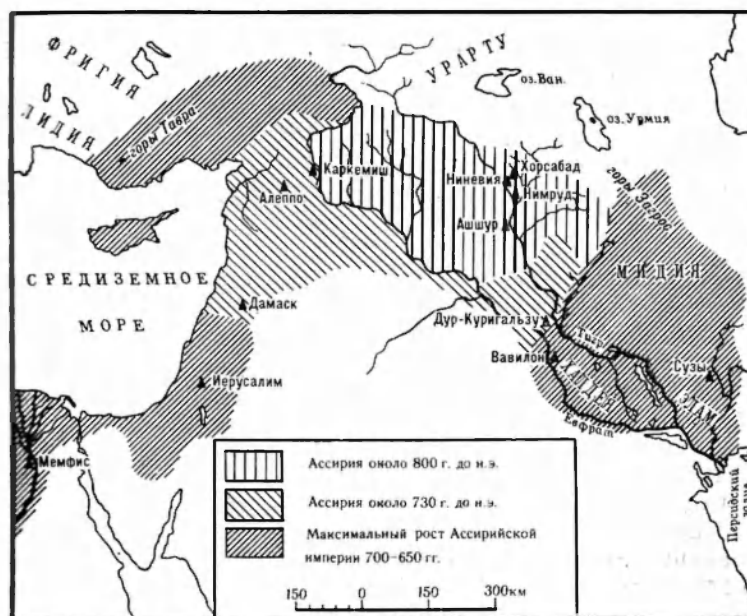
ществ с двумя парами крыльев, крылатых и с соколиными головами чудищ, бородатых мужчин в рыбьей чешуе. Правда, чаще всего эти изображения встречаются в виде терракотовых пластинок или фигурок, подобных тем, которые иногда находят зарытыми под полом домов в ритуальных целях. Они также занимают свое законное место в искусстве позднеассирийского времени.

Глава IX

ПОЗДНЕАССИРИЙСКИЙ ПЕРИОД. ИСТОРИЯ ИМПЕРИИ

В начале X в. до н. э. царь Ашшур-Раби II основал новую династию в Ашшуре; это событие знаменовало собой начало важной эпохи в истории Месопотамии. С приходом к власти его внука Ададнерари II (911—891 гг. до н. э.) начинается период экономической стабильности и военной экспансии, что привело в конце концов к созданию Ассирийской империи. Одной из главных задач Ададнерари считал окончательное установление границ своего государства и добился ее решения благодаря последовательному сочетанию успешных военных действий и политических маневров. Города, подобные Аррапхе (Киркук) на востоке и Гугане (Телль-Халаф) в верховьях р. Хабур на севере, стали главными укрепленными пунктами оборонной системы, в то время как небольшие арамейские государства в среднем течении Евфрата были присоединены к империи, чтобы обеспечить торговые связи с Сирией.

На начальном этапе этих мероприятий южная граница Ассирии с Вавилоном определялась условиями договора, текст которого сохранился в надписи, известной под названием «Синхронистическая история». К счастью, этот источник содержит также хронологию всех предшествующих пограничных столкновений между обоими государствами. Есть основание считать, что он совпадает с началом точной датировки исторических событий, так как его сведения подкрепляются свидетельством так называемых «списков лимму», которые дают последовательный перечень имен официальных лиц, ежегодно назначавшихся для руководства новогодними празднествами. Историческое значение этих «списков» заключается в том, что они использо-

Карта № 4. Ассирийская империя
(С. Эбрахим, по рисунку Постгейта, 1977 г.)

вались для датировки юридических и других важных документов.

Преемник Ададнерари Тукульти-Нинурта II решил расширить границы своего царства на север; при этом он впервые столкнулся с мушками (или фригийцами?), которые сменили хеттов на Анатолийской равнине, а также с «народом наири», основавшим позднее государство Урарту. После этого он прибег к тактике, используемой и большинством его преемников: объехал восточные и южные области, наказав те зависимые государства, от которых почему-либо не поступила вовремя дань, и под конец припугнул Вавилон. Тут царь задержался, чтобы обследовать руины древней касситской столицы Дур-Куригальзу.

Однако с археологической точки зрения самым замечательным из этих первых царей «железного века» Ассирии можно считать Ашшур-нацир-апала, поскольку именно он перенес столицу государства из Ашшу-

ра в дотоле ничем не примечательный город, расположенный в месте слияния Тигра и Верхнего Заба. Это был город Кальху — Калах Книги Бытия, — ныне известный как Нимруд: он был специально расширен и украшен. После перенесения и укрепления новой военной столицы Ашшур-нацир-апал выступил в поход, двигаясь к северо-западным переправам на Евфрате. До сих пор основным препятствием на этом пути оставалось могущественное государство со столицей в Тиль-Барсибе (Телль-Ахмар) вблизи Каркемиша; взятие его открыло войскам путь на Алеппо. Отсюда они продвигались, практически не встречая сопротивления, до самого Средиземного моря, где была собрана дань с прибрежных городов. Этот поход положил начало длительной истории завоеваний, во время которых ассирийские войска, уже под руководством преемников Ашшур-нацир-апала, прошли на запад до самого Египта.

Видимо, в течение какого-то времени зависимость левантских городов от Ассирии была весьма тяжелой, поскольку в период правления Салманасара III, сына Ашшур-нацир-апала, образовалась антиассирийская коалиция, которую возглавил Адад-Ири (возможно, Бен-Хадад Ветхого Завета), князь из Дамаска. Восстание было подавлено, а внутренние сирийские города, так же как Табал к северу от Алеппо и Ке в Киликии, подпали под власть Ассирии. С экономической точки зрения эти завоевания были очень выгодны Ассирии; они обеспечивали безопасность торговых путей на запад и доступ к рудным месторождениям в горах Тавра. Вместе с тем подавление Салманасаром восстания халдейских вождей против дружественного Ассирии Вавилонского государства на юге (эта победа изображена на подножии царского трона в Нимруде) позволило ему укрепить связь с торговцами Персидского залива, перевозившими через Дильмун (Бахрейн) товары из Индии и Аравии.

Нет смысла рассматривать здесь всю позднюю историю Ассирии; выделим лишь те события, которым соответствуют определенные археологические данные. Период правления пяти царей, преемников Салманасара III, представляет собой относительно затишье; стремление укрепить империю временно отошло на задний план, и цари почти не предпринимали усилий, чтобы помешать отпадению недавно завоеванных тер-

риторий. На севере в это время набирает силу государство Урарту, создавшее систему крепостей в районе оз. Ван; это государство ведет экспансионистскую политику и стремится лишить Ассирию доступа в Анатолию. Территория Урарту теперь простирается на восток до берегов оз. Урмия, а к 745 г. до н. э., когда на престол в Кальху вступил Тиглатпаласар III, урартские войска достигли на западе самой Сирии. Необходимы были активные действия, и Тиглатпаласар проявил себя правителем, способным справиться с трудностями, выпавшими на долю его страны. За время его правления Ассирия постепенно возвращает себе потерянные земли и вновь становится ведущей державой на Ближнем Востоке в экономическом и военном отношении. Этому возрождению во многом способствовали и успешные административные реформы Тиглатпаласара, посредством которых он реорганизовал всю систему управления как в самой Ассирии, так и в зависимых провинциях. Реформы подкреплялись учреждением особых постов вдоль главных караванных путей, что позволяло царю иметь постоянную связь с наместниками провинций. Вассальные государства, управляемые этими наместниками, были, кроме того, защищены внешним поясом «государств-клиентов», наделенных большей независимостью. Ко времени смерти Тиглатпаласара (727 г. до н. э.) его империя простиралась от границ Египта до Южной Вавилонии — единственного района, еще подверженного политической нестабильности. Именно здесь отложившиеся племена, руководимые Мардукапалиддином (в Библии он назван Меродах Баладаном), многие годы продолжали противиться власти Ассирии.

Дальше мы встречаем имена четырех великих царей, в правление которых, как уже говорилось, Ассирия не только оказалась на вершине власти, но и пришла в упадок. Что касается Саргона, то в настоящем исследовании нас меньше интересуют обстоятельства его вступления на престол и последующие военные победы, чем новая столица, основанная им. В местности, известной сейчас под названием Хорсабад, в 12 милях к северо-востоку от Ниневии, Саргон построил город площадью более квадратной мили и обнес его мощной стеной; город получил название Дур-Шаррукин. Общественные здания и укрепления были закончены в поразительно короткий срок, однако существу-

ют некоторые сомнения относительно того, удалось ли Саргону за 16 лет своего правления собрать здесь достаточное число жителей, чтобы Дур-Шаррукин можно было с достаточным основанием считать действительно крупным городом. Сам Саргон редко бывал здесь, и после его смерти в 705 г. до н. э. город был заброшен. Наследник Саргона Синаххериб предпочел вновь сделать столицей древнюю Ниневию, расположенную в удачном месте на восточном берегу Тигра; именно в ней — уже в третий раз — снова разместился блистательный ассирийский двор.

Синаххериб в хорошо известном тексте упрекает своих предшественников за пренебрежение к Ниневии. Он пространно и довольно подробно сообщает о собственных усилиях, предпринятых с целью поправить дело; значение его действий становится очевидным, если принять во внимание огромные размеры города, чьи руины видны сегодня с возвышенности на западном берегу р. Тигр. Стены Ниневии образуют неправильный прямоугольник длиной почти в 2,5 мили. Со стороны реки находится древний холм, форма и размеры которого были удобны для строительства дворцов и храмов. Снаружи, по свидетельству того же текста, Синаххериб разбил рощу и сады с редкими деревьями, вывезенными из отдаленных провинций; к этому был присовокуплен зоологический сад. Полагая, что воды Тигра недостаточно чисты, Синаххериб приказал построить канал длиной более 50 миль с каменными акведуками, по которому должна была поступать вода из горных родников на северо-востоке. Возле самого удаленного источника в скалах у Бавиана строительство канала было увековечено в каменных рельефах с изображениями ассирийских богов и надписями, в которых сообщалось также о прочих политических и военных достижениях Синаххериба. Согласно этим надписям и другим текстам из дворца в Ниневии, Синаххериб предстает перед нами величайшим воином и государственным деятелем со времен Хаммурапи.

Остановимся еще на двух заметных фигурах позднеассирийской истории. Первая — это Асархаддон, вступивший на престол после Синаххериба, убитого, вероятно, собственными родственниками. Именно ему

довелось осуществить самые дерзкие планы правителей Ассирии, вторгшись в Египет. Воспользовавшись временным отсутствием эфиопского правителя страны — Тарку, или Тахарки, — Асархаддон осадил и взял Мемфис, приняв после этого титул фараона — «царя Верхнего и Нижнего Египта». В Ниневии он успел построить новый дворец, где разместил часть египетской добычи, прежде чем поступило известие о том, что Мемфис снова взят Тарку. Асархаддон умер, так и не приняв ответных мер. В сохранившемся до наших дней документе Асархаддон оговорил переход ассирийского престола к своему сыну Ашшурбанапалу. Ему то и пришлось заново завоевывать Египет. На этот раз Мемфис был разрушен. Затем внимание Ашшурбанапала было привлечено к юго-восточной границе, где восстал Элам, заключивший незадолго до этого союз с Халдеей. Здесь он также добился победы; взятие эламской столицы Сузы во время этой кампании увековечено в известном рельефе из дворца Ашшурбанапала в Ниневии.

Двадцать пять лет спустя халдеям еще пришлось сыграть свою роль в событиях, которые привели в конце концов к разрушению Ниневии. В 614 г. до н. э. армия мидян под предводительством Киаксара вторглась в Ассирию, захватила Нимруд и полностью разрушила древнейшую столицу страны — Ашшур. Здесь мидяне встретились с вавилонянами; в результате был заключен договор между Киаксаром и халдейским царем Набопаласаром. На следующий год мидянам удалось заручиться поддержкой и скифских племен, живших к северу от их государства. Три народа объединились и пошли на Ниневию. После поразительно короткой осады город пал в 612 г. до н. э. и был почти полностью разрушен. Уцелевшие беженцы нашли себе убежище в Харране на северо-западной границе Ассирии.

Ранние раскопки ассирийских городов

Этот краткий обзор последнего этапа династической истории Ассирии был необходим для того, чтобы, во-первых, дать представление о хронологии, а во-вторых, познакомить читателя с местами археологических открытий, о которых мы сейчас расскажем. Описанию

разнообразия и богатства этих открытий посвящены толстые тома, равно как и обширные комментарии к ним. Совершенно ясно, что здесь может быть полезен лишь выборочный анализ сведений, полученных в результате этих открытий.

Прежде всего следует отметить различие между двумя типами раскопок, проводившихся на развалинах ассирийских городов. Они далеко отстоят друг от друга во времени и по-разному связаны с современными им археологическими принципами. К первому типу относятся исследования выдающихся пионеров — археологов XIX в. Цель их раскопок — обнаружить, извлечь древние памятники и увезти их в музеи; при этом исследователей не интересовало окружение, в котором были найдены эти памятники. Начало подобным раскопкам положил в 1842 г. П. Э. Ботта, открыв Хорсабад, за ним два года спустя последовали первые раскопки Лэйярда в Нимруде. Этот период продолжался (с кратким перерывом во время Крымской войны и на несколько лет после ее окончания) до 1877 года — года смерти Джорджа Смита, обнаружившего и определившего клинописный вариант сказания о Всемирном потопе.

Раскопки, которые можно отнести ко второму типу, — они ведутся и сегодня — отличаются тем, что внимание исследователей привлекают также стратиграфия и окружение памятников. Они начались в 1927 г., когда американские археологи вернулись в Хорсабад, а позднее были продолжены английскими археологами в Нимруде. Мы не будем здесь подробно рассказывать о жизни и приключениях первых археологов, занимавшихся Ассирией. Можно лишь восхищаться их преданностью делу и настойчивостью, которые они проявили, несмотря на скептическое недоверие и даже прямое противодействие. В конце концов они были вознаграждены за свои усилия, когда широкие общественные круги оценили романтическое обаяние их находок; им удалось тогда забыть на время о недоброжелательстве и международном соперничестве, омрачавшем их взаимные отношения и позднее выродившемся в недостойную борьбу за археологическую добычу. История этих раскопок популярно изложена в одной из работ автора этих строк, а также — еще более объективно — рядом французских и немецких исследователей [110]. Наша цель сейчас — описать ме-

ста, где проводились эти археологические раскопки, и идентифицировать обнаруженные памятники и сооружения в свете последующих более тщательных исследований.

Нимруд (Кальху)

Город Кальху, заложенный Ашшур-нацир-апалом II (883—859 гг. до н. э.) в начале его царствования и значительно выросший впоследствии, первоначально представлял собой почти правильный квадрат со стороной около 1,25 мили [129, т. I, гл. 1; 144, гл. 3]. С западной стороны естественной границей ему служил Тигр, а с южной — канал, куда отводилась вода из Верхнего Заба. На холме, образованном остатками прежних поселений в юго-западном углу квадрата, разместились главные дворцы и храмы. В юго-восточном углу был построен царский арсенал, также обнесенный стеной.

Именно холм цитадели сразу же привлек внимание Лэйярда, когда он приступил здесь к раскопкам в ноябре 1845 г. [98; 100]. В том виде, в каком цитадель сохранилась до наших дней, несколько пострадав от дождей, она представляет собой стены в форме ромба с остатками небольшого зиккурата в северо-западном углу. Первые же траншеи, прорытые Лэйярдом, неожиданно обнажили стены и скульптурные украшения резиденции самого Ашшур-нацир-апала (позднее известной под названием Северо-западного дворца), выходящей к реке южнее зиккурата. Именно здесь Лэйярд впервые обнаружил помимо настенных рельефов дверные проемы, обрамленные изображениями охраняющих дворец крылатых быков или львов с высокими фигурами «гениев» за ними. Раскопки какое-то время велись в основном в покоях вокруг «церемониального зала» дворца. Там были обнаружены бронзовые фигурки, алебастровые сосуды, а также осыпавшиеся фрагменты настенной росписи, которые Лэйярду сохранить не удалось.

Первый этап работы Лэйярда в Нимруде продолжался до 1847 г.; к этому времени он обнаружил и обследовал несколько других зданий. Там же, на берегу реки, был обнаружен и так называемый Западный дворец Ададнерари III и Юго-западный дворец, построенный или восстановленный Асархаддоном, кото-

рый использовал для него скульптуры, предназначавшиеся для дворца Тиглатпаласара III. Имя последнего на многих надписях из Центрального дворца часто объединяется с именем Салманасара III. Как раз вблизи этого сооружения Лэйярд нашел знаменитый «Черный обелиск» (ныне находящийся в Британском музее) с изображением сцен принесения дани; среди данников фигурирует и «Иеху, царь Израиля». Наконец, под выступом в юго-восточном углу холма он расчистил несколько покоев дворца, построенного, видимо, очень поздним ассирийским царем по имени Ашшур-этель-илани. В этом дворце через 100 с лишним лет сделал свои важные находки Мэллоун. В 1847 г., когда Роулинсон в Багдаде существенно продвинулся в чтении клинописи, Лэйярд понял, что город, который он раскапывает,— не Ниневия, а Кальху.

Лэйярд вернулся в Нимруд в 1849 г., после выхода в свет его книги «Ниневия и ее руины». На этот раз он привез с собой художника (Купера, позднее его сменил Белл), который должен был взять на себя труд, отнимавший у Лэйярда слишком много времени,— перерисовывать рельефы. В течение последующих двух лет Лэйярд сделал в Северо-западном дворце новые находки, в том числе несколько сот бронзовых предметов, инкрустированных слоновой костью и даже стеклом. У подножия зиккурата он обнаружил храм, посвященный Нинурте и вымощенный плитами, надписи на которых содержали анналы царствования Ашшур-нацир-апала. В святилище была найдена и почти не поврежденная статуя этого царя, занявшая свое место в Британском музее среди редких образцов ассирийской скульптуры. Однако в 1850 г. Лэйярд начал раскопки дворцового холма Ниневии, где открытием дворца Синаххериба закончил свою полевую археологическую работу.

С 1852 по 1854 г. исследования Лэйярда были продолжены его ассистентом Ормуздом Рассамом — братом британского представителя в Мосуле и местным уроженцем. Ормузд Рассам прославился беззастенчивым прагматизмом своих археологических методов, равно как и пренебрежением к общепринятым международным этическим нормам [163]. В юго-восточной части цитадели Нимруда Рассам обнаружил комплекс храма бога Набу, который впоследствии был более

тщательно раскопан экспедицией Мэллоуна. Здесь Рассам нашел статуи; две из них были посвящены Ададнерари III и его матери Саммурамат (Семирамиде), а также стелу Шамши-Адада V. Однако теперь он был слишком занят раскопками в Ниневии, чтобы надолго покидать Мосул. В 1854 г. Роулинсон поручил продолжение работ в Нимруде В. К. Лофтусу, который более известен своими раскопками шумерских городов на юге [105]. Лофтус сделал важную находку в здании, расположенном к западу от храма Набу и получившем название Сгоревший дворец. Находка представляла собой прекрасную серию резных предметов из слоновой кости; после исследования, проведенного с некоторым опозданием специалистами Британского музея в 50-х годах XX в., стал возможен стилистический анализ ремесленного искусства этого периода.

Хорсабад

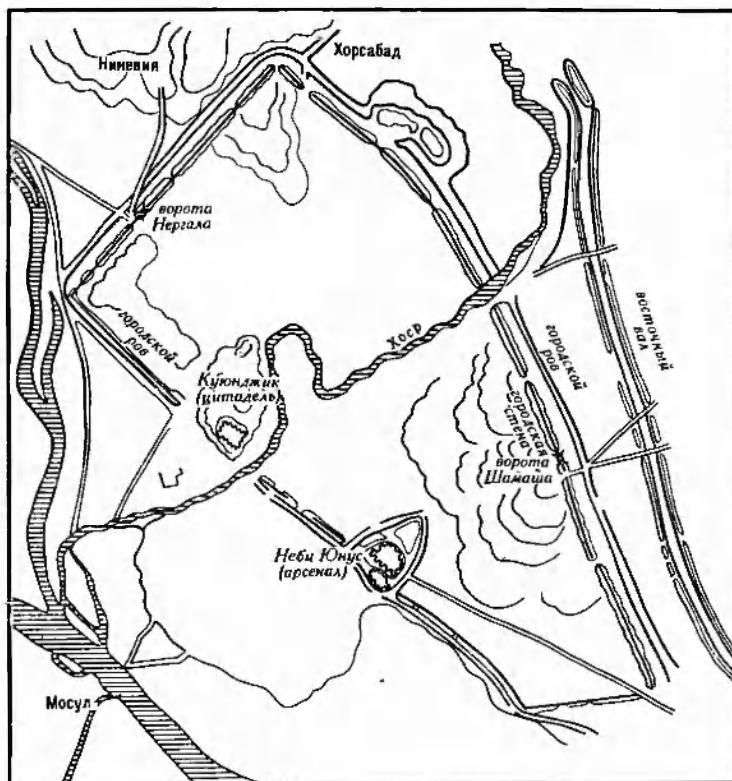
За три года до открытия Лэйярдом Нимруда французским консулом в Мосуле был назначен Поль Эмиль Ботта. Уже в 1842 г. он начал, хотя и без особого успеха, предварительные раскопки на холме Куюнджик в Ниневии. Рабочие, занятые в экспедиции, рассказали ему о древних скульптурах, незадолго до того найденных в Хорсабаде, в 12 милях к северо-востоку от Куюнджика под большим холмом на р. Хоср. В марте 1843 г. Ботта перебрался туда и скоро уже раскапывал сооружение, которое, как мы знаем сейчас, оказалось дворцом царя Саргона II. Успех пришел быстро, а находки очень походили на те, которые через два года так поразили Лэйярда в Нимруде. Через год к экспедиции Ботта присоединился Э. Фланден — замечательный рисовальщик, старательно перерисовывавший рельефы и другие скульптурные изображения, извлекаемые из-под земли в огромном количестве [24].

В Хорсабаде Саргон, как и в Нимруде, выбрал небольшой древний холм, который легко можно было приспособить под основание дворца. Город был построен в виде квадрата со стороной более мили; его окружала стена с башнями и семью воротами. Приподнятая площадка дворца примыкала к северо-западной городской стене, а со стороны города была защищена (как обнаружили американские археологи в 30-х годах XX в.) внутренней цитаделью, заложенной на бо-

лее низком уровне—на том же, что и все прочие общественные сооружения. Так же как и в Нимруде, в южной части города находился царский «арсенал». В соответствии с ассирийской традицией сам дворец Саргона располагался вокруг двух главных дворов, меньший использовался для церемоний.

Что касается раскопок Ботта, то, как следует из пятитомного отчета о работе, опубликованного им совместно с Фланденом в 1849—1850 гг., они ограничивались расчисткой величественной анфилады залов в северо-западной части дворца. Раскопки продолжались до 1846 г. После политических событий 1848 г. в Париже Ботта почему-то впал в немилость и был вынужден занять незначительный дипломатический пост в Леванте. К тому времени он, подобно Лэйярду, понял, что город, который он раскапывал,—отнюдь не Ниневия, как ему представлялось раньше.

В 1852 г. место Ботта в Хорсабаде занял Виктор Плейс. Главным его помощником был художник Феликс Томас; именно последнему мы обязаны единственным уцелевшим описанием основных находок этой французской экспедиции [160]. Экспедиция выяснила общую планировку дворца, а наиболее сохранившиеся скульптурные изображения вместе со многими более мелкими находками были подготовлены для отправки в Париж. Согласно расчетам самого Плейса, к концу 1853 г. сотрудники экспедиции расчистили 209 помещений, располагавшихся вокруг 31 двора, и, кроме того, три храма и небольшой зиккурат. Плейс определил протяженность городских стен, толщина которых достигала 24 м, и обследовал 7 ворот, порталы трех из которых были украшены скульптурными фигурами, а одни (на плане—ворота № 3)—сводчатые, с архивольтами—почти полностью сохранились. В 1855 г., закончив описание находок, он был готов к возвращению во Францию. Вот тут-то и произошла катастрофа, история которой хорошо известна. Скульптуры из Хорсабада благополучно довели до Багдада, где вместе с древностями из других поселений они были упакованы в 235 ящиков и погружены на большое судно и два плота-келека, направлявшиеся в Басру. Вблизи Курны, где в Тигр впадает один из рукавов Евфрата, этот караван судов подвергся нападению враждебных племен и все суда были потоплены. К счастью, груз, отправленный Ботта в 1847 г., благополучно прибыл во Фран-

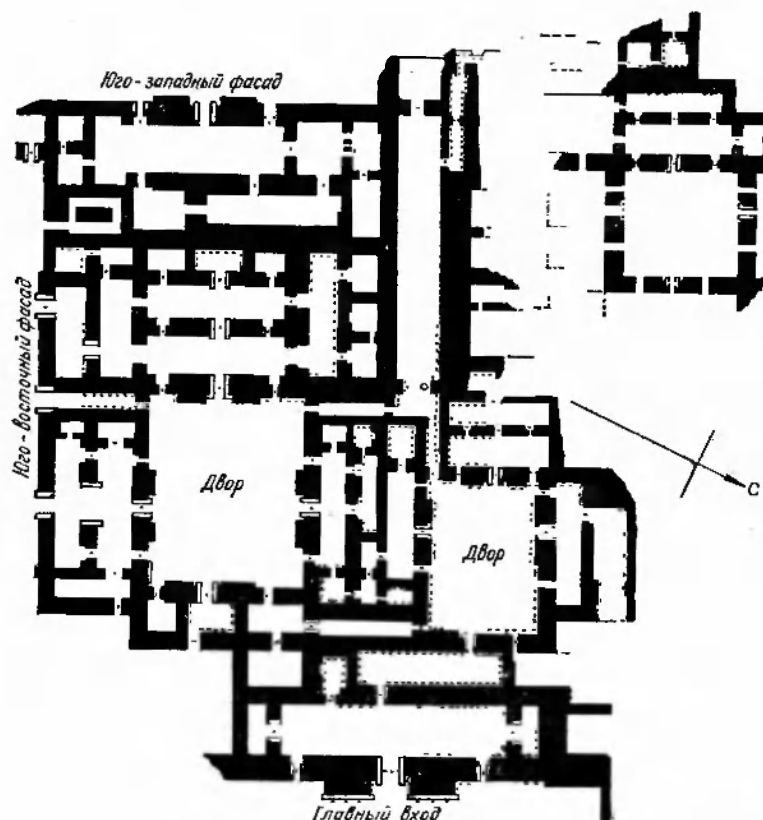

План города и укреплений Ниневии
в позднеассирийский период (по Хоуксу, 1974 г.)

цию, так что ныне эта скромная коллекция, а также две фигуры крылатых быков в Британском музее — это все, что осталось от французских находок в Хорсабаде [66].

Ниневия

Как уже говорилось, развалины Ниневии в описываемый период привлекали внимание как английских, так и французских археологов. Городские стены, ныне оказавшиеся на некотором расстоянии от Тигра, образуют неправильный прямоугольник периметром почти

План дворца Синаххериба в Ниневии (по Патерсону, 1912 г.)

7,5 мили с внешним валом и рвом с восточной стороны [86]. Дворцовый холм, известный под турецким названием Куюнджик, отмечает границу западной стены, выходившей на реку. Милей южнее расположен второй холм меньшего размера, скрывающий руины ассирийского арсенала. На вершине второго холма сейчас стоят дома арабской деревушки, в центре которой находится мусульманское святилище, связанное с именем пророка Ионы (Наби Юнуса). Четко определено местоположение городских ворот: Ворота Нергала, на которых до сих пор сохранились изображения стражей-охранителей, расположены в северной стене, а Ворота Шамаша — в восточной [51, с. 9 и сл.; 120; 121].

Эти и другие ворота вместе с прилегающими крепостными укреплениями недавно были расчищены и частично восстановлены.

Во время своей первой экспедиции в Нимруд Лэйярд продолжил предварительные раскопки Ботга в районе холма Куянджик в Ниневии; однако лишь в июне 1847 г. его ожидания оправдались. В южном углу цитадели он обнаружил стены огромного сооружения, которое оказалось главным дворцом Синаххериба. Из-за необходимости вернуться на время в Лондон Лэйярду пришлось отложить дальнейшее обследование дворца. После возобновления работ в 1849 г. он вначале был разочарован, обнаружив, что дворец пострадал от огня — возможно, во время разграбления Ниневии в 612 г. до н. э. Урон, однако, оказался меньше, чем он ожидал; значительная часть скульптурных украшений сохранилась. В 71 покое, обследованном Лэйярдом, было расчищено более двух тысяч плит с рельефами, а в двух маленьких комнатах (на плане Лэйярда они обозначены номерами 40 и 41) было найдено множество глиняных табличек, составлявших некогда библиотеку Синаххериба, — огромное собрание текстов, включавшее в себя и описание событий, относящихся ко времени его царствования (план см. [100, т. I, с. 67]).

Тогда же Лэйярд предпринял менее успешную попытку вести раскопки в незаселенной части холма Наби Юнуса. Здесь он обнаружил надписи Ададнерари, Синаххериба и Асархаддона, однако враждебность местного населения вынудила его прекратить работу. В 1851 г. он навсегда оставил раскопки, передав руководство ими Ормузду Рассаму.

В свое время Лэйярд договорился с Виктором Плейсом, что раскопки английских археологов должны ограничиться южной частью холма Куянджик, и теперь Плейс начал отстаивать свое право обследовать его северную часть. Рассам, вернувшийся в Мосул в 1852 г., стал оспаривать это соглашение и, оказавшись вынужденным в силу обстоятельств работать под покровом темноты, тем не менее сумел обнаружить огромный Северо-западный дворец Ашшурбанапала, на который и предъявил права от имени Британского музея. Как оказалось, помимо знаменитых скульптурных изображений «Львиной охоты» в здании находилась также недостающая половина библиотеки Синах-

хериба. Ее находка явилась триумфом британских раскопок в Ниневии. Они были завершены в 1874 г. Джорджем Смитом; тщательно исследуя выбранную землю, оставшуюся после раскопок Рассама, Смит нашел недостающий фрагмент текста о Всемирном потопе.

Справедливости ради следует добавить, что вершинной последовательных изысканий самого Рассама было открытие им в 1878 г. Имгур-Энлиля, «поместья» ассирийских царей в Балавате, в 25 милях восточнее Мосула. Здесь из довольно низкого холма ему удалось извлечь две пары огромных бронзовых ворот, поставленных Ашшур-нацир-апалом и Салманасаром III соответственно у входа во дворец и в храм (план дворца Ашшурбанапала см. [163, с. 8; 87; 20]). В дальнейшем мы остановимся подробнее на описании этих ворот, а также на третьих воротах, обнаруженных Мэллоуном.

Американские раскопки в Хорсабаде

Из приведенного выше рассказа о раскопках развалин позднеассирийских городов читатель, должно быть, уже понял, что светские здания там преобладают над храмами. Цари-императоры той эпохи больше заботились о возведении укреплений и планировке вычурных царских дворцов, чем о религиозных храмах, которые зачастую просто присоединялись к первым. По мере того как на смену одному властелину приходил другой, дворцов становилось все больше, они расширялись или реконструировались: как правило, при этом не принималось во внимание ни состояние, ни размеры огромных платформ, на которых они стояли. Так обстояло дело в Нимруде; в еще большей степени это характерно для Ниневии, археологическое описание которой, к сожалению, и по сей день остается крайне неполным.

Напротив, если обратиться теперь к Хорсабаду, нашим взорам предстанет город, который был построен, заселен и оставлен — и все за период жизни одного поколения. Его развалины, описание которых не осложнено проблемой рассмотрения различных археологических слоев, раскапывались и тщательно исследовались в течение долгого времени. Именно поэтому он может служить своего рода образцом, достоверно от-

ражающим принципы планировки и сооружения зданий, которых придерживались тогдашние строители.

Американские археологи, которые возвратились в Хорсабад в 1928 г., значительно дополнили число находок, сделанных их французскими предшественниками. После предварительной расчистки «неукрашенных» городских ворот (на плане — № 7) они продолжили раскопки дворца и вывезли ряд скульптурных изображений, от которых в свое время отказался Ботта ввиду несовершенства транспортных средств [106]. В 1930 г. были найдены вторые ворота (А), украшенные крылатыми быками и «гениями»; за этой находкой последовало открытие внутренней цитадели. Когда во главе раскопок стал Гордон Лауд, он потратил несколько лет на расчистку многочисленных зданий, заключенных внутри цитадели, а также на попутное изучение большого здания — «арсенала», расположенного в южном углу городища (это сооружение было известно Плейсу как «Дворец F») [107].

Во время раскопок Лауда в цитадели был заново снят топографический план, что потребовало проверки и уточнения плана Плейса [107; 181, с. 445—447]. В конечном итоге это привело к поразительному выводу о примитивности строительных приемов ассирийцев, применявшихся на начальных этапах возведения зданий. Даже сами фундаменты зданий оказались асимметричными, а общая планировка зданий цитадели — настолько случайной, что это явно затрудняло их использование. Со стороны «ворот А» возле мощеной улицы под нелепым углом к ней стоял большой храм, посвященный богу Набу. Это сооружение благодаря специальной платформе было поднято до уровня дворца, из последнего в него попадали по мосту, проходившему над дорогой. За храмом открывалось свободное пространство, откуда широкий пандус вел к главному portalу дворца, напротив же (также несколько сбоку) находился второй — вспомогательный — вход в цитадель. В другом месте внутри этих стен Лауд раскопал пять дворцов меньшего размера, планировка которых была явно с трудом подогнана к существующим площадкам. Это странное отсутствие предварительного планирования, видимо, составляло характерную черту монументального строительства во все периоды истории Месопотамии.

Как уже было отмечено, главный дворец, парад-

ные покои и залы официальных приемов располагались вокруг внутреннего двора, над которым с одной стороны возвышалась скульптурная композиция с изображением крылатых быков и других существ, охранявших три входа в «тронный зал». Последний представлял собой огромное прямоугольное помещение высотой до 12 м, стены которого снизу доверху украшала роспись. В одном его конце стоял царский трон, отделанный рельефной резьбой, в другом конце находился выход, ведущий к лестнице, по которой можно было подняться на плоскую крышу. Дверь вблизи трона вела через длинную «гардеробную» в небольшой дворик; вокруг него группировались жилые комнаты. Подобное устройство «тронного зала» со вспомогательными покоями и лестницей, видимо, было обычным архитектурным решением в ассирийских дворцах. В Хорсабаде оно легко прослеживается в «приемной анфиладе» меньших зданий нижней цитадели. Такой же архитектурный прием определяет единую композицию отдельной группы залов для официальных приемов в северо-западном крыле дворца Саргона, где двери ведут на открытую террасу. Лауд обнаружил аналогичное расположение покоев и в жилой части южного «арсенала» [185, с. 177 и сл.].

Что же касается культовых зданий, то наиболее впечатляющим является храм Набу с его двумя внешними дворами и удобно расположенным святилищем. Помимо него Лауд раскопал группу из трех небольших храмов, присоединенных к юго-западному крылу дворца. В одном из них — храме Сина — хорошо сохранился фасад. Рифленые плиты по обе стороны его сводчатого входа поднимаются вверх с небольших выступающих площадок, украшенных орнаментом из ярких изразцов. Рядом с каждой из них стояла искусственная пальма, а также женская статуя с «изливающейся вазой», что очень напоминает настенную роспись из Мари.

Маленький зиккурат, примыкавший к этим храмам, слишком разрушен, чтобы о нем можно было что-то сказать. Однако, если верить реконструкции Плейса, зиккурат некогда имел винтовую лестницу, разделявшую его на части, раскрашенные в разные цвета [61, рис. 32, с. 79].

Сейчас вскрылись любопытные факты, связанные со зданием «арсенала» в Хорсабаде, которое Лауд

ошибочно принял за резиденцию Синаххериба в то время, когда тот был еще наследным принцем. Каменные основания колонн, найденные Плейсом на месте развалин «арсенала», напомнили исследователям о надписи Саргона, в которой говорится, что он построил дворец сирийского типа, известного под названием Бит хилани, с балконом на колоннах напротив «тронного зала». Однако Лауд сумел доказать, что положение колонн здания не соответствует этой версии и поэтому Бит хилани Саргона следует искать в другом месте [60]. Едва ли стоит еще говорить о планировке здания, поскольку «арсенал» такого типа был позднее полностью раскопан Мэллоуном в Нимруде.

Строительные конструкции

В Хорсабаде стены строились из глиняных кирпичей. В противоположность обычной практике скрепляющий раствор употреблялся здесь очень редко; кирпичи лишь слегка высушивались после формовки и затем укладывались еще влажные, мягкие. Для облицовки зданий и мощения улиц применялся обожженный в печах кирпич. Городские стены, толщина которых достигала у основания 20 м и более, были облицованы тесаным камнем на 1,10 м над землей. Под этой облицовкой был неотесанный камень, из которого выкладывался фундамент верхней кирпичной кладки, завершавшейся парапетом с бойницами и каменными зубцами. Здесь, как и повсюду в Ассирии, в местных карьерах легко добывался камень, который можно назвать гипсовым алебастром (сейчас он известен как «мосульский мрамор»); его можно было выламывать очень крупными плитами. Фундамент дворца облицован каменными плитами весом каждая до 23 т и длиной 2,7 м. В основном же камень использовался для порталных скульптур, а также для плит ортостатов с резными барельефами. Последние применялись только внутри здания, образуя декоративную полосу *dado* вдоль основания стен. Американцы обнаружили, что ряды этих плит были установлены и рельефы на них вырезаны *in situ*, до того, как была надстроена кирпичная кладка [107, с. 19]. В тех случаях, когда такие плиты оказывались по обе стороны стены, щель между ними заполнялась строительным мусором, частично

состоявшим из обломков камней. Из камня также делали пороги главных дверей; в этом случае укладывались большие плиты, резьба на которых имитировала ковры [61, рис. 40, с. 103].

Что касается крыш, то их следы были обнаружены на городских воротах, имеющих бочкообразный кирпичный свод; свод из кирпича применялся и при строительстве канализационной системы дворцовой платформы. Однако, как убедился Лауд, в самом дворце, как правило, потолки были плоские, иногда с крашеными балками. Деревянных было сравнительно много: Лауд определил кедр, кипарис, можжевельник и клен; по размерам найденных упавших стропил он заключил, что длина бревен позволяла перекрывать самые широкие комнаты.

Позднеассирийская скульптура

По той или иной причине скульптурные изображения, относящиеся к этому периоду, встречаются крайне редко. До нас дошло несколько отдельных скульптурных портретов царей; наиболее сохранившиеся экземпляры — это портреты в половину натуральной величины. Изображение Ашшур-нацир-апала II, найденное в храме Нинурты в Нимруде, которое может считаться типичным образцом, обычно характеризуется как «неинтересное и безликое», — и все же фигура царя, стоящего с непокрытой головой и задрапированного в простое покрывало с каймой — придворное одеяние в Ассирии, — не лишена достоинства [61, табл. 82].

Самый же примечательный и характерный вид скульптурных изображений — это фигуры хранителей *lamassu*, которыми украшались ворота и дворцы ассирийских городов. Расположение этих колоссальных фигур крылатых быков и львов с человеческими головами было рассчитано на то, что на них будут смотреть с двух сторон, поэтому лицо можно было видеть со стороны дверного проема, а дополнительная пятая нога придавала им естественный вид при взгляде и спереди, и сбоку. Каждое из этих монолитных чудищ представляло собой частично барельеф, а частично круглую скульптуру и было высечено из одной каменной плиты размером до 5,5 кв. м. Из каменоломни грубо обтесанная плита перевозилась (часто по реке)

к месту назначения, где и устанавливалась перед окончательной отделкой.

Наиболее значительные достижения позднеассирийских скульпторов связаны с работой в области барельефа. Создание в этой технике фигурных композиций для украшения внутренних стен само по себе было уже большим достижением; способность же выражать абстрактные идеи поднимает плоды их ремесла до уровня подлинного искусства.

Что же касается сюжетов рельефов, то со времени Ашшур-нацир-апала они сводились по большей части к изображению победоносных походов царя. По словам Г. Франкфорта, «мы видим продвижение войск, покоряющих, сжигающих и наказывающих одну страну за другой». Часто повторяющийся мотив — боевая колесница; обычно встречаются изображения колесниц, преследующих отступающего врага, в то время как пехота добывает раненых, брошенных на поле битвы. «Соппротивление сосредоточивается в городе; его берут штурмом, предводители восстания пронзены копьями... а неумолимое войско на колесницах продолжает свой победный путь». Некоторое разнообразие достигается здесь благодаря схематичному изображению окружающей природы, на фоне которой происходят события, а также этнических характеристик, присущих различным врагам Ассирии. Зачастую эти мотивы разработаны старательно, живо и реалистично, что кажется особенно замечательным, если учесть ограниченность техники, в которой работали художники, а также их полное незнание законов перспективы. Изобретательность, с которой передавалась перспектива, не имеет себе аналогов в догреческом искусстве.

Военные походы царя обычно происходили в определенное время года. В перерывах между походами царь развлекался охотой, представлявшей еще один очень популярный сюжет барельефов. Этот сюжет находит себе лучшее выражение в резьбе более позднего периода, но есть и серия удачных охотничьих изображений, относящихся ко времени правления Ашшур-нацир-апала [61, табл. 87]. На них представлена, правда, охота в загоне, образованном щитами воинов, куда выпускали львов, и царь мог стрелять по ним со своей колесницы. После охоты царь изображался в сопровождении придворных и музыкантов, совершающим возлияния над телами убитых животных.

Покрытые барельефами плиты, относящиеся к этому периоду, достигают 2 м в высоту, а изображения на них расположены в двух регистрах. Однако важная сцена этой серии, на которой царь отдыхает и подкрепляется после охоты, занимает всю высоту плиты. Эта сцена представляет собой как бы эпилог, а изображения духов-защитников по обе стороны от царя напоминают зрителю о божественном покровительстве, которым пользуется монарх. Подобные же изображения «гениев», обращенные лицом к «дреvu жизни», вновь появляются на большой отдельной плите, расположенной за тронem в «тронном зале» северо-западного дворца в Нимруде [61, табл. 90]. Эта плита походит на роскошную настенную драпировку, ее композиция повторяется также на узоре вышивки мантии Ашшур-нацир-апала [61, табл. 41, с. 104]. Как ни странно, религиозная символика появляется на этих скульптурных композициях довольно редко.

Во время правления Салманасара III впервые встречается другой вариант рельефного украшения; его можно увидеть на больших бронзовых воротах в Балавате. Эти ворота представляют собой двустворчатые деревянные двери, каждая из «створок» которых — шириной 1,8 м и высотой 6,1 м — укреплена сбоку на круглой колонне из того же материала. Створки украшались горизонтальными бронзовыми пластинками шириной 28 см, толщиной около 2 мм, причем пластинки пересекали всю дверную створку и продолжались вокруг боковых колонн. Изображения на них созданы методом чеканки, а сцены на рельефах подобны вырезанным на камне. Поскольку вдоль каждой пластинки идут две каймы, высота изображений не превышает 13 см. Сюжеты опять-таки носят повествовательный характер, однако они выглядят живо и впечатляюще [181, табл. 209—214]. Мы видим победу над халдеями на фоне пальм Нижней Месопотамии; захват островной крепости Тир на побережье Средиземного моря и перевозку дани ее властителя на лодках в ассирийский лагерь; холмы и леса на юге Урарту, мешающие продвижению войск. Более необычный эпизод запечатлен в связи с продвижением на север; в горной пещере царь, по-видимому, обнаружил исток Тигра и совершает надлежащее жертвоприношение вместе с воинами, стоящими по пояс в воде, а в это время скульптор высекает на камне барельеф, дабы

увековечить это событие [87]. Третья пара ворот из Балавата, ныне восстановленная и возвращенная Иракскому музею, дополняет ту же историю новыми эпизодами [19, с. 442 и примеч.].

После того как началось возрождение Ассирии в середине VIII в. до н. э., Тиглатпаласар III построил себе дворец-поместье в Тиль-Барсибе (Телль-Ахмар) на Евфрате в Сирии. В этом дворце вместо каменных барельефов применялась настенная роспись [183]. Изображения нанесены красной, синей и черной красками по белому гипсу, а сюжеты их подобны тем, которые представлены на каменных рельефах. Эпизоды царских походов перемежаются сценами охоты, а место порталных скульптур занимают крылатые «гении». После реставрации в Лувре эти фрески были сравнительно недавно опубликованы [157, табл. I—IV, рис. 109—120, 266 и 336—348].

В каменных барельефах дворцов наследников Тиглатпаласара, построенных в VIII и VII вв. до н. э., появляется ряд новых особенностей. В залах для официальных приемов в Хорсабаде мы видим вместо нарративных изображений статичные композиции, представляющие дворцовый церемониал. Огромные фигуры царя и придворных, некоторые достигают 2,75 м высоты, следуют друг за другом или противостоят друг другу согласно строгому церемониалу; еще заметны следы краски, которая покрывала их волосы, бороды и открытые части тела. Возможности, которые открывались на этих более обширных пространствах, позднее, во время царствования Синаххериба, были использованы художниками для композиций совсем другого рода. Благодаря величине изображений появилась возможность более пространно трактовать исторические эпизоды, добавляя к центральной теме сопутствующие события. С этой целью художники часто отказывались от деления изображения на горизонтальные полосы. Одно изображение могло теперь занимать всю плиту, при этом допускались новые способы передачи расстояния или степени важности отдельных элементов изображения. Панорамному эффекту этих композиций способствовали и новые детали пейзажа.

Здесь невозможно даже просто перечислить все многочисленные сюжеты, избиравшиеся художниками этого периода [181]. Многие изображения посвящены сценам насилия и разрушительным последствиям ка-

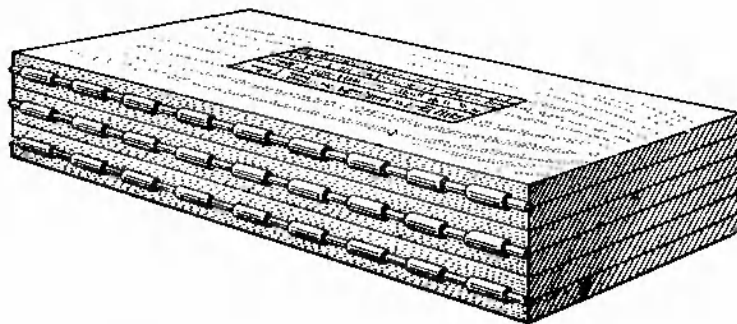
рательных военных экспедиций. Некоторые из них представляют особый интерес благодаря сопровождающим надписям, позволяющим четко определить исторические события и даже отдельных действующих лиц. Синаххериб изображен принимающим своих военачальников и пленников после капитуляции Лахиша в Палестине; или же он показан во время одного из своих походов в болотах Южной Месопотамии наблюдающим с острова за своими воинами, которые на лодках преследуют врага в камышовых зарослях и изобилующих рыбой водах лагуны. Ашшурбанапал празднует в окружении музыкантов захват Суз (фоном этой сцене служит вид города, изображенного как бы с высоты птичьего полета); он же созерцает ужасные последствия тяжелого боя; порой мы видим его с женой отдыхающим на ложе в беседке из виноградных лоз [181, табл. 241].

В последний период существования ассирийской рельефной резьбы по камню с особой тщательностью выполняются изображения животных. Вершины совершенства они достигают во время царствования Ашшурбанапала, когда особенно популярными сюжетами становятся охотничьи сцены с изображениями львов, диких ослов и газелей. В них — возможно, намеренно — звучит поэтическая нота, и симпатии зрителей явно на стороне «умирающей львицы» или «самки онагра», вынужденной покинуть своих детенышей.

Большую ценность с археологической точки зрения представляют запечатленные на рельефах подробные свидетельства о внешнем виде и характерных особенностях самих ассирийцев, а также соседних народов, с которыми последние сталкивались во время военных действий. В результате тщательного изучения этих памятников изобразительного искусства нам известны мельчайшие детали военного снаряжения и способы его применения, что невозможно было бы выяснить на основе одних лишь письменных источников. В тех аспектах повседневной жизни ассирийцев, которые нашли себе отражение в барельефных изображениях, осталось не так уж много белых пятен.

Возвращение англичан в Нимруд

Здесь следует остановиться также на находках, сделанных британской археологической экспедицией под руководством М. Мэллоуна. Эта экспедиция воз-

Реконструкция части «книги», найденной в Нимруде.
Она представляет собой «листы» из слоновой кости
(33,8×15,6 см.), покрытые слоем воска
и соединенные петлями (по Мэллоуну, 1966 г.)

вратилась в Нимруд в 1949 г. и проработала там еще 14 лет [129]. Вначале Мэллоун сосредоточил усилия на исследовании Северо-западного дворца, «центральный церемониальный» комплекс которого, раскопанный Лэйярдом, включал и большой «тронный зал» (план цитадели см. [129, рис. 1, с. 32]). Первая его важная находка была действительно сделана в боковых покоех, непосредственно примыкающих к трону. Там была обнаружена памятная стела Ашшур-нацир-апала II с рельефным изображением царя и надписью из 153 строк, покрывающей обе стороны камня. Этот памятник представляет особый интерес, поскольку он содержит описание церемоний и празднеств, приуроченных к официальному открытию дворца в 879 г. до н. э., вплоть до подробностей приготовления праздничной трапезы на 69 574 человека, длившейся десять дней. Другие сообщения подобного рода позволили Мэллоуну примерно подсчитать население Кальху после того, как Ашшур-нацир-апал сделал его своей столицей. Цифра, которая у него получилась, — не менее 86 тыс. человек, включая детей, — представляет собой интересную параллель к «ста двадцати тысячам жителей», приписываемых Ниневии в Ветхом Завете (Иона IV, 11).

Одновременно Мэллоун обследовал два глубоких колодца в восточном «жилом крыле» дворца. В одном

из них (на плане — АВ), частично раскопанном Лэй-ярдом, была сделана находка, значение которой выяснилось в полной мере лишь после ее исследования в лаборатории Британского музея. Это была своеобразная «книга», состоящая из пятнадцати или более «листов», соединенных золотыми петлями, так что «книга» могла раскрываться в обе стороны подобно японской ширме. Края «листов», сделанные из дерева и слоновой кости, были приподняты, чтобы защитить восковую поверхность, на которой процарапывался клинописный текст. В тексте насчитывается несколько тысяч строк. На «обложке» стояло имя Саргона II, а также название «книги» и указание, что она должна храниться в Новом царском дворце в Дур-Шаррукине (Хорсабаде). До сих пор письменные документы этого периода, запечатленные на воске, были найдены только во Фригии. Однако Мэллоун помнил о более поздней вавилонской надписи, в которой придворному, толковавшему царю предназначения, предлагалось по окончании толкования «закрывать книгу»; эту фразу невозможно было бы понять, если бы предсказатель пользовался при этом табличкой.

Именно во втором колодце этой части дворца (NN) Мэллоун обнаружил несколько предметов, ныне считающихся величайшими шедеврами; эти произведения искусства — знаменитая нимрудская слоновая кость, к описанию которой мы и переходим. Первая — поразительно красивая женская головка, возможно, украшение дворцовой мебели; она известна среди археологов как «Мона Лиза из Нимруда» [129, т. I, с. 128]. Ее размеры — 16×13,3 см; слоновая кость с течением времени приобрела теплый коричневый оттенок, черты лица, слегка тронутые соответствующей краской, по стилю, как считает Мэллоун, сближаются с чертами архаической греческой скульптуры. Была найдена и вторая головка того же типа, однако сделанная гораздо грубее; обе они датируются примерно 700 г. до н. э. Еще более глубокое эстетическое впечатление производят две пластинки из слоновой кости (точнее, слоновой кости с золотом), на которых изображена львица, терзающая африканца, на фоне традиционного декоративного орнамента из лотосов [129, т. I, фронтиспис]. Высота каждой пластинки около 10 см, они украшены позолотой и цветными инкрустациями. Применявшаяся здесь техника перегородчатой эмали бы-

ла основательно изучена в Британском музее [129, с. 139].

В число прочих зданий цитадели, раскопанных Мэллоуном, входило северное крыло, или архив Северо-западного дворца, храм Нинурты у подножия зиккурата, юго-западный комплекс, состоящий из Сожженного дворца Лофтуса и храма Набу (Эзида) с примыкающим к нему дворцом правителя, большая группа частных жилищ и огромная стена причала, являвшаяся западной, или речной, опорой платформы цитадели. Все эти остатки зданий были тщательно описаны с определением последовательных стадий их архитектурной истории. При раскопках Мэллоун не занимался специально поисками крупных статуй или барельефов, однако труды его были щедро вознаграждены находками меньшего размера: бронзовыми сосудами и оружием, прекрасной резьбой по слоновой кости и запасами необожженных табличек, — как раз предметы такого рода и не умели сохранять предыдущие экспедиции. Однако самые замечательные открытия были сделаны, когда экспедиция занялась большой и до тех пор не исследованной группой зданий в дальнем юго-восточном углу внешнего города. Это был «императорский арсенал» Салманасара III [129, т. 2].

Здания, соответствующие его описанию, были найдены во всех трех позднеассирийских столицах. «Арсенал» в Ниневии остается погребенным под современными зданиями Наби Юнуса, однако стела с надписью из этого района содержит описание его реконструкции во время правления Асархаддона [185]. В другой надписи определяется назначение этого сооружения: «хранить снаряжение, колесницы, оружие и военную добычу любого рода, а также содержать жеребцов и мулов». Далее сообщается, что ежегодно во время празднования Нового года его посещал царь; для него были предусмотрены жилые покои.

«Арсенал» в Нимруде, известный археологам как «Форт Салманасара», занимает прямоугольную площадку размером 300×200 м. С восточной и южной сторон его окружает городская стена, с других — собственные массивные крепостные укрепления. Дэвид Оатс, возглавивший раскопки в 1958 г., полагал, что у «арсенала» была также «внешняя крепостная стена»; есть указания на то, что подобные крепостные

укрепления имелись и в Хорсабаде. Сама крепость делилась на пять основных частей. В центре находилась просторная площадь для проведения парадов с тронным возвышением. Два больших двора с северной стороны были окружены рабочими помещениями придворных ремесленников: здесь были мастерские плотников, кузнецов, кожевников и оружейников, где среди разбросанных кусков панцирей часто попадаются их инструменты и приспособления, даже была найдена царская статуя, явно нуждавшаяся в ремонте. С других сторон к административным помещениям и покоем придворных примыкают винные и продовольственные склады. Третий двор к западу от центральной площади был разделен на просторные помещения, расположенные вокруг небольших световых колодцев. Вся южная сторона здания отводилась под царскую резиденцию: церемониальная часть последней, вход в которую вел прямо с парадной площади, состояла из двух помещений, а их планировка полностью соответствовала архитектуре, известной нам уже по Хорсабаду и другим местам. В частности, там имелась «церемониальная галерея» с огромным прямоугольным «тронным залом» и выступающим крылом, где размещались парадные апартаменты.

В «тронном зале» сохранилось каменное основание трона, на изящном барельефе которого изображено принятие дани от Сирии и Халдеи. Центральное место на нем отведено встрече между Салманасаром и тогдашним правителем Вавилона, причем оба царя изображены, пожимающими друг другу руки (ил. см. в «Illustrated London News», 1.XII.1962). Почти столь же глубокое впечатление оставляет панель, покрытая глазурованным кирпичом, которая упала со своего места над дверным проемом соседнего покоя; на этой панели изображена фигура ассирийского царя под крылатым диском [129, т. 2, рис. 373, с. 453].

Однако самым замечательным открытием в «Форт-е Салманасара» оказалось содержимое хранилищ, расположенных внутри и вокруг юго-западного двора, на западной стороне парадной площади [129, складной план № 8]. Там было обнаружено значительное скопление резных вещей из слоновой кости — по большей части того типа, что служили украшениями для мебели, колесниц и парадной сбруи. Это были аккуратно сложенные или разбросанные среди заполняв-

шего комнаты мусора горельефные или барельефные пластины, фигурки животных и людей тончайшей работы, а также отдельные резные круглые скульптурные фигурки работы финикийских или сирийских мастеров, привезенные из западных городов. Несколько сот фрагментов — из многих тысяч найденных — было отреставрировано; большая их часть сейчас опубликована (см. «Ivories from Nimrud». 1966, 1970, 1974).

Нимрудская слоновая кость

Нам уже доводилось упоминать об изучении Р. Д. Барнеттом позднеассирийских изделий из слоновой кости за годы, предшествовавшие раскопкам Мэллоуна в Нимруде [16]. Барнетт изучал в основном коллекцию, которая почти столетие хранилась в Британском музее. Источником этой коллекции были находки Лэйярда в Северо-западном дворце и открытия Лофтуса в Сожженном дворце. Однако в отличие от этих археологов Барнетт имел возможность сравнить данные изделия из слоновой кости с более поздними находками того же рода из городищ Палестины, Сирии, Анатолии и даже Кипра. Уже на начальном этапе изучения их стилистических особенностей стало совершенно ясно, что большая часть изображений обеих групп принадлежала финикийским мастерам из прибрежных левантских городов. Это особенно чувствовалось в группе находок из Северо-западного дворца, представлявших собой преимущественно украшения для мебели; такими были, например, части «царского трона», найденные, по словам Лэйярда, в «колодце АВ». Отдельные образцы «традиционных изображений», как, скажем, «женщина у окна» (финикийская богиня Астарта) или «корова, облизывающая теленка», помечены их создателями знаком, соответствующим одной из букв финикийского алфавита. «Египтизированные» изображения других указывают на то же самое происхождение. В отличие от этого в группе Лофтуса Барнетт признал наличие «сирийского» стиля. Эта отдельная независимая группа связывалась им с некоторым центром, расположенным дальше от побережья; в ней использовались мотивы, отличные от финикийских, и изображались иные объекты. В числе последних можно назвать фигурки кариатид, модели храмов

и сосуды для умащений. По мнению Барнетта, в этой группе могли быть и предметы, изготовленные в самой Ассирии, хотя, возможно, и выходцами из других стран.

Книга Барнетта «Слоновая кость Нимруда» была опубликована в 1957 г., однако в последующие годы появлялась масса нового материала. Мэллоун в труде, вышедшем девять лет спустя и посвященном исследованию собственных находок, смог подтвердить многие гипотезы своего предшественника. Вместе с тем он с большей осторожностью подошел к разграничению финикийской и «сирийской» работы, предложенному Барнеттом, отметив, что в то время на всех рынках к западу от Евфрата мог происходить свободный обмен между ремесленниками. В то же время ему удалось выявить самостоятельную школу местных резчиков. При исследовании изделий из слоновой кости у Мэллоуна создалось впечатление, что этот высоко ценимый дорогой материал использовался для украшения всевозможной мебели. В одной из комнат «Форта Салманасара» [№ SW 7] было найдено множество пластинок, сохранивших свое изначальное обрамление, — их можно с определенностью идентифицировать с изысканными декоративными спинками или бортиками кроватей, диванов и кресел. В этой связи Мэллоун указывает также на мебель, изображенную на уже упоминавшемся барельефе, где Ашшур-нацир-адал и его жена наслаждаются отдыхом после взятия Суз. Он перечисляет также другие предметы, украшенные резьбой по слоновой кости, и сопоставляет их с сохранившейся описью добычи, вывезенной Саргоном из городов Урарту, где слоновая кость была так же популярна, как и в Ассирии.

При рассмотрении «левантского» стиля резьбы и его эстетических принципов невольно вспоминается, что финикийские мастера, в работе которых этот стиль достиг совершенства, прославлялись за свое умение и искусство еще в Ветхом Завете. Вместе с тем нетрудно заметить, что в выборе сюжетов им не доставало подлинно местной традиции. Подобно тому как европейские художники Возрождения обращались в поисках источника вдохновения к Древней Греции, финикийские мастера искали образцы для подражания в египетском искусстве. Однако египетское искусство опиралось на религиозные образы и обширное по-

символических и мифологических форм. Эта религия и этот символизм были чужими для финикийцев, и они едва ли пытались в них разобраться. Поэтому использование ими египетских образов было чаще всего ошибочным, а иногда и просто неуместным. Как ни странно, от этого нисколько не страдал внешний эффект, производимый предметом искусства.

Что касается хронологии, нимрудская резьба по слоновой кости может с полным основанием датироваться любым временем между правлением Ашшур-нацир-апала и последовавшим в дальнейшем разрушением его столицы. Известно, что Ададнерари III получил приблизительно в 800 г. до н. э. от царя Дамаска кровать и диван из слоновой кости. Однако Мэллоун считает, что большая часть его находок относится к более позднему периоду; он датирует многие из них временем правления Саргона II. Полное исчезновение слонов в Сирии где-то в конце VIII в. до н. э. должно было неминуемо привести к еще большей нехватке слоновой кости.

Глава X

БАВИЛОН: ПОСЛЕДНЯЯ МОНАРХИЯ МЕСОПОТАМИИ

После падения Ниневии мидяне отошли, чтобы закрепить свои завоевания в Восточной Анатолии, оставив правителю Вавилонии полный контроль над Ассирией. Однако в течение некоторого времени Набопаласар вынужден был направлять все свои усилия на возрождение экономики Южной Месопотамии и восстановление городов, оказавшихся заброшенными во время господства Ассирии. Основную угрозу новопробретенным ассирийским провинциям представляли египтяне, которые уже основали военное поселение на переправе через Евфрат у Каркемиша. Именно nasledнему царевичу Навуходоносору пришлось столкнуться с войсками египтян в попытке отвоевать у них города Северной Сирии. Навуходоносору сопутствовала удача, но и когда он стал царем, ему пришлось вести постоянные войны для защиты торговых путей, от которых зависело благополучие Вавилона. Как раз во время одного из его успешных походов в Левант и был взят Иерусалим, а несколько тысяч евреев отправлены в Вавилонию. Во время мирных передышек он старался завершить дело, начатое еще его отцом, Набопаласаром: заново отстроить древние шумерские города. Целый ряд грандиозных общественных зданий и крепостей Вавилона, раскопанных в наше время, по большей части датируется периодом правления Навуходоносора, планы которого осуществлялись с большим размахом и изобретательностью.

Последний правитель независимого Вавилона — Набонид — полная противоположность Навуходоносору: его странное поведение и частые отлучки из царства до сих пор в значительной степени остаются загадкой для историков. Помимо того что вместо

Мардука — этого древнего покровителя Вавилона — он поклонялся богу Сину, культ которого процветал в Харране, недавно найденные надписи содержат сообщение о его продолжительном и совершенно необъяснимом пребывании в Центральной Аравии [67, с. 35 и сл.]. Вулли идентифицировал группу находок в Уре как часть личной коллекции древностей Набонида.

Во время правления Набонида политические события в Вавилоне развивались под знаком грандиозного расширения Персидской империи, находившейся тогда под властью ее первого великого правителя. В 539 г. до н. э. войска Кира II, поддержанные отложившимися народами Ассирии, пошли на Вавилонию. На пограничные укрепления были спешно переброшены отряды, которыми руководил царевич (Валтасар — по Ветхому Завету), обычно замещавший Набонида во время долгих отлучек; однако укрепления были скоро разрушены, а через несколько дней сам Вавилон почти без всякого сопротивления сдался персидской армии [Геродот I, 191 и сл.; Ксенофонт. «Киропедия» VII, гл. V, 10; 193]. По указанию Кира захватчики избегали насилия и старались убедить население города принять нового правителя как своего рода «освободителя». Так странно завершились три тысячелетия самостоятельности Месопотамии.

Мы располагаем тремя различными источниками информации о Вавилоне в последние годы его независимости. Один из них содержится в письменных текстах самих нововавилонских правителей, он включает и собственный рассказ Навуходоносора о том, как он отстроил город. Вместе с тем начиная с VI в. до н. э. появляется новая форма свидетельств — сообщения очевидцев, путешественников того времени, посетивших Вавилон. Что же касается создателей Ветхого Завета, то их сообщения по этому поводу не слишком обширны; кроме того, их краткое и неприятное знакомство с городом едва ли могло способствовать объективным наблюдениям. С греческими же писателями-путешественниками дело обстоит совсем иначе. Геродот и в меньшей степени Ктесий оставили нам подробные описания не только самого города и его построек, но также «нравов и обычаев вавилонян» [Геродот I, 178 и сл.; 119].

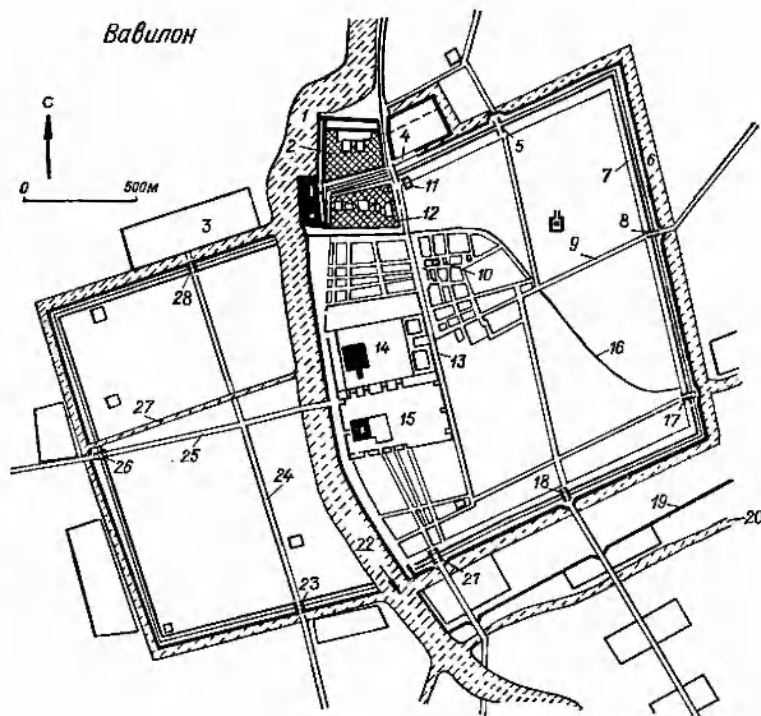
Письменные сообщения такого рода были несомненно доступны в XIX в. первым исследователям руин

города, начиная с Клавдия Джеймса Рича [110]. Однако настоящие раскопки здесь начались лишь на рубеже XIX и XX вв., когда Роберт Кольдевей и его немецкие сподвижники начали проводить в этом месте систематические исследования, продолжавшиеся 14 лет. Итоги этих раскопок составляют третий и, вне всякого сомнения, важнейший источник нынешних знаний о Вавилоне (отчеты Кольдевея см. в «Mitteilungen der Deutschen Orient Gesellschaft» 1899—1932).

Раскопки немецких археологов

Терпение и изобретательность, с которыми немецкие археологи взялись за осуществление своих длительных изысканий в Вавилоне, долго еще будут вызывать восхищение у грядущих поколений археологов; эти же качества проявились и в итогах работы немецких ученых. У Кольдевея было много помощников-архитекторов, которые вступили в своеобразное дружеское соревнование со специалистами по эпиграфике, призванными интерпретировать свидетельства письменных документов. Именно сотрудничеству двух этих групп специалистов мы обязаны поразительно подробными сведениями обо всех сторонах жизни города, следы которого столетие назад были еще едва заметны на поверхности земли. Кольдевей и Андрэ — первые археологи в Передней Азии, которые разобрались в проблеме стратификации, и они же первые обучили группу специалистов обнаружению следов стен. Их методы в большинстве случаев достигли большей эффективности, чем можно было ожидать в этот начальный период разработки археологических приемов. И все же, несмотря на всю трудоемкую работу и сопряженные с ней значительные расходы, Кольдевей никогда впоследствии не рассматривал свои раскопки в Вавилоне как завершенные. Вначале он предполагал, что ему хватит пяти лет, однако даже спустя 14 лет, в 1913 г., он пишет в одном из своих сообщений, что «выполнена приблизительно половина работы, которую можно считать необходимой или желательной». Однако в действительности раскопки немецких археологов в Вавилоне никогда уже не были возобновлены с прежним размахом.

Не следует забывать, что интерес Кольдевея вна-

План старого «внутреннего города» в Вавилоне и западного пригорода (по Хоуксу, 1974 г.):

- 1 — северная крепость; 2 — музей; 3 — южная крепость;
- 4 — Ворота Иштар; 5 — ворота; 6 — внешняя стена;
- 7 — внутренняя стена; 8 — ворота; 9 — улица Мардука;
- 10 — храм Иштар Аккадской; 11 — храм Нинмах;
- 12 — дворец Навуходоносора; 13 — Аллея процессий;
- 14 — зиккурат; 15 — храм Мардука; 16 — канал; 17 — ворота;
- 18 — ворота; 19 — внешняя стена, построенная Навуходоносором;
- 20 — новый канал; 21 — ворота; 22 — Евфрат; 23 — ворота;
- 24 — улица Шамаша; 25 — улица Адада; 26 — ворота; 27 — канал;
- 28 — ворота

чале не ограничивался только руинами нововавилонского города. Он надеялся найти под ним остатки города II тысячелетия до н. э., который был столицей империи Хаммурапи. Однако к концу своей первой экспедиции Кольдевей понял, что из-за высокого уровня грунтовых вод здесь его ждет неудача. Поэтому он решил расширить масштабы своих раскопок на всю

площадь более позднего города в надежде выявить большую часть его планировки. Это, разумеется, требовало его постоянного присутствия на городище — присутствия, прерывавшегося лишь кратковременными поездками на родину.

Некоторое представление о грандиозном масштабе вавилонских укреплений VI в. до н. э. можно составить по сообщению Геродота. Он дает полное описание их конструкции и назначения, а также обмеры, которые оказались довольно точными. Достаточно взглянуть на план городища в немецком издании, чтобы увидеть, как близки обмеры греческого путешественника к точным современным топографическим схемам [90, рис. 1 и 256].

Город

Древний «внутренний город» можно увидеть теперь на правом берегу Евфрата. Он представляет собой неправильный квадрат со сторонами более мили каждая. Во время правления Навуходоносора эти стены были продолжены, включив в себя обширную площадь на западном берегу реки, так что квадрат превратился в прямоугольник, большие стороны которого простирались на 1,5 мили. В западном секторе раскопки ограничивались зондированием, благодаря которому стало возможным установить протяженность стен и составить некоторое представление о планировке улиц. В остальной части города на востоке; здесь велось тщательное изучение крепостных сооружений, которые представляли собой двойные стены; толщина внутренней стены достигала 6,5 м, она была выше наружной, имевшей толщину около 3,7 м. Обе стены были построены из высушенного на солнце кирпича и укреплены башнями, верхние площадки которых, видимо, нависали над зубчатой парапетной стеной с бойницами. По сообщению Геродота, пространство между стенами использовалось для дороги военного назначения, проходившей на уровне парапета. Перед внешней стеной был ров шириной от 20 до 80 м; ров отходил от реки и возвращался к ней с другой стороны. «Гребень», или внутренний склон, рва был выложен стенкой из обожженного кирпича, скрепленного битумом. Кольдевей нашел также подтверждение свидетельству Геродота о том, что

«в ров свободно входили лодки и суда всякого рода»; со стороны главных ворот через ров, вероятно, был перекинут мост. В общей сложности ворот было девять, они были названы именами богов-покровителей городов, к которым вели дороги из Вавилона. У ворот были внешние помещения для часовых и просторные внутренние покои привратников. Четверо ворот было раскопано.

Всю систему внутренних укреплений соорудили Набопаласар и Навуходоносор в 625—562 гг. до н. э. Вдоль восточного берега реки, в том месте, куда спускались к воде улицы, Набонид построил позднее новую стену с большой пристанью.

Главный дворец вавилонских царей был расположен в северо-западном углу старого города — там, где городские стены были дополнительно защищены массивным бастионом, стоящим напротив реки и внешней цитадели. Именно здесь пролегалла и «священная дорога», которая вела с севера сквозь знаменитые Ворота Иштар во внутренний город, где становилась основной транспортной артерией. Эта «Аллея процессий», по которой во время новогоднего праздника проносили статуи богов, шла на юг вдоль восточной стены дворца, пересекала канал Либил-хегалла и затем огибала стены, окружавшие внутреннюю часть зиккурата, Этеменанки. В центре города дорога сворачивала на запад, оставляя слева огромный храм Мардука, Эсагила, затем спускалась к Евфрату, пересекала его по мосту, опиравшемуся на пять каменных столбов, и оказывалась в западном секторе города [Геродот I, 186].

Наконец, следует упомянуть и внешний пояс крепостной стены, который образовывал продолжение города на восточном берегу. Это мощное обнесенное рвом укрепление было сооружено для защиты на севере «летнего дворца» Навуходоносора; его канал соединялся с рекой южнее внутреннего города. Предполагают, что это укрепление должно было дополнять внешний треугольник на западном берегу реки, — так, чтобы разросшийся город продолжал оставаться квадратом; однако нет никаких свидетельств тому, что это было когда-либо сделано. Две меньшие стороны ныне существующего треугольника имеют по 2,5 мили каждая, так что полный квадрат должен был занимать площадь в 6,25 кв. миль.

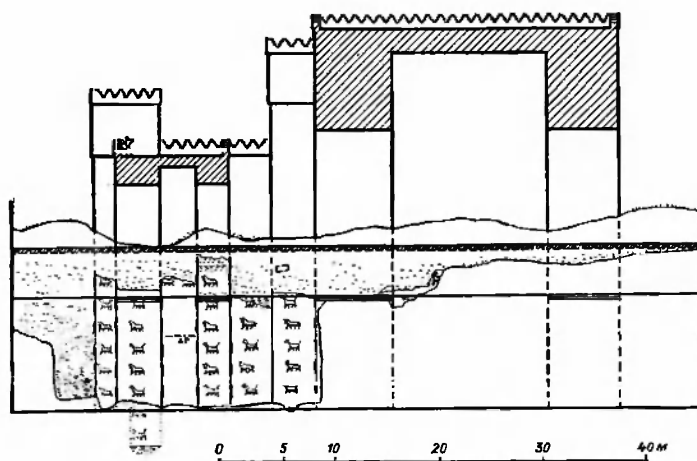
Здания

Северная дорога резко уходит в гору, прежде чем достичь Ворот Иштар, так что сами ворота и «Аллея процессий» расположены на несколько метров выше, чем окружающие здания. Мостовая покрыта плитами из известняка (площадью более 1 кв. м каждая) с зубчатым бордюром из красной брекчии*. Под мостовой немецким археологам удалось раскопать фундамент ворот и уличных стен; они обнаружили, что Навуходоносор врыл их до глубины 15 м — почти до чистого почвенного слоя под холмом. Поскольку местное население до прибытия Кольдевея пользовалось всеми сооружениями как каменоломней, выше уровня мостовой уже практически ничего не оставалось; поэтому фундамент, о котором идет речь, — это все, что ныне можно увидеть. Тем не менее этот фундамент помог археологам воссоздать планировку самих ворот с их впечатляющими башнями и внутренними покоем с высокими сводчатыми потолками, как об этом можно судить по замечательной реконструкции, сделанной впоследствии в Берлинском музее.

Теперь следует сказать несколько слов об отделке фасада, которой справедливо славились эти здания. Вся поверхность ворот и примыкающие стены «Улицы процессий» украшались изображениями, выложенными из ярких глазурованных изразцов. Фигуры львов, быков и драконов-«сирруш» повторялись с определенными промежутками. Иногда они изображались на плоскости, а иногда — в виде глазурованных рельефов. Реконструкция этих изображений стала возможной благодаря тому, что часть их уцелела у подножия одной из башен. Что же касается технологического процесса покрытия изразцов глазурью, а затем создания цельного изображения, то на основании описания, которое дал ему Кольдевей, можно лишь предположить, что он во многом походил на технологические приемы, которые использовали ассирийцы в Хорсабаде и в Форте Салманасара в Нимруде.

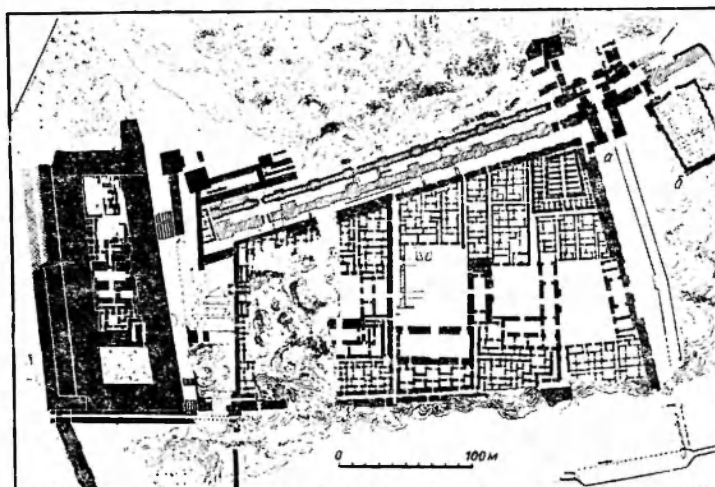
Судя по всему, та же отделка фасада применялась и для украшения других частей царского дворца (Южной цитадели, как его называли немецкие археологи).

* Брекчия — горная порода, состоящая из сцементированных обломков различных пород.

Восстановленные Ворота Иштар; вид с северной стороны.
 В разрезе представлена приподнятая над уровнем земли
 Аллея процессий, ниже — ее украшенное основание
 (по Кольдевею, 1926 г.)

Особый интерес представляет высокая плита, сохранившаяся от стены, примыкавшей к «тронному залу»; она позволяет предположить наличие в то время контактов между Вавилоном и Грецией. В остальном же — если только не принимать во внимание его колоссальные размеры — архитектура и планировка этого здания не отходят от обычной месопотамской традиции. Внутри здания было пять идущих друг за другом дворов, расположенных вдоль единой оси; в самый большой из них (63×58 м), находившийся в центре здания, можно было попасть через «потайную дверь». С южной стороны этого двора, выдаваясь, впрочем, далеко за его пределы, находился главный «тронный зал», выходивший на север, подобно всем другим главным покоем, что обеспечивало прохладу летом. Остальное пространство занимали жилые и административные помещения. Интерес вызвала еще одна особенность северо-восточного угла здания. Здесь была расположена группа подземных хранилищ с толстыми сводами, где обнаружено множество сваленных каменных конструкций. Археологи предположили, что эти необычные сооружения могли служить основанием знаменитых «Висячих са-

План дворца Навуходоносора, расположенного у Ворот Иштар (по Кольдевею, 1925 г.); а — Ворот Иштар, б — храм Нинмах

дов», описанных Геродотом. Эта теория подкрепляется тем, что здесь же был найден глубокий ров, над которым возвышалось помещение, разделенное на три части, — тут вполне мог разместиться механизм для подачи воды в расположенные наверху сады. Правда, в дальнейшем появились некоторые основания усомниться в таком предположении.

Как уже говорилось, «Аллея процессий», ведущая на запад по направлению к мосту, проходит между огражденной территорией зиккурата — Этеменанки — и храмом Мардука Эсагилой, представляющими собой соответственно как бы высший и низший храмы месопотамской религиозной общины. Эти два здания, вероятно, были образцами высшего расцвета великой архитектурной традиции, поэтому особенно жаль, что они практически не сохранились. Внутренняя часть зиккурата площадью более 500 кв. м была обнесена двумя стенами. Вокруг них был раскопан целый комплекс административных зданий. Что же касается самой башни, то она была разобрана до основания на кирпич, так что единственно доступную археологическую информацию можно было получить только по отпечаткам на земле, — а сейчас и почва здесь пре-

вратилась в болото. Было предложено множество реконструкций башни, опирающихся на труды Геродота и других античных авторов; наиболее убедительными представляются те из них, которые стоят ближе к башне III династии Ура [164, табл. 14 и 15]. В отличие от Вавилонской башни Эсагила представил иную проблему для исследователей. Его развалины оказались погребенными под 21 м позднейших наслоений, над которыми возвышается мусульманское святилище Хаджи-Амран. Раскопки Эсагила, связанные с перемещением 30 тыс. куб. м грунта, могли вестись только с помощью специальных туннелей, прорытых к основанию стен. При этом оказалось возможным по крайней мере определить размеры здания (86×78 м). Однако представления о его планировке довольно различны, стоит лишь сравнить реконструкцию, предложенную в заключительном отчете экспедиции, и крупномасштабную модель в Берлинском музее,— они расходятся даже в определении местоположения главного святилища. Что же касается традиционно богатого убранства храма, то тут приходится довольствоваться рассказами, которые упоминают среди прочих чудес сидящую золотую статую шестиметровой высоты на золотом троне весом 18,5 т.

Помимо храма Нинмах, примыкающего к Воротам Иштар, о котором уже говорилось, было раскопано несколько других святилищ меньшего размера. Как выяснилось, все они одной и той же планировки; вход, внутренние дворы и целла располагаются на одной оси; вспомогательные помещения при этом отличаются большим разнообразием. Во многих отношениях более интересными оказались отдельные частные жилища, претенциозная обстановка которых весьма уместна для столицы. Подобно всем городским домам любого периода истории Месопотамии, комнаты первого этажа не имели окон и освещались благодаря центральному дворику. Обращает на себя внимание необычная внешняя отделка фасада таких зданий — если ее можно так назвать — по всей вероятности, она была нововведением нововавилонской эпохи: ряды кирпичей укладывались так, что в результате получалась зубчатая поверхность. Этот способ, видимо, начали применять, когда неправильная планировка здания приводила к расхождению между скошенной внешней стеной и внутренними прямоугольными помещениями. Геродот

в своих сообщениях упоминал о домах «в два или три этажа», и хотя археологам трудно было найти этому прямое подтверждение, видно, что, подобно домам, раскопанным Вулли в Уре, эти здания также имели комнаты на верхнем этаже. Такие комнаты освещались через деревянную галерею, огибавшую двор; по этой же галерее можно было подняться наверх [164, с. 67 и сл.]. Еще одна сторона быта вавилонян раскрылась перед исследователями благодаря обнаружению личных святилищ, иногда с захоронениями под ними.

Об активной строительной деятельности нововавилонских царей свидетельствуют не только раскопки в столице. Мы уже упоминали о честолюбивых планах Навуходоносора перестроить в Уре городские стены с их внушительными воротами и защищенными пристанями для торговых кораблей с Евфрата. В это же время в городе появилось и огромное здание, известное как дворец Бел-шалтинанна [200, табл. 60, 70; 77, с. 173]. В Кише, на холме Харсагкалама, были построены колоссальные храмы, стены которых до сих пор возвышаются на несколько метров. Груды обожженных кирпичей с оттиснутым на них именем Навуходоносора, которые попадают почти в каждом шумерском городе, свидетельствуют о восстановлении им какого-либо древнего святилища или о запоздалой заботе о былом величии храма.

Подводя итоги продолжительных раскопок в Вавилоне, с некоторым удивлением отмечаешь скудость находок скульптуры или образцов тогдашнего ремесла. Немецкие археологи первыми убедились в этом; такое же разочарование сквозит и в комментарии более позднего археолога, Г. Франкфорта. В нем говорится: «Изделий, относящихся к этому периоду, немного, что делает невозможной оценку его художественных достижений». Далее автор продолжает: «Это время отмечено интенсивной литературной деятельностью; именно из нововавилонских источников эллинистический мир почерпнул сведения по астрологии и другим типично месопотамским наукам. Однако нововавилонское искусство не оказало на Запад никакого воздействия. Во время своего „обращения к Востоку“ Греция и Этрурия производили заимствования у Ассирии — через посредничество финикийцев» [61, с. 108].

ЭПИЛОГ

Эти страницы были написаны в то время, когда раскопки исторических памятников Месопотамии на первый взгляд утратили прежние размах и интенсивность. Все еще продолжают поступать сообщения о новых открытиях, которые могут способствовать дальнейшему прояснению истории ближневосточной цивилизации, однако места, где они были сделаны,— часто за пределами территорий, входивших некогда в месопотамские царства,— могут указывать на дальнейшее расширение исторической перспективы. В качестве примера здесь можно сослаться на ведущиеся сейчас раскопки, которые, вероятно, имеют в этой связи особое значение. На Телль-Мардихе, в 31 миле к юго-западу от Алеппо, в Сирии были обнаружены развалины г. Эблы, причем сохранились даже имена некоторых правителей города III тысячелетия до н. э. Были найдены также образцы архитектуры и скульптуры несколько более позднего периода, совпадающего по времени с династиями Ларсы и вавилонских амореев; по своей индивидуальности и совершенству они могут соперничать с соответствующими образцами искусства Месопотамии. Недавно было сделано еще более значительное открытие: обнаружен архив в несколько тысяч табличек; некоторые из них содержат более тысячи строк. Здесь открывается совершенно новое поле для лингвистических изысканий. Тексты написаны на неизвестном языке западно-семитского типа, однако его расшифровка облегчена тем, что среди них попадаются обширные словари с шумерскими эквивалентами. Но даже независимо от их лингвистической ценности само археологическое окружение, в котором были найдены надписи, может благоприятствовать новому решительному вторжению ученых в дотоле не исследованные области. Они помогают понять, по словам обнаружившего их архео-

лога, что «Южная Месопотамия была отнюдь не единственным источником грамотности и цивилизации на всем Ближнем Востоке; аналогичные культурные процессы протекали на всем обширном пространстве от Леванта до Элама» (см. «*Missione Archeologica Italiana in Siria*», 1966).

Как мы пытались показать в этой книге, за последнее столетие культурный вклад Месопотамии изучался со всем тщанием. Возможности, которые предлагает изучение Месопотамии как особая область знания, продолжают оставаться безграничными, однако само это изучение заметно выиграло бы от параллельного исследования более глухих закоулков Ближнего Востока.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Adams R. M. Survey of Ancient Water Courses and Settlements in Central Iraq.— «Sumer». 14. 1958.
2. Adams R. M. and Nissen H. J. The Uruk Countryside. Chicago, 1972.
3. Amiet P. La Glyptique Mésopotamienne. P., 1961.
4. Andrae W. Die arcnäischen ishtar tempel.— «Mitteilungen der deutschen Orient-Gesellschaft». B., 1922.
5. Andrae W. Farbige Keramik aus Assur (Coloured Ceramics from Assur). B., 1925.
6. Andrae W. Das Wiedererstandene Assur. Lpz., 1938.
7. Bachmann W. Felsreliefs in Assyrien. Lpz., 1927.
8. Banks E. J. Bismaya or the Lost City of Adab. N. Y., 1912.
9. Bannister-Fletcher. A History of Architecture. L., 1961.
10. Baqir T. Iraq Government Excavations at 'Aqar Quf, 1942—43.— «Iraq». Supplement. 1944.
11. Baqir T. Iraq Government Excavations at 'Aqar Quf; Second Preliminary Report.— «Iraq». Supplement. 1945.
12. Baqir T. Iraq Government Excavations at 'Aqar Quf; Third Interim Report.— «Iraq». 8, 1946.
13. Baqir T. Tell Harmal: A Preliminary Report.— «Sumer». 2, pt. 2, 1946, c. 226.
14. Baqir T. Tell Harmal. Baghdad, 1959.
15. Baqir T. A New Law Code from Tell Harmal.— «Sumer». 4, № 1, 1948.
16. Barnett R. D. A Catalogue of the Nimrud Ivories in the British Museum. L., 1957.
17. Barnett R. D. Homme Masque ou Dieux-Ibex.— «Syria». 43. 1966.
18. Barnett R. D. New Facts about Musical Instruments from Ur.— «Iraq». 31, pt. 2, 1969.
19. Barnett R. D. Le Palais et le Royauté.— Proceedings of the XIX Rencontre Assyriologique Internationale. P., 1971.
20. Barnett R. D. More Balawat Gates.— Studies Dedicated to F. M. T. de L. Bohl. Brill, Leiden, 1973.
21. Barrelet M.-Th. Une Peinture de la Cour 106 du Palais de Mari.— «Studia Mariana». Leiden, 1950, c. 9—35.
22. Barrelet M.-Th. Quelques Sculptures Mésopotamienne de l'Epoque d'Akkad.— «Syria». 36. 1959, c. 20 и сл.
23. Beek M. A. Atlas of Mesopotamia. L., 1962.
24. Botta P. E. and Flandin E. Monuments de Ninive (5 vols.). P., 1849—1850.
25. Braidwood R. J. The Iraq-Jarmo Project in G. R. Willey (ed.). Archaeological Researches in Retrospect. Cambridge (Mass.), 1974.

26. Braidwood R. J. et al. Baghouz: New Chalcolithic Material of the Samarra Type and its Antecedents.—«Journal of Near Eastern Studies». 3. 1944.
27. Braidwood R. J. Matarra: A Southern Variant of the Hassuna Assemblage, Excavated in 1948.—«Journal of Near Eastern Studies». 11. 1952.
28. Braidwood R. J. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago, 1960.
29. Braidwood R. J. The Beginnings of Village Farming Communities in South-Eastern Turkey.—«Proceedings of the National Academy of Science, U. S. A.», 1974.
30. Brice W. C. South-West Asia.—«A Systematic Regional Geography». № 8, L., 1966.
31. Burkholder G. Ubaid Sites and Pottery in Saudi Arabia.—«Archaeology». 25. 1970.
32. Burney C. A. Yamk Tepe.—«Iraq». 23, pt. 2, 1961; 26, pt. 1, 1964.
33. Ceccini J. M. La Ceramica di Nuzi. Rome, 1965.
34. Childe Gordon. The Urban Revolution.—«Town Planning Review». 21. 1950, c. 3—17.
35. Coon Carleton. The Origin of Races. L., 1963.
36. Corbier S. Indus Parallels.—«Iraq». 4. 1937, c. 1 и сл.
37. Crawford V. E. Lagash.—«Iraq». 36. 1974.
38. Delougaz P. Plano-Convex Bricks.—«Studies in Ancient Oriental Civilization». 7, Chicago, 1933.
39. Delougaz P. A Short Investigation of the Temple at Al Ubaid.—«Iraq». 5. 1938.
40. Delougaz P. The Temple Oval at Khafaje.—«Oriental Institute Publications». 53, Chicago, 1940.
41. Delougaz P. Pottery from the Diyala Region.—«Oriental Institute Publications», 63, Chicago, 1952.
42. Delougaz P. Architectural Representation on Steatite Vases.—«Iraq». 22. 1960.
43. Delougaz P. and Lloyd S. Pre-Sargonid Temples in the Diyala Region.—«Oriental Institute Publications». 58. Chicago, 1942.
44. Delougaz P. Hill H. and Lloyd S. Private Houses and Graves in the Diyala Region.—«Oriental Institute Publications». 88. Chicago, 1967.
45. Dyson R. H. Shub-ad's Onagers.—«Iraq». 22. 1960.
46. Edzard D. O. Enmer-Baragisi von Kis.—«Zeitschrift für Assyriologie von Vorderasiatische Archaeologie». 53. B., 1959.
47. Ehrich R. W. (ed.) Chronologies in Old World Archaeology. Chicago, 1965.
48. Ellis R. S. A Bibliography of Mesopotamian Archaeological Sites. Wiesbaden, 1972.
49. Falkenstein A. Archaische Texte aus Uruk. B., 1936.
50. Falkenstein A. Zu den Tafeln aus Tartaria.—«Germania». 43. 1965.
51. Finch J. P. G. The Nergal Gate.—«Iraq». 10, pt. 1, 1948.
52. Frankfort Henry. Archaeology and the Sumerian Problem.—«Studies in Ancient Oriental Civilization». 4. Chicago, 1932.
53. Frankfort Henry. Tell Asmar, Khafaje and Khorsabad.—«Oriental Institute Communications». 16. Chicago. 1933.
54. Frankfort Henry. Gods and Myths on Sargonid Seals.—«Iraq». 1, pt. 1. 1933.

55. Frankfort Henry. Progress of the Work of the Oriental Institute in Iraq. 1934—35.—«Oriental Institute Communications». 20. Chicago, 1936.
56. Frankfort Henry. Sculpture of the Third Millennium B. C. from Tell Asmar and Khafaje.—«Oriental Institute Publications». 24. Chicago, 1939.
57. Frankfort Henry. Cylinder Seals. L., 1939.
58. Frankfort Henry. More Sculptures from the Diyala Region.—«Oriental Institute Publications». 60. Chicago, 1943.
59. Frankfort Henry. Birth of Civilization in the Near East. L., 1951.
60. Frankfort Henry. The Origin of Bit Hilani.—«Iraq». 14. 1952, c. 120—131.
61. Frankfort Henry. Art and Architecture of the Ancient Orient. Harmondsworth, 1970.
62. Frankfort Henry. Stratified Cylinder Seals from the Diyala Region.—«Oriental Institute Publications». 72. Chicago, 1955.
63. Frankfort Henry, Lloyd S. and Jacobsen Th. The Girsin Temple and Palace of the Governors at Tell Asmar.—«Oriental Institute Publications». 43. Chicago, 1940.
64. Frankfort Henry and Davies L. The Last Predynastic Period in Mesopotamia.—«Cambridge Ancient History». Cambridge, 1971, vol. I, pt. 2, ch. 12.
65. Gadd C. J. Seals of Ancient Indian Style Found at Ur.—«Proceedings of the British Academy». Vol. 18. 1933.
66. Gadd C. J. The Stones of Assyria. L., 1936.
67. Gadd C. J. The Harran Inscriptions of Nabonidus.—«Anatolian Studies». 8. 1958.
68. Gadd C. J. The Spirit of Living Sacrifices in Tombs.—«Iraq». 22. 1950, c. 51.
69. Gadd C. J. The Cities of Babylonia.—«Cambridge Ancient History». Cambridge, 1971, vol. I, pt. 2, ch. 13.
70. Galpin F. W. The Sumerian Harp of Ur.—«Music and Letters». 10. 1929.
71. Garrod D. A. The Caves of Zarzi and Hazar Merd.—«Bulletin of the American Schools of Prehistoric Research». 6. 1930.
72. Gurney O. R. Laws of Eshnunna.—«Symbolae Hrozny». 1950.
73. Haines R. C. Nippur.—«Illustrated London News», 18.VIII. 1956; 6.IX.1958; 9.IX.1961.
74. Hall H. R. and Woolley C. L. Ur Excavations. Vol. I. Al Ubaid. London—Philadelphia, 1927.
75. Hansen D. P. Votive Plaques from Nippur.—«Journal of Near Eastern Studies». 22. 1963.
76. Hawkes Jacquetta. The First Great Civilizations. L.—N. Y., 1973.
77. Hawkes Jacquetta (ed.). Atlas of Ancient Archaeology. L., 1974.
78. Heinrich E. Bauwerke in der altsumerischen Bildkunst. B., 1957.
79. Herzfeld E. E. Die Ausgrabungen von Samarra. Vol. 5. Die Vorgeschichtlichen Töpfereien von Samarra. B., 1930.
80. Hilprecht H. V. Exploration in Bible Lands during the Nineteenth Century. Philadelphia, 1903.
81. Jacobsen Th. The Sumerian King-list.—«Assyriological Studies». 11. Chicago, 1939.

82. Jacobsen Th. Salt and Silt in Mesopotamian Agriculture. «Science». 128. 1958.
83. Jacobsen Th. Girsu.—«Revue d'Assyriologie». 52. 1958.
84. Jacobsen Th. The Waters of Ur.—«Iraq». 22. 1960.
85. Jacobsen Th. and Lloyd S. Sennacherib's Aqueduct at Jerwan.—«Oriental Institute Publications». 24. Chicago, 1935.
86. Jones Felix. The Topography of Nineveh. Bombay, 1957.
87. King L. W. Bronze Reliefs from the Gates of Shalmaneser. L., 1915.
88. Kirkbride D. Umm Dabaghiyah.—«Iraq». 34. 1972, onward.
89. Koldewey R. The Excavations at Babylon (Engl. transl.). L., 1914.
90. Koldewey R. Das Wiedererstehende Babylon. Lpz., 1925.
91. Kramer S. N. Enmerkar and the land of Aratta. Philadelphia, 1952.
92. Kramer S. N. The Sumerians. Chicago, 1963.
93. Kramer S. N. Dilmun: Quest for Paradise.—«Antiquity». 27, № 146, 1963.
94. Kramer S. N. From the Tablets of Ur. Indianapolis, Colorado, 1965.
95. Lamberg-Karlovski C. C. Excavations at Tepe Yahya, Iran. Cambridge (Mass.), 1970.
96. Lamberg-Karlovski C. C. Excavations at Tepe Yahya, G. R. Willey (ed.). Archaeological Researches in Retrospect. Cambridge (Mass.), 1974.
97. Lambert M. and Tournay J. R. La Statue B de Gudea.—«Revue d'Assyriologie». 45. 1951.
98. Layard A. H. Nineveh and its Remains. L., 1850.
99. Layard A. H. Inscriptions in Cuneiform Character from Assyrian Monuments. L., 1851.
100. Layard A. H. Discoveries in the Ruins of Nineveh and Babylon. L., 1853.
101. Leacroft H. and R. The Buildings of Ancient Mesopotamia. Leicester, 1974.
102. Le Breton L. The Early Periods of Susa: Mesopotamian Relations.—«Iraq». 19. 1957.
103. Lees G. N. and Falcon N. L. The Geographical History of the Mesopotamian Plains.—«The Geographical Journal». 118. 1952.
104. Lenz H. J. Die Architektur in Eanna in der Uruk IV Periode.—«Iraq». 36, pt. 1/2. 1974, c. 111.
105. Loftus W. K. Travels and Researches in Chaldaea and Susiana. L., 1857 (republished 1971).
106. Loud Gordon. Khorsabad. Vol. I.—«Oriental Institute Publications». 38. Chicago, 1936.
107. Loud Gordon and Altmann C. B. Khorsabad. Vol. II.—«Oriental Institute Publications». 40. Chicago, 1937.
108. Lloyd S. Some Ancient Sites in the Jebel Sinjar District.—«Iraq». 6, 1938.
109. Lloyd S. The Oldest City: A Pre-Sumerian Temple at Eridu.—«Illustrated London News». 31.V.1947.
110. Lloyd S. Foundations in the Dust. Ox., 1947.
111. Lloyd S. The Oldest City of Sumeria: The Origin of Eridu.—«Illustrated London News». 11.IX.1948.
112. Lloyd S. Ur-Al Ubaid, Uqair and Eridu.—«Iraq». 22, 1960.
113. Lloyd S. Back to Ingharra.—«Iraq». 31, pt. 1, 1959.

114. Lloyd S. and Safar F. Eridu.—«Sumer». 3. 1947; 4. 1948.
115. Lloyd S. and Safar F. Tell Uqair: Excavations by the Iraq Government Directorate of Antiquities in 1940—41.—«Journal of Near Eastern Studies». 2, 2, 1943, c. 131.
116. Lloyd S. and Safar F. Tell Hassuna: Excavations by the Iraq Government Directorate of Antiquities in 1943—44.—«Journal of Near Eastern Studies». 4, 1945.
117. Mackay E. A Sumerian Palace and the 'A' Cemetery at Kish, Mesopotamia. Chicago, 1929.
118. Mackay E. Excavations at Jemdet Nasr.—Field Museum: Anthropological Memoirs. Chicago, 1931, № 1—3.
119. Macqueen J. Babylon. L., 1964.
120. Madheom T. Excavations of Nineveh.—«Sumer». 23. 1967.
121. Madhloum T. Nineveh.—«Sumer». 24. 1968.
122. Madhloum T. The Chronology of Neo-Assyrian Art. L., 1970.
123. Mallowan M. E. L. Excavations at Brak and Chagar Bazar.—«Iraq». 9. 1947.
124. Mallowan M. E. L. White Painted Subartu Pottery in Mélanges Offerts à M. René Dussaud. Vol. 2. 1939.
125. Mallowan M. E. L. Twenty-Five Years of Mesopotamian Discovery.—British School of Archaeology in Iraq. L., 1956.
126. Mallowan M. E. L. Noah's Flood Reconsidered.—«Iraq». 26, pt. 2, 1964.
127. Mallowan M. E. L. Nineveh 5 in Vorderasiatische Archäologie Studien und Aufsätze, Festschrift Moortgat. B., 1964.
128. Mallowan M. E. L. Tell Chuera: Fourth Campaign.—«Iraq». 28, pt. 1, 1956.
129. Mallowan M. E. L. Nimrud and its Remains. L., 1966.
130. Mallowan M. E. L. Review of «Mission Archéologique de Mari». Vol. 4.—Bibliotheca Orientalis». 26, № 1/2, 1969.
131. Mallowan M. E. L. Cambridge Ancient History. Vol. I, pt. 1. Cambridge. 1970; Ch. 8: The Development of Cities from Al Ubaid to the end of Uruk V: section 1. Babylonia and Mesopotamia; section 2, Assyria; section 3, Syria; section 4, Iran; Vol. I, pt. 2, 1971 (Ch. 16: The Early Dynastic Period in Mesopotamia).
132. Mallowan M. E. L. and Rose J. C. The Excavations of Tell Arpachiyah.—«Iraq». 2. 1935.
133. McEwan C. et al. Soundings at Tell Fachariya.—«Oriental Institute Publications». 79. Chicago, 1958.
134. Mellaart J. Çatal Hüyük. L., 1967.
135. Mellaart J. The Neolithic of the Near East. L., 1975.
136. Moorey P. R. S. A Reconstruction of East Kish.—«Iraq». 26, pt. 1, 1966.
137. Moortgat A. Vorderasiatische Rollsiegel. B., 1940.
138. Moortgat A. Assyrische Glyptik des 12. Jahrhunderts.—«Zeitschrift für Assyriologie». 48 (n. f. 14). 1944.
139. Moortgat A. Tell Chuera in Nord-Ost Syrien. Preliminary Reports in Wissenschaftliche Abhandlungen für Arbeitsgemeinschaft. Köln, 1959—1967.
140. Mortensen P. Additional Remarks on the Chronology of Early Farming Communities in the Zagros Area.—«Sumer». 20. 1964.
141. Munchajef E. and Merpert N. in: «Sumer». 25. 1969, onwards.
142. Munchajef R. and Merpert N. Early Agricultural Settle-

- ments in the Sinjar Plain, Northern Iraq.—*«Iraq»*. 35, pt. 2, 1973, c. 93 и сл.
143. Oates David. Tell Rimah, 1966.—*«Iraq»*. 29, pt. 2, 1967.
 144. Oates David. Studies in the Ancient History of Northern Iraq. British Academy. L., 1968.
 145. Oates David. Early Vaulting in Mesopotamia.—*Archaeological Theory and Practice: Essays Presented to W. F. Grimes*. L., 1973.
 146. Oates Joan. Ur and Eridu: the Prehistory.—*«Iraq»*. 22, 1960.
 147. Oates Joan. Tell-es-Sawwan Figurines.—*«Iraq»*. 28, pt. 2, 1966.
 148. Oates Joan. Goddess of Choga Mami.—*«Illustrated London News»*. 28.IX.1969.
 149. Oates Joan. Choga Mami, 1967—8; A Preliminary Report.—*«Iraq»*. 31, pt. 2, 1969.
 150. Oates Joan. Prehistory in North-Eastern Arabia.—*«Antiquity»*. 50, № 179, 1976.
 151. Oates D. and J. The Rise of Civilization. Ox., 1976.
 152. Oppenheim A. L. Ancient Mesopotamia. Chicago, 1964.
 153. Parrot André. Mari et Chagar Bazar.—*«Iraq»*. 19, 1938.
 154. Parrot André. Tello: Vingt Campagnes de Fouilles, 1871—1933. P., 1948.
 155. Parrot André. Archéologie Mésopotamienne. Vol. I. P., 1946; vol. II. P., 1953.
 156. Parrot André. Mission Archéologique de Mari. Vol. I. Le Temple d'Ishtar. P., 1956; vol. 2, pt. 1. Le Palais: Architectur. P., 1958; vol. 2, pt. 2. Le Palais: Peintures Murales. P., 1958; vol. 2, pt. 3. Le Palais: Documents et Monuments. P., 1958; vol. 3. Les Temples de Ishtar et de Nini-Zaza. P., 1967; vol. 4. Le Trésor d'Ur. P., 1967.
 157. Parrot André. Nineveh and Babylon. L., 1961.
 158. Parrot André. Les Fouilles de Mari: Vingtième Campagne.—*«Syria»*. 39, 1962.
 159. Perkins A. L. The Comparative Archaeology of Early Mesopotamia.—*«Studies in Ancient Oriental Civilization»*. 25. Chicago, 1949.
 160. Place V. Ninive et l'Assyrie, avec des Essais de Restauration par Félix Thomas. P., 1867—1870.
 161. Porada E. Corpus of Ancient Near Eastern Seals in North American Collections. Vol. I. Wash., 1948.
 162. Postgate N. The First Empires. Ox., 1977.
 163. Rassam H. Asshur and the Land of Nimrod. N. Y., 1897 (re-published 1971).
 164. Ravn O. E. Herodotus' Description of Babylon. Copenhagen, 1942.
 165. Rimmer J. Ancient Musical Instruments of Western Asia. L., 1960.
 166. Roux George. Recently Discovered Sites in the Hammar Lake District.—*«Sumer»*. 16, 1960.
 167. Roux George. Ancient Iraq. L., 1964.
 168. Safar F. Eridu: A Preliminary Report on the Third Season's Excavations.—*«Sumer»*. 6, 1950.
 169. Saggs H. W. F. The Greatness That was Babylon. L., 1962.
 170. Sandars N. K. The Epic of Gilgamesh. Harmondsworth, 1960.
 171. De Sarzec E. and Heuzey L. Découvertes en Chaldée. P., 1884—1912.
 172. Scheil V. Une Saison de Fouilles à Sippar.—*Memoires Publiées*

par les Membres de l'Académie Française d'Archéologie Orientale du Caire. Vol. I. 1901.

173. Singh P. Neolithic Cultures of Western Asia. L., 1974.
174. Smith Sidney. Dimktim.—«Sumer», 2, № 2, 1946, с. 19 и сл.
175. Solecki Ralph S. Shamdar: The Humanity of Neanderthal Man. L., 1971.
176. Sollherger E. Sur la Chronique de Rois d'Ur et Quelques Problèmes Annexés.—«Archives für Orientforschung», 17, 1954.
177. Sollherger E. Notes on the Early Inscriptions from Ur and Al Ubaid.—«Iraq», 22, 1960.
178. Speiser E. A. Excavations at Tepe Gawra. Vol. I. Philadelphia, 1935.
179. Starr R. F. S. Nuzi. L., 1938.
180. Strommenger E. Akkadian Sculpture.—«Baghdader Mitteilungen», 2, pt. 1, 1936.
181. Strommenger E. The Art of Mesopotamia. L., 1964.
182. Thompson R. Campheli and Mallowan M. E. L. The British Museum Excavations at Nineveh, 1931—32.—«Liverpool Annals of Archaeology and Anthropology», Vol. 20, 1932.
183. Thureau-Dangin F. and Dunand N. Til Barsip. P., 1936.
184. Tobler A. J. Excavations at Tepe Gawra. Vol. 2. Philadelphia, 1950.
185. Turner G. Tell Nebi Yunus: The Ekal Masharti of Nineveh.—«Iraq», 32, pt. 1, 1970.
186. Turner G. The State Apartments of Late Assyrian Palaces.—«Iraq», 32, pt. 2, 1970.
187. Turner G. Late Assyrian Palaces and Their Mesopotamian Antecedents. (Ph. D. thesis). L., 1967.
188. Ucko P. J. Anthropomorphic Figurines.—«Royal Anthropological Society, Occasional Papers», 24. L., 1968.
189. Van Buren E. D. Places of Sacrifice (Opferstätten).—«Iraq», 14, 1952.
190. Van Buren E. D. Fish Offerings.—«Iraq», 10, pt. 2, 1948, с. 101.
191. Waterlin L. C. and Langdon S. Excavations at Kish. L., 1930—1934.
192. Weher O. Altorientalische Sieghilder in Der Alte Orient. Vols. 17—19. Lpz., 1920.
193. Wetzel F. Die Stadtmauern von Babylon. Lpz., 1930.
194. Wiseman D. J. Cylinder Seals of Western Asia. L. (n.d.).
195. Woolley C. L. Excavations at Ur.—«Antiquaries Journal», 3, 1923—13, 1934.
196. Woolley C. L. Ur Excavations. Vol. 2. The Royal Cemetery. London—Philadelphia, 1934.
197. Woolley C. L. Ur of the Chaldees. L., 1935.
198. Woolley C. L. Ur Excavations. Vol. 4. The Early Periods. London—Philadelphia, 1956; vol. 5. The Ziggurat and its Surroundings. London—Philadelphia, 1959; vol. 6. The Buildings of the Third Dynasty. London—Philadelphia, 1965.
199. Woolley C. L. Excavations at Ur (preliminary reports collected in a single volume). L., 1954.
200. Woolley C. L. and Mallowan M. E. L. Ur Excavations. Vol. 9. The Neo-Babylonian and Persian Periods. London—Philadelphia, 1962.
201. Ziegler C. Die Keramik von Haggi Mohammed. B., 1953.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эта книга — последняя по времени сводная работа по археологии одного из самых поразительных регионов древнего мира — Месопотамии, междуречья Тигра и Евфрата. С ним связывается ныне один из основных центров древнейших цивилизаций, здесь с наибольшей полнотой и четкостью прослеживаются пути сложения этих цивилизаций, оказавших решающее влияние на историческое развитие не только Ближнего Востока, но и всего Старого Света, более того — всего человечества. Когда говоришь о Месопотамии с прилегающими к ней районами Восточного Средиземноморья, неоднократно приходится прибегать к слову «первый». Первые поселки со сложившейся уже производящей экономикой, прежде всего с основными ее отраслями — земледелием и скотоводством. Первые обширные сельскохозяйственные территории в речных долинах. Первые попытки применения металла. Первые фундаментальные постройки. Первое колесо, а значит, первые повозки и первый гончарный круг. Первая в мире письменность. Первый эпос. Первые города, а значит, достаточно сложная уже социальная структура с появлением классов и сложением государственности. Особо подчеркну, что последние процессы, отражающие важнейшие закономерности общечеловеческого развития, протекали в Месопотамии сугубо самостоятельно, их определяли внутренние факторы, внутреннее общественное развитие, не усложненное решающими влияниями извне. Такой характер отмеченных процессов позволяет говорить о «первичных цивилизациях», число которых во всем древнем мире весьма ограничено: в Старом Свете можно выделить четыре подобные цивилизации — шумерскую, египетскую, индскую и шаньского Китая, в Новом — две — мезоамериканскую и перуанскую.

И даже среди «первичных цивилизаций» шумерская, локализуемая в Месопотамии, может по праву рассматриваться как одна из древнейших. Хронологически она сопоставима лишь с египетской, а наиболее ранняя ее ступень — урукская — датируется второй половиной IV тысячелетия до н. э., что позволяет считать ее синхронной, а частично и предшествующей началу Раннего царства — первого государственного образования Египта. За ней же последовали три тысячелетия многообразного и сложного развития ряда народов, горо-

дов-государств, реже крупных, но недолговечных «империй», наконец, высокоразвитых, глубоко оригинальных, но взаимосвязанных первоначальным шумерийским импульсом культур. Все это составляет понятие древней Месопотамии.

И если сейчас определены основные контуры этого важнейшего для всей человеческой истории феномена, если плодотворно исследуется и непрестанно расширяется связанная с ним проблематика, то основная заслуга принадлежит здесь археологии. Не будет преувеличением сказать, что археология открыла Месопотамию современному человечеству и обусловила само возникновение связанной с ней проблематики. Для дописьменной Месопотамии, для изучения предпосылок, импульсов и путей сложения ее древнейшей цивилизации археологические материалы являются единственным видом источников. Для последующих периодов они сочетаются с письменными источниками, сочетаются «наравно», ничуть не утратив своего значения. Необходимо помнить, что и сами письменные источники истории древней Месопотамии, ныне уже многие десятки тысяч бесценных клинописных табличек, появились из-под лопаты археологов.

Раскопки в Месопотамии насчитывают уже около полутора столет. Фактически здесь рождалась археология Ближнего Востока, здесь она прошла отнюдь не прямой и не легкий путь от бессистемной и часто разрушительной охоты за объектами (известный исследователь Ниппура Герман Гильпрехт метко охарактеризовал ее впоследствии как «систему антинаучного грабежа») до выработки подлинно научной методики, постоянного совершенствования ее и успешного применения при плодотворных исследованиях самых различных по своей специфике объектов. Многие из них привели к открытиям мирового значения. В целом же, повторяю, эти исследования открыли древнюю Месопотамию. И более того, они продолжают открывать ее, не только обогащая наши знания по известным уже периодам и историческим сюжетам, но и вскрывая совершенно новые периоды и сюжеты, новые пласты древнейшей истории этого удивительного региона.

Сейчас можно уже говорить об истории самих археологических исследований Месопотамии, истории сложной, противоречивой, яркой, а иногда и драматичной. В ходе этих исследований охватываемая ими проблематика непрестанно расширялась. Предельно схематизируя ход этого процесса, можно отметить ретроспективный характер его развития. Первые раскопки Э. П. Ботта и Г. А. Лэйярда в 40-х годах прошлого века открыли миру ассирийскую культуру, и прежде всего культуру городов позднеассирийского периода VIII—VII вв. до н.э. (Дур-Шуррукина, Ниневии, Кальху). Это направление господствовало до 70-х годов XIX в. Открытия и отдельные раскопки более ранних — шумерских — памятников в этот период (работы В. К. Лофтуса в Варке и Ларсе, Дж. Е. Тэйлора в Уре и Эреду

и др.) принципиальных изменений в подобную ситуацию не внесли: далеко не все объекты такого рода могли быть в то время идентифицированы и поставлены на определенное место в истории Месопотамии. Указанные работы были лишь заявкой на шумерскую проблематику, подлинная археологическая разработка и осмысление которой начались в 70-х годах XIX в. с раскопками Э. де Сарзека в Телло, широко осветившими абсолютно неизвестную ранее культуру Месопотамии III тысячелетия до н. э. С этого времени археология Шумера и Аккада обрела форму особого направления, которое развивалось наряду с археологией Ассирии и Вавилонии (резко обогащенной и поднятой на совершенно иной научный уровень раскопками Р. Кольдевея в Вавилоне и В. Андрэ в Ашшуре). Впрочем, и здесь можно отметить ретроспективный характер развития: вначале исследовались высокоразвитые классические шумерские города (Гирсу, Ниппур, Шуруппак, Ур, Урук, Киш и др.) и лишь в середине нашего века были открыты наиболее ранние памятники, связанные с шумерами и имеющие решающее значение для разработки вопроса об истоках их культуры (нижние слон Эреду, Хаджи-Мухаммед).

И, наконец, в 40-х годах XX в. оформилось еще одно направление археологии Месопотамии: целенаправленные исследования памятников дописьменных периодов. Особое внимание при этом обращено на становление и развитие производящих форм экономики, чрезвычайно раннее возникновение и быстрый прогресс которых в Месопотамии лежат в основе всего ее дальнейшего подъема вплоть до превращения в один из важнейших культурных очагов древней истории. И здесь первые находки появились уже в конце XIX в. (керамика нижних слоев Эль-Хиббы, Каркемиша и др.), в 1912—1914 гг. были открыты и замечательные материалы Телль-Халафа и Самарры, но определение их хронологии, культурной принадлежности и исторического места было тогда невозможно. Да и открыты они были случайно. Выделенная в 20-е годы убейдская культура IV тысячелетия до н. э. была сочтена первой ступенью развития Южной Месопотамии вообще, при этом она имела лишь верхнюю привязку (с хронологически следующей урукской культурой), нижней привязки не было вообще. Лишь двадцатисемиметровый зондаж на холме Куянджик в Ниневии в 1931 г., а также раскопки Телль-Арпачини в 1933 и Телль-Хассуны в 1943 г. дали представление о последовательности культур дописьменной Месопотамии, о месте в этой последовательности отмеченных выше прежних находок и, в частности, о нижней хронологической привязке убейдской культуры. Вновь открытая хассунская культура VI тысячелетия до н. э. стала рассматриваться как первая раннеземледельческая культура Месопотамии, непосредственно сменившая временные лагеря бродячих охотников. Но в последующие десятилетия исследования в Курдистане, в Синд-жарской долине, на Верхнем Евфрате и в Юго-Западном Иране за-

ставили вновь пересмотреть этот вопрос, углубить дату начала раннеземледельческих культур до VII и даже VIII тысячелетия до н. э. и выделить несколько ступеней их развития, предшествующих хассунской культуре.

Это направление исследования приобрело сейчас особую важность, ибо именно оно должно объяснить само возникновение феномена Месопотамии. Но и другие направления разрабатываются с предельной активностью и в весьма значительных масштабах, особенно после включения в исследовательскую деятельность иракских и сирийских археологов. Фактически каждый год ознаменовывается новыми крупными открытиями. Фонд археологических источников непрерывно возрастает. И обобщающие труды по археологии Месопотамии быстро устаревают, требуют не только дополнений и расширения, но и изменений принципиального, концепционного характера. Так, достаточно полный для своего времени обзор древностей Двуречья, изданный Христианом в 1940 г.¹, представляет ныне интерес лишь для историографии рассматриваемого вопроса. Появившийся тридцать лет назад двухтомный труд крупнейшего исследователя Ближнего Востока Андре Парро² в ряде разделов полностью сохранил свое значение, но с момента его издания появились не только сотни важнейших новых памятников, но и целые новые разделы археологии Месопотамии, общее состояние которой заметно изменилось. Эти изменения определенным образом учтены в некоторых более поздних работах, однако авторы последних не ставили перед собой задачи полного обзора основных разделов данной проблемы и ограничивались выборочным рассмотрением отдельных памятников и направлений исследований³.

Поэтому появление новой книги, специально посвященной общему обзору археологии Месопотамии на современном этапе ее развития, закономерно и весьма своевременно. Закономерно и то, что автором ее явился проф. Сетон Ллойд, около сорока лет отдавший археологическому изучению Ближнего Востока, и прежде всего Месопотамии, где им исследовались памятники, принадлежащие различным периодам и расположенные в различных районах. Уже в начале 30-х годов С. Ллойд ряд сезонов участвовал в раскопках раннединастических (III тысячелетие до н. э.) поселений в бассейне Диялы, далее же исследовал и более ранние памятники как в Южной Месопотамии (Эль-Убейд), так и в Северной (первое обследо-

¹ V. Christian. *Altertumskunde des Zweistromlandes*. Lpz., 1940.

² A. Parrot. *Archéologie Mésopotamienne*. Vol. I. P., 1946; vol. II. P., 1953.

³ M. A. Beek. *Atlas of Mesopotamia*. L., 1962; S. N. Kramer. *The Sumerians*. Chicago, 1963; G. Roux. *Ancient Iraq*. L., 1964; J. Hawkes. *The First Great Civilizations*. L.—N. Y., 1973; D. and J. Oates. *The Rise of Civilization*. Ox., 1976.

ние Синджарской долины). После двух лет работ на одном из эталонных объектов ближневосточной археологии — многослойном поселении Мерсин в Южной Турции — С. Ллойд вернулся в Ирак, где начиная с 1940 г. провел ряд значительных исследований в содружестве с выдающимся иракским археологом, ныне покойным проф. Фуадом Сафаром. К югу от Багдада ими было раскопано поселение Укейр с последовательными слоями убейдской и урукской культур, а также культуры периода Джемдет-Наср. На севере, в районе Мосула, они провели широкие исследования упоминавшегося уже поселения Телль-Хассуна — эпонимного памятника одной из важнейших раннеземледельческих культур Северной Месопотамии. На юге С. Ллойд и Ф. Сафар после ряда неудачных попыток их предшественников осуществили чрезвычайно успешные раскопки Эреду — города, который сами шумеры считали древнейшим в мире, ставили его первым в списке своих городов, связывали с ним само возникновение градостроительства и «снихождение с неба царской власти». Последовательные слои Эреду от протоубейдской культуры конца VI — начала V тысячелетия до н. э. до развитой шумерской цивилизации середины III тысячелетия до н. э. превратили этот памятник в основной эталон для древнейших культур Южной Месопотамии и позволили по-новому рассматривать общую проблему происхождения шумеров и их культуры. В 50-е годы С. Ллойд, возглавив Британский археологический институт в Анкаре, руководил раскопками ряда значительных многослойных поселений энеолита и бронзового века Турции (Полатли, Султан-тепе, Бейджесултана).

Широкая полевая археологическая практика С. Ллойда безусловно отразилась и на настоящей книге. Автор стремится представить общее состояние археологической изученности Месопотамии, специфику археологических источников и роль их в изучении конкретных периодов как дописьменной, так и письменной истории региона. Предельно лаконично, но достаточно четко характеризует он основные раскопки, определяя тем самым степень достоверности и информативности их материалов. Значительное внимание уделено систематизации этих материалов, выделению категорий их, наиболее характерных для различных районов и этапов развития, а также таким собственно археологическим вопросам, как датировка этапов и создание сравнительно-хронологических схем с сопоставлением ряда региональных колонок. Многолетние работы автора в смежных с Месопотамией областях позволили рассматривать подобные вопросы на широком сравнительном фоне, с учетом материалов фактически всего Ближнего Востока. И соответствующие схемы С. Ллойда представляются весьма удачными. Синхронистические таблицы ныне сопровождают каждую обобщающую работу по первобытной археологии. Часто они чрезмерно усложнены, громоздки, перегружены излишними деталями и недостаточно достоверными данными.

В этой же книге такие таблицы предельно просты, хорошо продуманы, лаконичны и наглядны. К абсолютным датировкам автор подходит с совершенно оправданной осторожностью. Для дописанных периодов он указывает неоднократно уже апробированные даты, опирающиеся на результаты радиоуглеродного анализа, но без дендрохронологической поправки, которая потребовала бы для VII—V тысячелетий до н. э. неприемлемого удревнения всех определений в среднем на тысячу лет. Применение некалиброванных дат представляется мне совершенно правильным: именно такие даты находятся в закономерном соотношении с «исторической хронологией», т. е. датами, полученными на основании анализа появившихся в конце IV тысячелетия до н. э. письменных источников. Поэтому абсолютные хронологические рамки отдельных культур, предложенные С. Ллойдом, представляются в основном правильными. То же следует сказать и о хронологическом соотношении культур, об их относительной хронологии. Отмечу здесь правильную позицию, занятую автором в вопросе соотношения двух основных раннеземледельческих культур Северной Месопотамии — хассунской и халафской. Первоначальное заключение об их хронологической последовательности подверглось в последние годы неправомерному пересмотру с попыткой представить развитие этих культур в виде синхронного процесса (Дж. Меллаарт)⁴, чему противоречат данные последних исследований, в том числе раскопок советской экспедицией в Ираке поселения Ярым-тепе II, где раннехалафский слой перекрывал позднехассунский⁵. И даже основываясь лишь на старых материалах (Хассуны, Арпачии, Гавры), С. Ллойд относит весь период развития халафской культуры к постхассунскому времени (табл. V).

Однако некоторые положения синхронистических таблиц настоящей книги дискуссионны, а иногда и ошибочны. Прежде всего это касается таблицы, представляющей ступени развития смежных с Месопотамией областей — Леванта, Анатолии и Ирана (табл. II). Она чрезмерно обобщена и схематична, различные территории и линии развития оказываются на ней совмещенными в пределах единых колонок. Так, восточно- и центральноанатолийские памятники Чайеню, Чатал-Хююк и Хаджилар включены в одну линию развития с сирийским поселением Мюрейбит, хотя последнее более тяготеет к сиро-палестинской линии, которую правильнее было бы представить в виде особой хронологической колонки. Слишком схематично дана последовательность и древнейших иранских памятников; можно пожалеть, что автор не привел здесь хорошо разработанную и наиболее сопоставимую с месопотамской колонку многослойных поселений

⁴ J. Mellaart. The Neolithic of the Near East. L., 1976, p. 143.

⁵ Р. М. Мунчаев, Н. Я. Мерперт. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981, с. 265.

Дех-Луранской долины (Али-Кош, Шага-Сефид и др.), включающую ряд ступеней развития от VIII до V тысячелетия до н. э.⁶. На табл. V вызывает удивление отсутствие особой колонки загросских памятников, Джармо оказывается здесь в одиночестве и в отрыве как от предшествующей линии развития с рядом таких важных ступеней, как Карим-Шахир, Зави-Чеми, Гандж Дарех-тепе, так и от последующих памятников (Шимшара). Неубедительна и синхронизация Джармо с Умм-Дабагией, безусловно представляющей более позднюю ступень развития. То же следует сказать и о синхронизации основных памятников недавно выделенной самаррской культуры VI — начала V тысячелетия до н. э. — Телль ас-Саввана и Чога-Мами: синхронизация здесь возможна лишь частично, поскольку в Чога-Мами представлен лишь поздний этап указанной культуры, тогда как слои Телль ас-Саввана охватывают весь период ее развития, а самый ранний из них может с большим основанием, чем Джармо, синхронизироваться с Умм-Дабагией.

Но при всех этих дискуссионных моментах общая хронологическая схема книги представляется в основных своих звеньях правильной.

Не буду останавливаться на позитивных сторонах книги С. Ллойда: читатель сам убедится в широте охвата материала, в профессионализме его подачи, четкости и логичности общей структуры. Коснусь лишь вопросов дискуссионных, вызывающих определенные возражения или не освещенных в книге совсем.

В книге нет раздела, посвященного истории археологических исследований Месопотамии, истории, как уже отмечалось, чрезвычайно интересной и поучительной. Автор сам отмечает это, отсылая читателя к другой своей книге — «Foundations in the Dust», где этот сюжет рассматривается специально. Но книга эта издана в 1947 г. (практически одновременно с превосходным очерком истории исследований в отмеченной уже выше книге Андрэ Парро). С тех пор в Месопотамии рядом экспедиций, в том числе и советской, проведены многочисленные раскопки, весьма интересные методически и значительные по результатам. Они охватывают все рассмотренные в книге периоды, начиная с появления и развития раннеземледельческих культур (исследования в Курдистане, Синджарской долине, районах Хатры и Самарры, наконец, раскопки самого С. Ллойда и Ф. Сафара в Эреду и др.) и до конца истории Ассирии и нововавилонского царства (раскопки в Телль эль-Римахе, реставрационные работы в Ашшуре, Ниневии, Нимруде, Вавилоне, огромные по масштабам

⁶ F. Hole, K. Flannery, J. A. Neely. Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain. Ann Arbor, 1969; F. Hole. Studies in the Archeological History of the Deh Luran Plain. Ann Arbor, 1977.

кампании в зонах затопления Хамринского водохранилища и Евфратской ГЭС и др.). Эти работы вполне заслуживают включения в историю исследований Месопотамии.

И, чтобы получить представление хотя бы об основных из них, читателю следует обращаться не к указанной работе 1947 г., а ко второму ее изданию, появившемуся уже после английского издания настоящей книги — в 1980 г. Но краткий очерк истории исследований был бы, как я полагаю, вполне уместен и в «Археологии Месопотамии».

Далее. В книге С. Ллойда дан относительно полный обзор археологических памятников и их материалов, но фактически в ней нет обзора археологических проблем, состояния их изученности и связи с общими проблемами истории Месопотамии. Лишь в отдельных случаях автор очень коротко останавливается на соответствующих вопросах (например, на вопросе происхождения шумеров). Несколько подробнее он коснулся их в другой своей книге — «Реки-близнецы», русский перевод которой был издан в 1972 г. Но следует полностью согласиться с проф. М. Дандамаевым, подчеркнувшим что и в ней «автор не дает глубокого исторического анализа событий, подлинной их оценки и не доискивается до причин социальных перемен»⁷. В полной мере это относится и к книге, рассматриваемой ныне. Коснусь здесь лишь некоторых общих вопросов.

Начну с проблемы «неолитической революции» — перехода от присваивающей экономики к производящей, явившегося прежде всего отражением закономерностей общечеловеческого развития и вызвавшего глубочайшие революционные преобразования в жизни общества. В подобном плане эта проблема в книге С. Ллойда не ставится (да и не упоминается вообще). Между тем археологические материалы Месопотамии чрезвычайно благодатны и важны для ее разработки. Существовавшее ранее предубеждение относительно минимума отставания Двуречья в ходе этого процесса от сиро-палестинского региона ныне может быть с должными основаниями отвергнуто. В двух районах Месопотамии с достаточной четкостью прослеживаются и предпосылки «неолитической революции», и ее ход, и ее последствия. Один из них — горы и предгорья Загроса с отмеченными уже выше памятниками, документирующими последовательные ступени становления производящей экономики. С. Ллойд очень кратко отмечает исследование этого района, причем только в историографическом плане (лишь в этом же плане упоминается и «неолитическая революция»: автор ограничивается здесь приведением общих определений ее критериев Г. Чайлдом и Р. Брейдвудом, не

⁷ М. Дандамаев. Послесловие.—С. Ллойд. Реки-близнецы. М., 1972, с. 233.

останавливаясь ни на собственных представлениях об этой проблеме, ни на специфике документации ее материалами Месопотамии). Второй район — средний Евфрат, по непонятным причинам вообще не включенный в основную территорию Двуречья. Исследования на территории Сирии (особенно в зоне строительства Евфратской ГЭС) доказали распространение на этот район натufийских традиций и развитие здесь поселений IX—VII тысячелетий до н. э. как с предпосылками, так и с наиболее ранними формами производящего хозяйства (Мюрейбит, Абу-Хурейра и др.). Поселения эти тесно связаны с сиро-палестинским очагом «неолитической революции» и по древности не уступают его памятникам⁸.

Очень важны здесь первые находки подобного рода на территории, промежуточной между двумя названными районами (они появились уже после окончания работы над данной книгой). Это прежде всего замечательное поселение Телль-Магзалия, открытое советской экспедицией в Синджарской долине (Северо-Западный Ирак)⁹. Восьмиметровый слой его целиком относится к докерамическому неолиту и соотносится с поселениями второй фазы этого периода в сиро-палестинском районе (конец VIII—VII тысячелетия до н. э.). Внутри слоя выделено не менее пятнадцати строительных горизонтов. В каждом найдены остатки больших (до 100 кв. м) прямоугольных домов с каменными основаниями стен, сохраняющими во всем слое преемственность в строительных приемах, планировке, деталях интерьера. Особый интерес представляет окружающая поселение стена из очень больших (свыше метра) каменных блоков. С северной стороны стена имела полукруглый выступ — бастион, с западной располагались ворота. Все это свидетельствует о прочной стационарности поселения и о хорошо выработанных уже строительных традициях, что могло быть обусловлено лишь развитием производящей экономики. Последнее подтверждается и комплексом находок, в котором наряду с охотничьими представлены и сельскохозяйственные орудия, а также и такими прямыми показателями, как зерна культурных злаков — пшеницы-однозернянки, карликовой пшеницы, многорядного пленчатого ячменя. И подобно синхронным поселениям Юго-Восточной Турции, здесь зафиксированы свидетельства древнейшего применения медных изделий. Найдены в Телль-Магзалии и глиняные стилизованные женские статуэтки, столь характерные для раннеземледельческих культов. Керамики же нет, сосуды делались из камня и гипса.

Таким образом, все районы Северной, предгорной Месопотамии, обладавшие соответствующими экологическими условиями, были

⁸ J. Cauvin. Les premiers villages de Syrie.— Palestine du IXème au VIIème millénaire avant J. C. Lyon. 1978.

⁹ Р. М. Мунчаев, Н. О. Бадер. Раннеземледельческое поселение в Северной Месопотамии.— «Вестник АН СССР». 1979, № 2.

охвачены процессом становления производящих форм экономики. Разработка этой проблемы является одним из важнейших вкладов археологии в изучение древней Месопотамии, в определение исторических причин, обусловивших само возникновение ее феномена.

Хронологически следующую проблему, также целиком базирующуюся на археологическом материале, составляет спуск древнейших земледельцев из предгорий, освоение ими долин великих рек и формирование месопотамской раннеземледельческой ойкумены. Здесь также чрезвычайно важны исследования советской экспедиции в Синдженской долине, где ею выделена культура Телль-Сотто (конец VII — первая половина VI тысячелетия до н. э.) с полностью сложившимся уже, типично «долинным» раннеземледельческим комплексом (прямоугольные многокомнатные дома из глиняных блоков, зернохранилища, площадки для сушки зерна, многообразные земледельческие орудия, грубая и расписная керамика, зерно, погребения младенцев в урнах и пр.). Несмотря на появление керамики, сохраняется традиция производства каменных сосудов. И вновь здесь встречаются изделия из самородной меди.

С этой культурой тесно связано и упоминаемое С. Ллойдом поселение Умм-Дабагия в районе Хатры, которое поэтому следует рассматривать не как единичный ранний памятник, не как экстраординарную факторию торговцев шкурами онагров, а как отражение наиболее раннего пласта раннеземледельческих культур долины Двуречья. Этот пласт явился основным компонентом в процессе формирования хронологически следующей, хассунской культуры¹⁰, которая восприняла ряд его традиций, в том числе и традицию домостроительства. А это делает неправомерным старое заключение автора о наличии в основании Телль-Хассуны остатков лагеря полубродячих охотников (слой I-a), повторенное в несколько смягченном виде и в этой книге. Следует подчеркнуть, что это заключение опровергнуто и фактически, поскольку стационарные многокомнатные жилые постройки найдены в нижнем слое Ярым-тепе I, являющемся полным аналогом слою I-a Телль-Хассуны¹¹.

Несмотря на значительное внимание к архитектуре, планировке и оформлению поселений, общая проблема их эволюции, роста, распространения, усложнения их структуры в связи с социально-экономическим развитием населения Месопотамии в книге не ставится. Между тем материалы для плодотворной разработки этой проблемы здесь достаточно велики и весьма благодарны. Они позволяют проследить переход от единичных поселений предгорий типа Джармо и Телль-Магзалии к системе поселений долины с их структурным ус-

¹⁰ Н. О. Бадер. Раннеземледельческое поселение Телль-Сотто. — «Советская археология». 1975, № 4.

¹¹ Р. М. Мунчаев, Н. Я. Мерперт. Раннеземледельческие поселения..., с. 143 и сл.

ложением и намечающейся уже иерархией в период хассунской и самаррской культур, когда наряду с маленькими хуторами (верхний слой Телль-Сотто) существовали крупные и, очевидно, «базовые» поселки (Ярым-тепе I) и, наконец, экстраординарные поселения с укрепленными резиденциями вождей крупных племен и культовыми сооружениями (Телль ас-Савван). Эти процессы еще более активно протекали в последующие периоды и еще более рельефно документированы материалами халафской и убейдской культур. Для первой из них чрезвычайно важны исследования в последние годы разноразмерных поселений: совсем маленьких — до 0,5 га (такие поселения раскопаны японской экспедицией в зоне Хамринского водохранилища), средних — около 1 га и очень крупных — свыше 4 га — с чрезвычайно сложной внутренней структурой. Последние две категории достаточно четко представлены поселениями Ярым-тепе II и III, раскопанными советской экспедицией. Оба они многослойны и позволяют проследить рост и совершенствование поселений вплоть до появления в них крупных построек, возможно, культового назначения (верхние горизонты Ярым-тепе II). В период убейдской культуры иерархия поселений становится еще более выразительной, а самые значительные из них и по размерам и по характеру застройки — прежде всего по наличию крупных культовых построек и целых их комплексов — могут уже именоваться протогородами: таковы на юге Эреду VII—VI с двумя группами храмов (VI—VIII и IX—XI), на севере — Гавра XIII с комплексом из трех культовых построек.

Эти археологические материалы отмечают последовательные ступени важнейшего процесса, закономерно приведшего в урукский период к появлению городов — одного из основных показателей сложения классового общества и государственности. К сожалению, этот аспект исследования поселений остался не освещенным в книге С. Ллойда. Основное внимание в соответствующих главах (III и IV) уделяется двум категориям находок — архитектурным остаткам и керамике, чему подчинена и структура этих глав: эволюция каждой из этих категорий рассматривается изолированно (см. гл. IV), синтеза же археологических свидетельств поселений, а следовательно, и общей картины их развития фактически нет.

Заметно обедненным выглядит раздел, посвященный древнейшим погребениям Месопотамии. Он фактически ограничивается материалами позднеубейдских и урукских слоев (XII—VIII) Гавры. Помимо них лишь упоминаются находки в Телль ас-Савване и Арпачин. Между тем ныне материалы этой важнейшей категории археологических памятников заметно возросли. Советской археологической экспедицией найдены погребения всех исследованных ею периодов от докерамического неолита (Телль-Магзалия) до халафской культуры. Для последней зафиксированы многообразие и сложность обрядов (трупоположение в ямах и катакомбах, захоронение черепов,

трупосожжение), что чрезвычайно важно для разработки общих вопросов истории населения древнейшей Месопотамии¹².

Следующая проблема — археология Шумера и Аккада — относится уже к началу письменной истории Месопотамии. Посвященные ей главы книги (V—VII) также являются прежде всего обзором хорошо подобранных и четко систематизированных археологических материалов. Но автор в предельно лаконичной форме касается здесь и некоторых общих вопросов, прежде всего крайне дискуссионного вопроса о происхождении шумеров и их культуры. Мне представляются совершенно оправданными критическое отношение его к теориям (главным образом лингвистическим) прихода шумеров в Месопотамию извне (как и существования здесь дошумерского языкового пласта) и утверждение последовательности культурного развития и, главное, ритуальной преемственности начиная с убейдской культуры. Весьма существенным аргументом в пользу месопотамских корней шумеров являются и упоминаемые автором находки убейдских поселений на южном берегу Персидского залива, в Саудовской Аравии, Катаре и на Бахрейне. Важно отметить, что новые исследования этих материалов не только подтвердили принадлежность их отнюдь не раннему этапу развития Убеида, но и доказали происхождение последней из мастерских Эреду, Ура или Телль-Убеида, т. е. движение из Месопотамии на юг¹³.

Необходимость учета при разработке шумерской проблемы прежде всего собственно месопотамских культур представляется ныне безусловной. С. Ллойд совершенно правильно включает в их число культуры не только южного, но и северного Двуречья, поскольку уже упоминавшееся движение на наиболее ранних этапах из предгорий в долину документируется достаточно четко. Но полагаю, что этот вопрос не может быть сведен к распространению халафской культуры, которое в Средней и Южной Месопотамии фактически не зафиксировано. Более перспективной представляется разработка общего вопроса о роли раннеземледельческих культур Северной и Средней Месопотамии, и прежде всего самаррской культуры, в формировании южных групп (Эреду, Хаджи-Мухаммед), традиционно связываемых с происхождением убейдской культуры.

С шумерской проблемой неразрывно связан и важнейший вопрос происхождения письменности, тем более ответственный, что письменность Урука IV и на нынешнем уровне наших знаний остается

¹² Н. Я. Мерперт, Р. М. Муичаев. Погребальный обряд племен халафской культуры (Месопотамия). — «Археология Старого и Нового света». М., 1982.

¹³ J. Oates, T. E. Davidson, D. Kamilli and H. McKerrell. Seafaring Merchant of Ur? — «Antiquity». Vol. LI, № 203. Cambridge, 1977, с. 221—234.

одной из древнейших в мире наряду с египетской Раннего царства, если не самой древней вообще. На пиктографические таблички Урука IV традиционно ссылаются и С. Ллойд, допуская, правда, и более ранние ступени развития процесса, приведшего к их появлению и связанные с Уруком V и VI. Допущение вполне закономерное, хотя в указанных слоях самого Урука (ниже IV) прямых свидетельств предпосылок письменности нет. Но нельзя ограничиваться Уруком. Предпосылки представленной в нем сложившейся уже письменности отмечены ныне в ряде пунктов Месопотамии и прилегающих районов Ирана. Особый интерес представляют здесь так называемые «таблички со знаками», имеющие, по последним предположениям, метрологический характер и рассматриваемые как протописьменность. Они найдены в весьма ранних слоях (с середины IV тысячелетия до н.э.) по меньшей мере девяти поселений от Джебель-Аруды и Хабубы-Кабиры на западе до Гордин-тепе и Тепе-Сиапка на востоке, Урука и Телль-и-Газира на юге¹⁴. Тем самым очерчивается ареал тех явлений поискового порядка, на базе которых возникла древнейшая письменность Урука (и, может быть, не только Урука: остается не ясным вопрос о каменной табличке из Киша с пиктографической надписью, которую А. Парро считал наидревнейшей¹⁵. С. Ллойд ее не упоминает). Автор настоящей книги справедливо предполагает определенную связь между письменностью Урука и Джемдэт-Насра. Последняя же признается уже шумерской. А если так, то и отмеченный выше ареал табличек с протописьменностью оказывается в прямой связи с проблемой происхождения шумеров и решительно противоречит любым попыткам выводить их из какой бы то ни было далекой прародины.

Ярко и последовательно описывает С. Ллойд основные памятники и последующих за шумерским периодом — II тысячелетия до н. э. с его поразительной динамикой, этническим и культурным многообразием, среднеассирийского и, наконец, нововавилонского. Однако и здесь читатель получает определенное представление о результатах раскопок основных объектов, но далеко не всегда об общем характере и своеобразии культур старовавилонского и касситского периодов, митанни и хурритов. Среднеассирийский период представлен материалами соответствующих слоев Ашшура, но вопрос о раннеассирийском периоде и истоках ассирийской культуры остается фактически не освещенным. Очень скупо упоминаются лишь материалы нижнего слоя Телль-Римаха, относящиеся ко времени Шамши-Адада I (XIX — начало XVIII в. до н. э.), прежде всего архитектурные особенности его храма. Можно пожалеть, что не рассмотрена вся

¹⁴ D. Schmandt-Besserat. From Tokens to Tablets. A Re-Evaluation of the So-Called «Numerical Tablets». — «Visible Language». Vol. XV, № 4. Cleveland, 1981.

¹⁵ A. Parrot. Archéologie Mésopotamienne. Vol. I, с. 314.

последовательность слоев этого замечательного памятника, чрезвычайно важного для разработки как отмеченного выше вопроса, так и общих вопросов развития культуры Северной Месопотамии (и прежде всего ассирийской культуры) на протяжении всего II тысячелетия и далее — в позднеассирийский период (огромный культурный слой Телль-Римаха содержит помимо раннеассирийского пласта периода Нузи, среднеассирийский и позднеассирийский пласты).

Автор предупреждает читателя, что территориально книга ограничивается в основном территорией Ирака, т. е. классическим понятием Месопотамии. В целом это определенным образом оправданно, ибо здесь своеобразие развития последней выражено наиболее четко и последовательно. Но в ряде случаев выход за пределы современной территории Ирака представлялся бы вполне целесообразным и даже необходимым. В книге фактически лишь упоминаются замечательные памятники Дех-Луранской долины Юго-Западного Ирана, непосредственно примыкающей к долине Тигра с востока. Между тем памятники эти, прежде всего многослойное поселение Али-Кош, дают важнейшую колонку последовательных слоев VIII—V тысячелетий до н. э., заметно пополняющую и укрепляющую всю хронологическую систему древнейшей Месопотамии. Фактически совсем не использован в книге огромный материал исследований в зоне затопления Евфратской ГЭС на территории Сирии (упоминается лишь поселение Мюрейбит IX—VII тысячелетий до н. э.). Материал же этот крайне важен для изучения всех периодов истории Месопотамии. Достаточно указать здесь лишь некоторые примеры. Докерамический неолит представлен в этой части долины Евфрата наряду с Мюрейбитом весьма интересным поселением Абу-Хурейра, оба же они крайне важны для разработки проблемы связи и соотношения Северной Месопотамии с сиро-палестинским очагом «неолитической революции». Особо отмечу, что оба поселения дают серию аналогов упоминавшемуся уже поселению Телль-Магзалня, исследованному советской экспедицией в Северном Ираке. Огромное значение для разработки проблем формирования города и цивилизации, а также и шумерской проблемы имеют исследования Хабубы-Кабири-Юг — города второй половины IV тысячелетия до н. э. (древнейшего для этой части Месопотамии) с замечательными строительными комплексами и, главное, документами первой стадии развития письменности — табличками и буллами торгового характера. Весьма значительные аспекты отношений шумеров, а позже и ассирийцев с их северными соседями — аморитами, хеттами и т. д. освещаются материалами раскопок Телль-Селимкахийе и Телль-Фрая, причем в последнем открыты большие дворцовые и храмовые комплексы, булла хеттского царя Хаттусили III и клинописные таблички среднеассирийского периода. Для аккадского, позднешумерского и старовавилонского периодов чрезвычайно важны материалы Мумбакуата,

Телль-Куаннаса, Телль-Хадида, Телль-эль-Хаджа, наконец, Мескене-ха, идентифицированного по аккадским табличкам как город II тысячелетия до н. э. Емар — один из важнейших центров торговли Восточного Средиземноморья с Месопотамией.

Хотел бы обратить внимание еще на одну группу памятников, чрезвычайно важных для разработки ряда крупных проблем истории Месопотамии, но исследованных лишь в последние годы и потому не освещенных в книге С. Ллойда. Я имею в виду многочисленные археологические объекты, раскопанные в упоминавшейся уже зоне Хамринского водохранилища к востоку от среднего Тигра. Этими объектами охвачен огромный хронологический период — от V тысячелетия до н. э. до средневековья. Сделан ряд уникальных открытий, подобных большому круглому зданию конца IV тысячелетия до н. э. с системой мощных кирпичных концентрических стен (не менее пяти), открытому японской экспедицией в седьмом слое поселения Телль-Губба. Для шумерийской же проблемы особый интерес представляют широкие раскопки убейдских поселений, прежде всего исследованного иракскими археологами поселения Толль-Абада¹⁶. Объект этот дал весьма четкую стратиграфию, позволяющую проследить формирование и развитие убейдской культуры, начиная с самой ранней ступени этого процесса. Последняя была до сих пор известна лишь на юге Месопотамии в нижних слоях Эреду, и именно «культура Эреду» представлена в древнейшем слое Телль-Абады. Второй ее слой соотносится со связующей ступенью процесса, также документированной ранее лишь на юге так называемой «культурой Хаджи Мухаммед» и соответствующими слоями Эреду (отмечу, что полная публикация этого замечательного памятника недавно осуществлена в Ираке)¹⁷. Наконец, третий слой относится уже к полностью сформировавшейся убейдской культуре. Подобная же картина представлена и на других убейдских поселениях Хамринской зоны. Это позволяет считать, что процесс сложения основной протошумерской культуры охватил значительную часть Месопотамии и носил безусловно местный характер.

Этот список мог бы быть заметно пополнен новыми материалами из различных районов Месопотамии. Каждый год приносит здесь новые значительные открытия. И все же книга С. Ллойда дает достаточно четкое представление о состоянии археологической изученности этого важнейшего региона, об основных группах археологических памятников последовательных хронологических периодов и о роли их в воссоздании истории Месопотамии.

Н. Я. Мерперт

¹⁶ Sabah Abboud Jasim. Excavations at Tell Abada. A Preliminary Report. — «Iraq». Vol. XLV. P. 2. L., 1983.

¹⁷ Safar F., Mohammad Ali M., Lloyd S. Eridu. Baghdad, 1981.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Обратная сторона пиктографической таблички из Джемдет-Насра (ок. 3000 г. до н. э.), содержащей перечень товаров.

Рис. 2. Два образца великолепной расписной керамики, тип которой Морган определял как «Сузы I» (теперь обозначается «Сузы А») (ок. 4000 г. до н. э.; высота верхнего сосуда 26,8 см).

Рис. 3. Посвятительные статуи второго этапа раннединастического периода, найденные в Квадратном храме на Телль-Асмаре. Статуи относятся к «раннему стилю» (по Г. Франкфурту). Высота самой большой фигуры 76 см.

Рис. 4. Сидящая фигура Ур-Нанше из храма Иштар в Мари (РД III, высота 26 см).

Рис. 5. Миниатюрная группа из меди: бородатый шумерский царь правит колесницей, в которую запряжена четверка онагров. Найдена в храме Шара на Телль-Аграбе; древнейший образец литья по растопленной восковой модели (высота 7 см).

Рис. 6. Вырезанная из раковины фигурка воина с боевым топором из храма Иштар в Мари (РД III).

Рис. 7. Голова аккадского царя, возможно — самого Саргона (2370—2316 гг. до н. э.), из бронзы, найденная в руинах храма Иштар в Ниневии (высота 30 см).

Рис. 8. Обломок аккадского рельефа с изображением обнаженных военнопленных.

Рис. 9. Зиккурат Ур-Намму в Уре, реконструированный Л. Вулли (длина сторон внизу 61×45,7 м).

Рис. 10. Вход в сводчатую гробницу Ур-Намму в Уре.

Рис. 11. Терракотовые ванны и туалет в царских покоях дворца Зимри-Лима в Мари.

Рис. 12. Стенные украшения в храме Караиндаша в Уруке. Образец каситской архитектуры (XIV в. до н. э.) (высота кладки 198 см).

Рис. 13. Раскрашенная терракотовая пластинка с изображением крылатой богини Лилит, «Приносящей смерть», держащей в руках символы справедливости (высота 50 см).

Рис. 14. Голова львицы из Дур-Куригальзу (высота ок. 5 см).

Рис. 15. Алтарь Тукульти-Нинурты I (1244—1208 гг. до н. э.), на котором изображено поклонение символу бога Нуску (высота 53 см).

Рис. 16. Остин Генри Лэйярд (1817—1894). Рисунок Ульрики Ллойд (с портретов из книг Лэйярда «Ранние приключения» и «Автобиография и письма»).

Рис. 17. Реконструкция царского дворца и зданий цитадели в Дур-Шарруккине, сделанная Уильямом Сэддаби по данным Лауда и Альтмана.

Рис. 18. Деталь стенной росписи дворца правителя в Тиль-Барсибе (царствование Тиглатпаласара III, 744—727 гг. до н. э.). Роспись выполнена черной, красной и голубой красками по белой штукатурке.

Рис. 19. Головка женщины из слоновой кости (возможно, фрагмент декоративной мебели), найденная в Нимруде. Известна среди археологов под названием «Мона Лиза Нимрудская» (вероятно, конец VIII в. до н. э.; высота 16 см).

Рис. 20. Корова, облизывающая своего теленка, — популярный мотив у финикийских резчиков по слоновой кости, имеющий египетские аналогии. Найдено в крепости Салманасара (ок. 700 г. до н. э.).

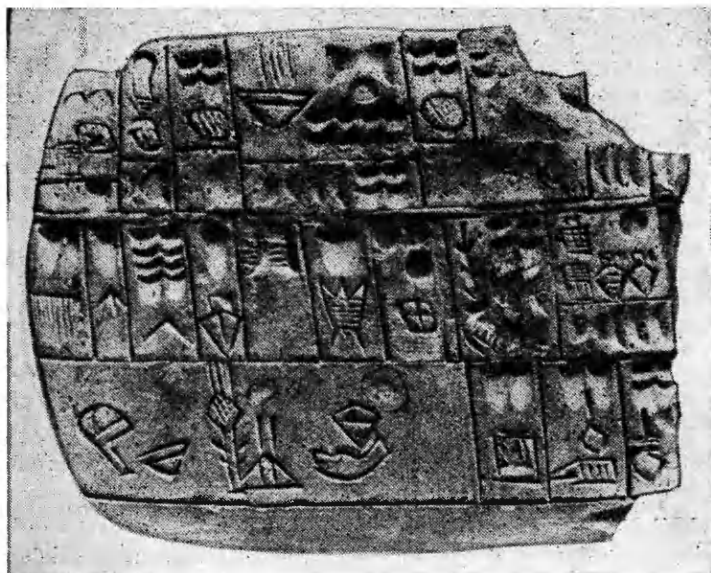

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

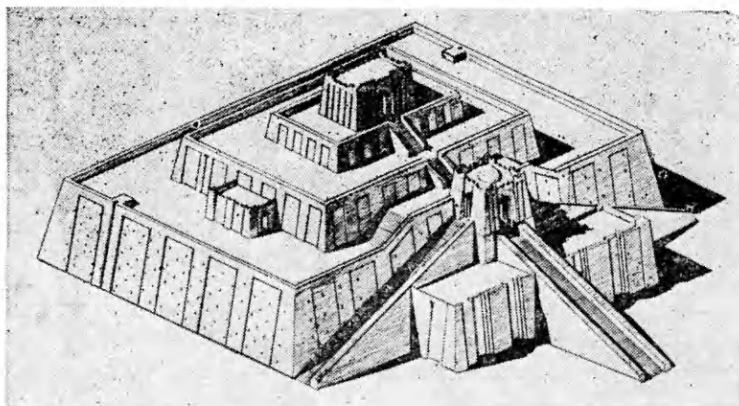

Рис. 9

Рис. 10

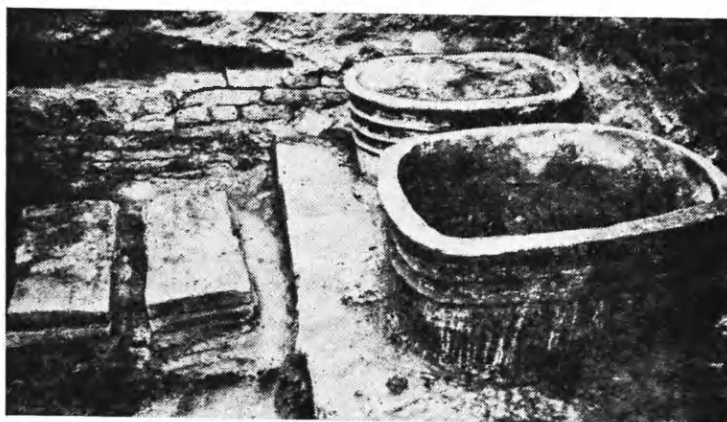

Рис. 11

Рис. 12

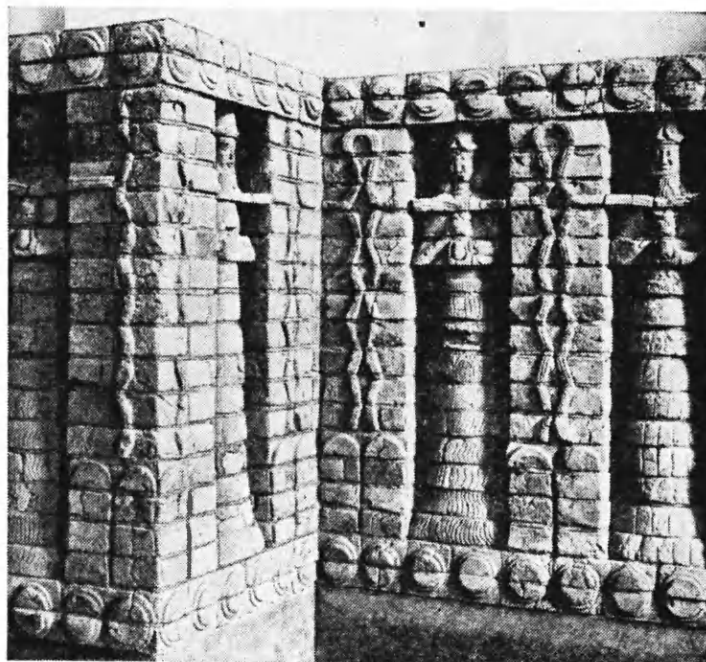

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

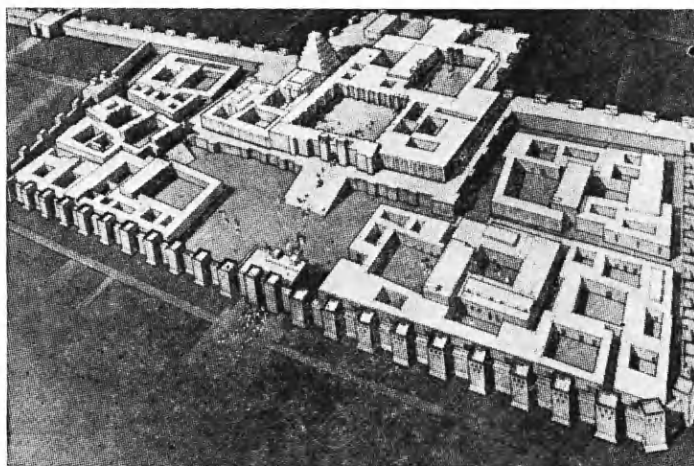

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

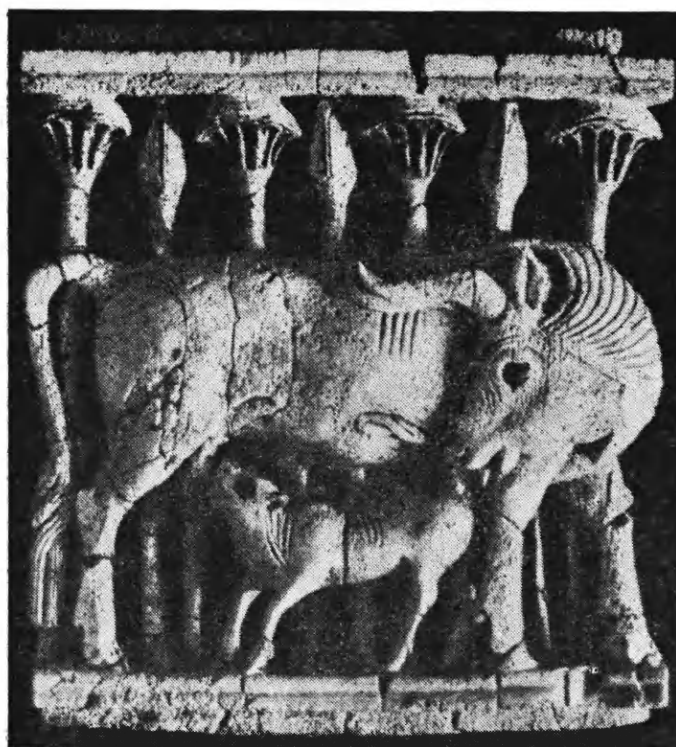

Рис. 20

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Страна и ее реки	7
Две области	7
Береговая линия	10
Реки	11
Климат и ирригация	12
Засоление почв	14
Северный Ирак	16
Глава II. Заря неолита	16
Древнекаменный век	16
Гаррод иSOLECKИ	22
Американские археологи в Курдистане	23
Изучение неолита	26
Проект «Ирак—Джармо»	34
Глава III. На пороге письменной истории	40
Последовательность открытий	40
Убейдский период	46
Период Урука	52
Архитектура периода Джемдет-Наср	59
Протописьменный период	60
Предшественники шумеров	67
Глава IV. Бесписьменные народы Северной Месопотамии	71
Раскопки на севере	71
Архитектура	81
Керамика	88
Погребения	93
Мелкие изделия	95
Внешние связи	97
Глава V. Ранние шумерские династии	99
«Царский список»	101
Древнейшие письменные тексты	102
Археологическая периодизация	103
«Потоп»	104
Памятники раннединастического периода	106
Терминология	126
Глава VI. Искусство и архитектура досаргоновского периода	128
Скульптура	128
Архитектура	135
Цилиндрические печати	141
Металлургия и сложные ремесла	143
Инкрустация	144
Составные предметы	145
Керамика	146

Глава VII. Династия Аккада и шумерское возрождение	149
Семиты в Месопотамии	150
Саргон и его преемники	151
Археология	154
Кутии и Лагаш	160
Третья династия Ура	163
Глава VIII. II тысячелетие до н. э.	170
Враждующие государства	170
Сооружения периода «Иссин—Ларса»	175
Частные дома	178
Дворец в Мари	178
Настенные росписи	180
Телль-Римах	182
Скульптура	183
Касситы	185
Митанни	187
Среднеассирийский период	191
Глава IX. Позднеассирийский период. История империи	200
Ранние раскопки ассирийских городов	205
Американские раскопки в Хорсабаде	214
Строительные конструкции	217
Позднеассирийская скульптура	218
Возвращение англичан в Нимруд	222
Нимрудская слоновая кость	227
Глава X. Вавилон: последняя монархия Месопотамии	230
Раскопки немецких археологов	232
Город	234
Здания	236
Эпилог	241
Список использованной литературы	243
Н. Я. Мерперт. Послесловие	250
Список иллюстраций	265

Сетон Ллойд

АРХЕОЛОГИЯ МЕСОПОТАМИИ

*Утверждено к печати Редколлегией серии
«По следам исчезнувших культур Востока»*

Редактор Л. З. Шварц. Младший редактор М. В. Малькова. Художник Э. Л. Эрман. Художественный редактор Б. Л. Резников. Технический редактор Л. Е. Синенко. Корректоры Г. П. Каткова и Л. М. Кольцина

ИБ № 14987

Сдано в набор 14.02.84. Подписано к печати 13.07.84. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 14,7. Усл. кр.-отт. 14,91. Уч.-изд. л. 15,5. Тираж 15 000 экз. Изд. № 5588. Зак. № 140. Цена 1 р.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

1 р.

Сетон Ллойд АРХЕОЛОГИЯ МЕСОПОТАМИИ

Профессор
Лондонского университета
Сетон Ллойд в течение 35 лет вел
археологические раскопки
на Ближнем Востоке. Он раскопал
древний Эреду, Хассуну и несколько
шумерских городов в бассейне
р. Диялы. В этой книге дается
обзор важнейших археологических
памятников Месопотамии с эпохи
палеолита до персидского
завоевания (VI в. до н. э.).